

Местный
киевский
романс

Станислав Росовецкий

УДК 821.161.1-312.5
ББК 84(4Рос)-44
Р75

Р75 Росовецкий, Станислав Казимирович

Жестокий киевский романс: Роман [Электронная книга]. Киев, 2024. 408 с.

Съёмочная группа второстепенного канала столичного телевидения работает над сюжетом о еженедельных чаепитиях известной балерины с немолодыми уже киевскими интеллигентами. Тридцатилетний тележурналист Селифан задумывается над тем, какие настоящие человеческие отношения скрываются за этим внешне гламурным четырёхугольником. Выясняется, что реальные жизненные перипетии оказываются куда интереснее его предварительных догадок. Постепенно он уже сам погружается в сложные взаимоотношения Маргариты и её друзей. А между тем в основное действие романа властно вмешивается политический, а в дальнейшем и международный кризис.

Текст, жанр которого автор определил как любовный роман с примесью политического, был написан в 2012 году.

В оформлении использована графика С. К. Росовецкого.

На авантитуле фото С. К. Росовецкого авторства С. Н. Саломатина.

УДК 821.161.1-312.5
ББК 84(4Рос)-44

© Росовецкий С. К., текст. 2024
© Росовецкий С. К., графика. 2024
© Саломатин С. Н., фото. 2024

Жестокий романс в фольклоре – это вроде недопетой баллады. Если девушка от несчастной любви утопилась, имеем дело с балладой, если только обещает утопиться – с жестоким романсом.

Витя, магистр фольклористики

Пролог

Оператор, не отрываясь от глазка, выбросил вверх и в сторону левую руку и показал пальцами «ОК!». «И что там только наш Вован толкового нашёл?», – промелькнуло в голове у Селифана, на гладко выбритом его лице отразившись лёгкой гримасой. Ведь не бывает скучней и невыразительней картинки для телевизионщика, чем компания, снятая за столом. Да и на столе, как и в комнате вообще, эдак не по-будничному: порядочек наведен, словно перед приходом гостей или посещением начальства. Показуха наблюдается, вот. Хотя следует признать, что сервис совсем не плох...

Легонько вздохнул Селифан и проверил, на месте ли узел галстука, привычно нащупал на лацкане микрофон. Вдруг насторожился: от четвёрки за столом не тянет страхом перед камерой, скорее агрессия непонятная исходит... Ну да ладно, хоть заикаться не будут. Пора, пожалуй, начинать, и конечно же, с картинки с собою, любимым.

Жора, режиссёр – так называемый – страдал сейчас у дантиста, посему Селифан и без напоминания придал своему лицу ещё более умное и значительное выраже-

ние, сам промолвил тихонько «Раз, два, три – мотор». А теперь чётко и весело, таким ярмарочным зазывалой:

– Дорогие друзья! Вы смотрите сейчас популяр-р-рнейшую передачу «В гостях у звезд-ы-ы!» Сегодня мы в гостях у примы нашего Оперного, у замечательной балерины, заслуженного деятеля искусств, у очаровательной женщины... А вы лучше представьтесь нашим зрителям сами, Маргарита Львовна!

– Зачем? – взмахнув длинными ресницами в камеру, хозяйка уставилась теперь на Селифана. – Кто бывает в Оперном на балетах, меня и так узнал. А прочим зачем представляться? Я же не из тех коз, что скачут по сцене с микрофоном на щеке! Тоже мне «звёзды»!

– Ну и язычок у вас, Маргарита Львовна! – восхитился Селифан. И порадовался, что материал, слава Богу, у них всегда записывается.

– Да уж... Фамилия моя Кочергина, настоящая моя фамилия, красивой театральной я не брала. А почему это – «прима»? Разве я – настоящая «прима»? После Вагановского училища распределена была в здешний кордебалет. Потом выбилась на характерные роли. И только когда упорхнули наши настоящие «примы» туда, где колбаса качественнее, достались и на мою долю Жизель с Джульеттой. Вот так, молодой человек.

– Вообще-то меня зовут Аркадием, Маргарита Львовна, – улыбнулся с полупоклоном Селифан. Вырезать! Ненужное можно будет вырезать... Идиот! На чашки засмотрелся – а надо было установить контроль над чаёвниками...

– Отчего же тогда оператор вас Селифаном величает? – спросила хозяйка будто о чём серьёзном.

– Да прозвище это, дразнилка от фамилии моей. Селифановы мы, – столь же серьёзно ответил он. – Так прикольнее. Вон у Чичикова кучер был Селифан...

– Бросьте, бросьте, – раздался тут уверенный баритон. Селифан подавил желание ответить подступившим к языку: «А куда и чем мне бросить?». Синхронно – он всем корпусом и Вован камерой – повернулись к обладателю баритона и увидели приятную улыбку на лице хорошо одетого лысого мужика лет под пятьдесят. – Это красивое латинское имя, вот только не припомню, что оно у римлян означало...

Селифан улыбнулся ещё приятнее:

– Простите, однако зрителям интереснее вы, сегодняшние герои нашей передачи... Итак, вот уже несколько лет продолжается эта дружба. Дружба знаменитой киевской балерины и трёх киевских интеллектуалов, известных каждый в своей сфере. Сейчас в кадре, – пока Вован нацеливался на массивного, загорелого не по сезону брюнета с брезгливо опущенными углами рта, покосился Селифан в шпаргалку. – Максим Лукич Вячеслов, доктор математических наук, профессор, член-корреспондент, одно из светил Института кибернетики, а теперь ещё и успешный финансист, председатель правления... э-э-э... «Дзета-банка».

Угрюмый мужик вдруг показал безупречные голливудские зубы:

– Кому же, если не математику, считать у нас деньги? Чего бы другого, а уж денег в Киеве немерено!

– А кому, как не вам, Максим Лукич, знать, сколько в Киеве денег?

Легонько коснулся Селифан правого плеча Вована, и тот послушно перевёл камеру на сидящего по левую руку от хозяйки. Этот гость-приятель, только что задвинувший насчет «латинского имени», Селифану шапочно знаком. Хотя... едва ли это выражение тут применимо. В студенческие годы Селифана он преподавал в Институте журналистики, читал тогда стилистику. Естествен-

но, он вынырнул из памяти у студента Селифанова, а вот доцент (сейчас, судя по шпаргалке, пребывает в том же звании), поставив тогда всей группе зачёт «автоматом», едва ли запомнил отдельно взятого студента. Если не имел для того особенного повода... А такого повода не имелось. Был тогда Русланов полумолодым рано облысевшим красавчиком, а стал теперь красивеньким полустаричком. Этот фрукт, в универе привыкший к публичности, пожелал представиться сам:

– А я – Владислав Николаевич Русланов. Я кандидат филологических наук, доцент Лингвистического университета имени Пушкина. О деньгах мало чего знаю, чтобы иметь их – и того меньше, а что владею двумя десятками языков – вот это уж точно.

– Замечательно, Владислав Николаевич! И последний участник нашей сегодняшней беседы – Алексей Петрович Истомин...

И пока вглядывался Селифан в бумажку, Истомин, чёрный как жук, моложавый и вёрткий, за малым не зарычал, возражая:

– Last, but not least! Последний, да не из последних, как говорят англичане. Я тоже доктор наук, профессор, вот только давненько уже живу на своих хлебах. У меня Госпремия и Национальная премия республики Западный Мадагаскар! Я мог бы многое порассказать о том, как прокладывать нефтепроводы, да! Однако же не для того вы, разбойнички с камерой, сюда приехали! Так спрашивайте нас, наконец, с какой стати мы, люди солидные, вьёмся вокруг Риты, как осы над... над ломтиком дыни?

Банкир хохотнул. Оператор Вован как бы в панике скользнул камерой по середине стола, а препод Русланов легонько откашлялся, показывая, что желает заговорить. Улыбнулся в камеру:

– Пылкий, несмотря на годы и почетные звания, наш Алексис не желает учитывать специфику телевизионной... м-м-м, поэтики – буде таковая имеет место быть. Вам ведь, ребята, глубоко безразлично, что такое внутри Алексиса заставляет его каждый четверг отрываться от послеобеденного пасьянса и мчаться сюда на Тимофеевскую...

– Вот-вот! – стукнул чашкой о блюдечко Истомин.

Селифан метнул быстрый взгляд на хозяйку, однако та пренебрегла опасностью, грозящей парадному сервизу. На тонких, красивых губах её блуждала рассеянная полуулыбка. Или презрительная? И почему ему кажется, что уже видел её раньше?

– ...пожалуй, помогу вам. Итак, каждого из нас привела сюда многолетняя любовь к балету. На наших глазах крепло исполнительское мастерство Маргариты Львовны, и мы (порознь, само собой) восхищались её искусством издали. Не знаю уж, как вам, друзья, но мне просто надоело наблюдать каждый раз, как толстая астматическая капельдинерша, еле передвигая слоновьи свои ножищи, тащит через всю сцену мой букет...

– Вот-вот, Владик! – поддержал его экспансивный технарь.

– Так-таки так! – прогудел, набычившись, банкир, и Селифан не успел вспомнить, кому из местных актёров прошлого он подражает, потому что лысый красавчик говорил именно то, что было нужно для передачи.

– ...смекнул (знаете, такое почти озарение), что и Маргарите Львовне приятнее получить цветы из рук поклонника её таланта, а не от завистливо улыбающейся и дышащей, как маневровый паровоз, тёти Мани. И вот я, смутно догадываясь, что обольстительная наша Джульетта и Одетта-Одилия не обитает неисходно в недрах Оперного, как Призрак Оперы, и не покидает театр,

стартуя с его крыши в хрустальной колеснице, влекомой...

– ...тремя морскими коньками! – подхватил банкир.

– А... Ты так себе это представлял, Максим? А я-то думал, что в колесницу впрягалась квадрига бронзовых коней, прилетавшая к концу последнего действия из Москвы, с фронтона Большого театра... В общем, я отважился дождаться Маргариту Львовну у служебного входа. Её не было довольно долго тогда...

– И ты замёрз. И принялся сам приплясывать на обледенелых плитах тротуара, – встрял вдруг Истомин, коротко хохотнув. – Мол, не богини же горшки обжигают.

– Замёрз? Прекрасным майским вечером? Наконец, она появилась, и тем, как была одета, покрашена и причёсана...

– Накрашена? Можно подумать, что ты рассмотрел тогда, как я была покрашена? И о какой причёске могла тогда идти речь? Не слушайте его, я потом сама расскажу, как действительно произошло наше знакомство!

– А вы не слушайте Маргариту Львовну – она у нас скептик и матерьялист, похуже ещё, чем Максим. Появилась, да... Разумеется, не сразу её узнал, Сильфиду... И тем, как была одета, покрашена и причёсана, дала ты мне, прекрасная ты наша Маргарет, пищу для раздумий на ближайшие несколько ночей. Конечно же, я успел только всучить свой веник...

– ...успевший покрыться инеем, – снова вклинился технарь.

– Да поди ты, Алексис! Хочешь – расскажи свою версию, только очереди дождись... И едва успел я нашей диве преставиться и – в нескольких словах – выразить свое восхищение...

– Ну, уморил! Ты – и в нескольких словах? – и банкир фыркнул.

– Представь себе! Потому что подкатило такси, вызванное Маргаритой Львовной, она в него тотчас впорхнула и... – развёл руками. – Пришлось несколько раз повторить операцию, прежде чем Маргарита Львовна соблаговолила со мною разговориться.

Если бы Селифан мог себе это позволить, он бы ухмыльнулся сейчас. А так пришлось удержать на лице безразличное выражение. Но ведь полный идиотизм! Пожилой человек, наверняка женатый, торчит с букетом у служебного выхода театра, чтобы познакомиться с танцовщицей не первой молодости...

– Со мной Марго повела себя точно так же, – кивнул банкир. – С той только разницей, что твой, как ты на удивление точно выразился, веник не шёл ни в какое сравнение с лично отобранными мною орхидеями. И ещё я предложил доставить её домой на своём «мерсе» с мигалкой.

– С мигалкой? – счёл нужным удивиться Селифан.

– Да, с мнимо правительственной мигалкой. Тогда модно было покупать их у гаишников, гордо проскакать на красный свет и нестись по разделительной полосе. Вот только остался при пиковом интересе. Я мог бы и на президентском белом «линкольне» подъехать, результат был бы тот же. Марго гордо предпочла заказанное ею из гримуборной ободранное такси. Только при третьей такой моей на неё засаде соблаговолила отпустить таксиста и сесть в «мерс».

– Бог Троицу любит, – ухмыльнулся технарь.

– Давайте я расскажу сама, как было дело, – отмахнувшись от Истомина ручкой, затараторила вдруг хозяйка. Глаза при этом у неё глуповато округлились, и Селифан тотчас же догадался, что играет очередную роль. – Мне и в первый раз хотелось прокатиться на

«мерседесе», потому что я раньше никогда не бывала внутри этой машины, длиннющей, как...

– ...карандаш, – быстро промолвил банкир.

– ...рабочая суббота, – это уже препод осторожно подсказал.

– ...нефтепровод, – буркнул Истомин.

– ...длинной-предлинной, как такса. Так вот, я отказалась. А почему отказалась? Да сомневалась, сумеет ли «мерседес» заехать во двор на Красном Хуторе, где я тогда жила. Да и неловко было заставлять поклонника подвозить меня так далеко.

– В одиннадцатом часу? И с мигалкой? – пророкотал банкир и покрутил головой.

– Ага... А на следующий вечер я тоже занята была в спектакле. И снова это явление Христа народу с орхидеями и «мерседесом». А я забыла посмотреть, проедет ли громадина во двор. И только на третий раз (давали, помнится, «Тщетную предосторожность») я позволила этому богатенькому Буратино доставить меня домой. Признаюсь теперь, что не заказывала в тот вечер такси, и осталась бы ни с чем, если бы Максим не повторил свой номер.

«Ни с чем? Вот ещё! До метро ведь два шага, к тому же под гору», – удивился Селифан. Уж очень разоткровенничались они. Будто за болтовнёю что-то скрывают... Да ладно, это их дело. Не молчат – и то хорошо.

Тем временем Вован по собственной инициативе перевёл объектив на технаря – и едва не отшатнулся от глазка: до того вызверился навстречу Истомин.

– Тут я вам, вруны с камерой, не помощник! Машины не имею! А с Ритой познакомился по той же схеме, что и Владик.

Хозяйка хмыкнула. Глядя в сторону, произнесла тоном довольно напряжённым:

– Вот обидел ребят, назвал врунами, а сам сей же момент соврал. И бессовестно. Зачем ты соврал, Алекс? Ведь мы с тобою...

– Да затем, дорогая, что правда им не нужна, а ложь приятнее, – рыкнул Истомин. И вдруг расслабился, ухмыльнулся. – Ладно, простите, ребята. Я больше не буду. А почему же вы не спросите, как это так получилось, что познакомившись с Маргаритой Львовной каждый в отдельности, мы терпим друг друга на этих четвергах?

– Считайте, что спросил, Алексей... э-э-э... Петрович, – натянуто улыбнулся Селифан. – И правда, как оно вышло, что вы были, если я правильно понял, конкурентами, а стали друзьями?

– А вот вам сейчас наш Владислав Златоуст объяснит, – пробурчал Истомин.

И Вован уже перевёл объектив на снова приосанившегося и распрямившего плечи гуманитария, когда, снова коротко хохотнув, заговорила хозяйка:

– Знаете, господин Селифанов, вы сейчас сказали, что мои друзья были соперниками... А ведь им не в чем было соперничать. Не уверена даже, что после моего с ними знакомства... Я имею в виду Максима Лукича и Владислава Николаевича, а с Алексом мы очень давно знакомы, можно даже сказать, что дружили домами... Не думаю, что они заинтересовались мною, как женщиной. То есть, пока торчали возле служебного выхода с букетиками, кой-какие игривые мыслишки и могли у них возникнуть, не без того. Однако вскоре я с облегчением убедилась, что они видят во мне балетную диву – своего рода танцующий автомат. Знаете, когда куколка-танцовщица выскакивает из шкатулки, ножку поднимает и – раз, два, три ... И вот ведь какой пассаж: этакий балетный автомат по непостижимой для них прихоти напялил обыкновенные бабские тряпки.

– Нет! Нет, дорогая Марго, никогда! – выпучив глаза в комическом ужасе, прижал руки к сердцу банкир. Истомин, тот жёлчно рассмеялся и снова стукнул чашкой о блюдце.

– Ты, прекрасная Маргарет, поставила нас трёх в неловкое положение, и Алексис это понял, а Максим попался в ловушку, – лысый красавчик проговорил это легко, будто речь идет о безделице. – Согласиться в том, что мы не влюбились в тебя тогда, значит обидеть тебя как женщину весьма привлекательную и желанную. Не согласиться с тобою – выходит тоже неловко...

– Я попался в ловушку? С чего ты взял? – изумился высокомерно банкир. – Моё «Нет, дорогая, никогда!» может означать что угодно.

– Что я слышу?

Селифан встрепенулся. Голос Маргариты Львовны прозвучал тоном выше, и, взгляд на неё переведя, увидел он, что прекрасная Маргарет покраснелась, глазки горят, помолодела даже. Стукнула кулачком по столу и повторила:

– Что я слышу? Бунт на корабле? Или мы вернулись в каменный век, и мне следует дожидаться, пока один из моих поклонников ахнет мне дубиной по голове и затащит в пещеру? Неужели от меня так-таки ничего и не зависело? А ларчик просто открывался, Аркадий. Эти назойливые поначалу господа просто не мои варианты...

– О коварная! – пробормотал Истомин с блаженной глуповатой улыбкой.

– Разумеется, я не о тебе, Алекс! Ты как раз в моем вкусе, и я в своё время даже положила глаз на тебя. Но тогда ты был мужем моей лучшей подруги, мне казалось, что вы счастливы в браке... А потом, когда мы уже с тобою подружились, ты и я, после вашего с Софочкой

развода, было бы нелепо влюбиться в мужчину, которого знаешь многие годы... Ведь так?

Это она уже у Селифана спрашивала, снова глазки ненатурально округлив. Неужели снова врёт? Зачем? Что скрывает? Неужто они, старые пердуны, тут с нею оргии устраивают? Кажется, он пересмотрел жёсткой эротики. Только что смотрела дамочка ему примерно в лацкан, а вот сейчас встретились они впервые глазами – и Селифана будто к стене отбросило. Что там за прожекторы у неё? И это давление в паху... Нет, не может быть!

– А я прихожу сюда, потому что мне тут есть с кем и о чём поговорить. – пробормотал банкир. – И ещё приятно посмотреть на красивую блондинку, однако же не дуру.

– Мерси за ваш комплиман, – произнесла хозяйка как-то механически, будто осведомлялась, не долить ли чаю.

– А, кстати, господа, ваши супруги не возражают, когда вы проводите здесь вечера?

– Посмела бы только моя теперешняя жёнушка возразить, – хищно ухмыльнулся Истомин. – Не для того я на ней женился, чтобы возражала.

Маргарита Львовна сначала как будто смутилась, однако тотчас же звонко рассмеялась и захлопала в ладоши.

– Я разведён, – томно провозгласил препод. – А в современной семье... Что ж, проявления ревности случаются.

– И я тоже в разводе, – это банкир. И, усмехнувшись, добавил. – Однако, в отличие от Владика, живу на холостом положении. Так что некому ревновать.

– О чём же вы здесь по четвергам разговариваете? О политике, небось? – спросил Селифан – и стушевался, потому что все четверо посмотрели на него, как на придурка.

– Фи! – это хозяйка, конечно.

– Мы никогда не разговариваем за этим столом о политике и политиках. Табу! – веско заметил лысый гуманитарий. – А почему, пусть вам Максим скажет. Он с политиками каждый день якшается.

– Политики нынче у нас те же коммерсанты, – банкир пояснил это неохотно, будто малому сыну в который раз объяснял, для чего надо мыть руки перед едой. – Хорошего о них сказать нечего, а плохо о них говорить мне не позволяет... Что мне там не позволяет? А-а-а, профессиональная этика.

Селифан незаметно отодвинул манжет, чтобы покуситься на часы – и увидел только светлый ремешок из кожи. Вот ведь... Слишком многое придётся вырезать, больше обычного, посему пока неясно, удастся ли натянуть на десятиминутный сюжет. Впрочем, пусть Вован снимает вокруг, есть ведь что снимать: самую весьма престижную высотку, втиснутую между старинными домами в тихом центре по принципу «точечной застройки», подъезд, площадку, и как прекрасная Маргарет (какая она мне прекрасная Маргарет?) Маргарита Львовна открывает дверь на мой звонок. Взять побольше из архива, ведь снимали же балеты с её участием... Или попала в струю, когда уже не снимали? Боже, как зло, как желчно! Это вёрткий Истомина расквакался.

– ...а грошового пенсионера никакая профессиональная этика не сдерживает. Ведь всем известно, что в политику идут теперь очень богатые люди. Их терпят только потому, что дают подзаработать столичной интеллигенции – журналистам, рекламистам, пиарщикам и даже простым пенсионерам и студентам. Однако ещё и разговаривать нам о политиках – много чести! Тут наша королева права. Вон и Владик, кажись, со мною согласен.

– Конечно! Особенно насчёт пиарщиков, Алексис! Вот кто гребёт денежки лопатой – правда, больше в сезон выборов. Господа, чем это мы с вами занимаемся? Только время теряем! – и вдруг ухмыльнулся препод даже и по-мальчишески. – «Я б в пиарщики пошёл – кто меня научит»?

Собеседники помолчали. Потом банкир угрюмо зыркнул на Селифана и, пробурчав нечто невнятное, заявил:

– Тебя поздно учить на пиарщика, Владик. А главное, ты не всю ещё совесть растерял. Ты ведь не желаешь кормиться у жертвенника святой науки, живёшь на одну зарплату – почему же надеешься, что в пиарщиках тебя не стошнит?

– А ты ставишь нашего Владика в неловкое положение, Максим, – заметила хозяйка. – Ведь это тупо – хвалиться тем, что не берёшь взяток и не пишешь за деньги... как их теперь? ... да, магистерских и диссертаций.

Банкир не замедлил с ответом:

– А если не похвалиться своей честностью, хоть оно и тупо, будут думать, что и ты взяточник. Вот такая непонятка.

– Гони пятёрку! – закричали тут сидящие за столом, сперва не в лад, а потом хором, и захлопали в ладоши. – Го-ни пя-тёр-ку!

– Штраф за ненормативное словцо, – пояснил Селифану оживившийся вместе со всеми Владислав Николаевич. – Мы тут стараемся говорить на чистом русском языке. Штраф идёт на чай для сих посиделок. Чаше попадается Максим – ему по работе приходится бывать в скверной компании, ещё Алексис – из-за характера своего: он же, как порох. Ну, а прекрасную Маргарет, эту ехидство подводит. Я же ни разу не поплатился пятёркой – ибо мудр и на язык воздержан, яко змий.

А банкир даже и для виду не порылся в карманах (только пошутил: «Карточки «Shizá» принимаете?») и вдруг обратился к Селифану:

– Знаете, Аркадий, я обычно перед визитом к Маргарите Львовне перехватываю пару-тройку пятёрок у своего водителя, он же охранник, а сегодня забыл. Маргарите Львовне не нравится, когда я вызваниваю сюда, в гостиную, своего верзилу, да и вам едва ли это сейчас будет удобно. Посему, Аркадий, не в службу, а в дружбу, займите, пожалуйста, мне пятёрку... Нет, нет, положите её в вазу. Да, в эту.

Селифан покорно опустил кровную свою пятёрку в роскошную каминную вазу, стоящую почему-то на пианино. И не удержался, брякнул-таки:

– Маргарита Львовна! Господа! Вы удивитесь, как мало из вами сказанного... из до сих пор вами сказанного пойдёт в эфир.

– Вы хотите сказать, что напрасно тратите на нас драгоценную плёнку? – прищурился на Селифана преподаватель.

Теперь не выдержал уже Вован, забасил от своего штатива:

– Плёнки нет теперь, снимаем на электронную память, она как бы бесплатная. И диски копейки стоят. Только вот амортизация аппаратуры и время наше, съёмочной группы, они дорогие.

Гости переглянулись с хозяйкой, и Селифан с непонятной ревностью понял, что перед ним действительно слаженная команда. Банкир откинулся на спинку стула и, снисходительно взирая на Вована, заявил раздумчиво:

– Переговоры со студией вела Маргарита Львовна, и если она согласилась на эту съёмку, что нам оставалось делать? Только поддакивать. Хотя не скрою, что меня

позабавила возможность бесплатного пиара. Ведь всякое появление на экране полезно – каждому из нас полезно.

– Скрытая реклама – это не по нашей части, – вынужден был вмешаться Селифан. – Возникли предложения – с этим, пожалуйста, на канал, к менеджеру по рекламе.

Банкир вальяжно от него отмахнулся. Выдержав паузу, продолжил:

– Что ж, я принимаю тезис, что ваше время денег стоит, ребята. Скопируйте для нас четыре диска (не редактируя, просто как снялось), я узнаю, сколько стоит такая услуга и заплачу сверху, – он перевёл взгляд на Селифана, достал из одного кармана держатель для визиток, отделил одну, перевернул, добытым из другого кармана «Паркером» почёркал-почёркал и протянул ему. – Вот вы, Аркадий, созвонитесь с моим секретарём, и договоримся о встрече. Заодно и должок верну.

– Сделаем, – прогудел Вован.

Селифан машинально кивнул и спросил профессиональным тоном:

– Так всё-таки, Маргарита Львовна, господа, о чём вы беседуете тут по четвергам?

Гости снова согласно переглянулись с хозяйкой, и слово взял Владислав Николаевич.

– Всем ведь известно, какие темы предпочитают мужчины, большие болтуны – нас хлебом не корми, дай только потрепаться о работе. Однако жестоко было бы нагружать Маргариту Львовну, да и друг друга тоже, нашими профессиональными заморочками. Поэтому мы беседуем о том, что профессионально интересует нашу даму, и в то же время расширяет и наш... э-э-э... кругозор. Об искусстве. В первое время беседовали, естественно, больше об искусстве балета...

– Да уж, большие знатоки... – хмыкнула хозяйка.

– В XIX веке было звучное такое слово – «конэсеры», – это банкир вставил свои рубль двадцать.

– Конэсер? Это, сдаётся мне, по части лошадок... Для меня такие разговоры не всегда приятны, имейте в виду, – пробурчал Истомина. – Я ведь вторым браком был женат на танцовщице. И это ремесло знакомо мне не только казовой своей стороной: адова, изматывающая работа у станка, вечно занятые вечера – и в первую очередь, само собой, когда у добрых людей выходные. И эти распухшие к полуночи ноги, и проблемы с сердцем у совсем молодой, юной женщины... А ужас пенсии в тридцать шесть лет!

Селифан не врубился. Тоже мне нашел ужас – полжизни прожить на государственный счёт! Сам он только пару лет как начал зарабатывать себе на пенсию, до того получал зарплату «в конверте» и нелегальные гонорары. Впрочем, ему с детства импонировало, что у офицеров ранние пенсии... Маргарита Львовна хихикнула – ехидно, надо признать, хихикнула. Уж не над ним ли? Знает за собою: в моменты, говоря высоким слогом, раздумий выглядит глуповато; вот такой парадокс. Тут заговорил Владислав Николаевич, препод.

– Уж лучше пенсия в тридцать шесть лет, чем пуля в лоб из дуэльного пистолета. Не один Пушкин умер в этом возрасте, ещё Байрон, Моцарт, Федотов, Леопарди, Рембó, Маяковский, Хлебников – это только те, кто сейчас припомнились... Я вот думаю...

– А знаете, о чём я подумала? Скажи современной девушке «Рембó», а она тебя поправит: «Рэмбо».

– Рембó надо читать на французском. Из переводчиков разве что Анненский даёт впечатление о его революционном стиле... А знаете ли вы, что Иннокентий Анненский прослужил несколько лет в Киеве, тут, в двух шагах, директором Коллегии Павла Галагана?

– Не знал! – блеснул глазами банкир. – Однако такие утонченные люди, как правило, не задерживались надолго в нашем благословенном городе.

– Увы... А вот насчёт танцовщиц. Я так кумекаю, что время выхода на пенсию для них (ведь и у Моисеева так) установил кто-то знающий о роковом для гениев возрасте. Уж не Луначарский ли? И не насмешка ли тут над несчастными, вынужденными использовать своё тело как инструмент и ограниченными передачей физического движения страстей?

Слава Богу! Разговорились. Осторожно отступил Селифан к камере, за которую всюду трудился Вован, и пошарил вокруг беспомощным взглядом. Кофеин, чашечка натуральной, молотой арабики с одной ложкой сахара – вот что теперь было бы в самый раз! Однако от этой... от этой дождёшься... Почему он не назвал про себя Маргариту «мымрой», почему постеснялся? И тут Селифан понял вдруг, кого она ему напоминает, и чуть не застонал в голос: открытие отнюдь не обрадовало.

Вован коротко взглянул на него и, возвращая уже правый глаз к окуляру, снова показал пальцами «ОК!».

Глава 1. СЕЛИФАН: культурный феномен Жоры; стоило ли связываться с малолитражкой; летающий зелёный змий

– Я посмотрел, что вы там сняли без меня, и, на первый случай, сделал «монтажку», – заявил режиссёр Жора, шумно отхлебнул кофе и начал паузу.

Пауза имеет целью подчеркнуть значительность того, что будет сказано. Шумное присёрбывание является составляющей имиджа Жоры, как, впрочем, и форма имени. Тридцатилетний Жора, режиссёр одного из ведущих телеканалов, одевается и выглядит, как строительный рабочий помоложе из тех, которых привозят на автобусах из дальнего предместья и провинции на стройплощадку очередного небоскрёба тут же за углом. Сам он поясняет свой стиль тем обстоятельством, что никогда не появляется на экране. Селифан, весьма тщательно одевающийся – всегда, а не только перед камерой, подозревает здесь проявление некоего терзающего Жору комплекса. Да чего там скрывать! Оба не в столице родились, вот только Селифан избрал путь мимикрии, а Жора – эпатирующего псевдожлобства.

Пауза длилась. Селифан и себе отхлебнул кофе. Горячего, но на вкус отвратительного, и нельзя было бы даже сказать, что оказался таким. В закускойной внутри здания канала кофе куда лучше, однако там всегда тусуется народ, и потолковать о серьёзных делах съёмочная группа Жоры привыкла ходить сюда, в кафешку. Канал переживает не лучшие дни, поговаривают об очередной смене владельца, а, следовательно, и поли-

тической ориентации. Поэтому Жора предпочитает не рисковать: течение внутренней жизни канала не обходится без доносов и подсиживаний, да и перекривить случайно подслушанное тут большие мастера. Оператора не было с ними: Вован понес камеру к электронщикам на профилактику, а лучше бы сидел сейчас здесь... Вот Жора поднял свои голубые водянистые глаза от чашечки. Наконец-то!

– Получилось весьма недурственно. Я вырезал только политику, ну, ещё кое-какие мычания и паузы. Любопытно, как оценит шеф.

– А ты ему не говори про стоматолога. Рад, что тебе понравилось.

– Весьма недурственно, хоть меня и не было на месте. Так, быть может, режиссёр там, для таких съёмок, и не нужен? Может быть, мою ставку можно безболезненно сократить, а? Не хочешь ли подкинуть такую мыслишку шефу?

– Упаси Боже, Жора. Надеюсь, ты шутишь.

– Какие нахрен шутки, дружище?

– Начать с того, что сокращать группу никто не станет. Ты же сам говорил, что за нами снова закрепляют водилу, того же хиппаря Славика, чтобы вместо тебя или меня рулил и заправлялся, а то и звукооператора. Да ты посмотри хотя бы, как теперь снимают клип! Ведь над этим четырёхминутным малюткой возится целая маленькая киностудия!

– Не заговаривай мне зубы! Лучше бы ты вчера поутру мне их заговорил, тогда мне не пришлось бы шлёпать к садисту, а тот за мои мучения с меня же и деньги берёт! Меня не было на месте, а получилось весьма неплохо. Так, может быть, ты лучший, чем я, режиссер? Может, ты, Феллини новоявленный, метишь на моё место?

Селифан застонал и беспомощно обвёл взглядом стены кафе, хотя и не надеялся увидеть там чего нового. Кафешка названа не без юмора («Храм кофе», это же надо!), однако из тех, в которые приятнее с улицы через окна заглядывать, чем в них сидеть. К тому же её хозяин позаботился, чтобы посетители не брали себе дурного в голову, как, впрочем, и о чём-нибудь хорошем не смогли подумать: к стене прикручен телевизор, никогда на памяти Селифана не выключавшийся. Правда, там сменяют друг друга одни и те же восемь музыкальных клипов, поэтому завсегдатаям, наверное, удавалось и подумать о своём... Перекрикивая нахального чёрного рэпера, как раз принявшегося орать нечто на гарлемском наречии, Селифан для убедительности ещё и ухватил Жору за потёртый рукав кожаной куртки.

– Я тут не при чём! Ты Вована спроси! Просто народец сам по себе интересный собрался – не то, что те, прости господи, «звёзды», с которыми мы привыкли иметь дело.

– А я Вована спрашивал, ты не думай. Прикольный «пипл», ты прав. Но и ты был хорош, Селифан. Особоливо под конец... Зацени, я просто поражался: да ты из себя, извини меня, выпрыгивал – острый, ироничный!

Селифан вздохнул:

– Если мне и удалось что-то на сей раз, вовсе это не означает, что я собираюсь на твоё место сесть. Ты же знаешь, Жора, что я мечтаю совсем о другом.

– Да помню я, дружище, о чём ты мечтаешь.

Оба помолчали, рэпер из ящичка распинаялся за них обоих, вот только непонятно о чём. Селифан понимал, что его мечта фатально неосуществима, и догадывался, что и приятель, он же маленький начальник, о том догадывается. А мечтал он о собственной программе, о ток-шоу. На авторскую программу Селифан не замахивался. Слава Богу, телебизнес не требует гениев, потому что

новой информации не создаёт, а передаёт дальше уже известное. Однако для того, чтобы из недели в неделю рассказывать о народных обычаях разных стран мира или там о новостях кино, одной яркой (скажем так!) внешности мало, надо обладать минимумом талантливости, но достаточно ярким минимумом. Или обширными знаниями, которыми не в Институте же журналистики обзаводятся. Ничем этим Селифан не мог похвастать. Конечно, чтобы вести ток-шоу, тоже нужны способности. Вот одна телезвезда, особа весьма заметная (попробуй-ка её не заметить, с такими-то габаритами), сунулась было вести своё ток-шоу, да вот не заладилось у неё – это ведь тебе не «Шопинг со звёздами»! Однако у него получилось же вчера, и вообще ординарность ведущего можно затушевать яркостью приглашённых, хотя и их трудно будет находить... А ведь Жора только что родил нечто умное...

– А?

– Там был мощный подтекст, говорю, и все четверо друг друга уравнивали. У меня такое впечатление, что мы продешевили с этим «синхронном». Ну, словно полбутылки «Мартея» выплеснули в пивную кружку. Как ты посмотришь, если я предложу шефу еженедельную передачу, вроде колонки в газете: те же персонажи, там же собираются по четвергам – и запускают зубы в самую яркую новость недели? Новость берётся политическая, из области культуры, бизнеса и даже спорта – взгляд со стороны. Даже прикольно: что, мол, за глупости этот ваш футбольный чемпионат Европы по сравнению с выставкой Шагала? Коротко, минут на пятнадцать. Как оно тебе?

– Лихо! Вот что я скажу, Жора. Лихо, слов нет! Однако, не говоря уже о том, что шеф такое предложение и обсуждать с тобою не станет... Эти люди не захотят пре-

вращаться в шоуменов. У них стимула нет губить своё интимное (возможно, что и оч-ч-чень интимное!) еженедельное развлечение, продавая себя нашей бражке. Они же крепко стоят на ногах, успешно реализуют себя каждый в своей специальности. Хотя... Может быть, и согласился бы один...

– Кто?

– Тот технарь. Истомин... э-э-э... Алексей э-э... Да ты уже вспомнил, о ком речь... Петрович, вот. Он без работы, был бы, наверное, заинтересован.

– Помню его, как же... Там есть крупный план, я остановил и хорошо к мужику присмотрелся. Во-первых, он стар, хорошо за шестьдесят, а волосы красит. Пипл такого не хавает. Во-вторых, мужик с червоточинкой. Колоться-то, может, и не колетса, а вот нюхает... Или водочкой балуется нехило. Потому и злой такой. Нет, из-за него одного я не стал бы трепыхаться.

– А всё-таки... Пойдешь с этим проектом к шефу?

– Подожду, пожалуй. Послушаю сначала, что старик выдаст про «монтажку».

Режиссёр Жора кивнул, заканчивая разговор, и снова с простонародным хлюпаньем отхлебнул остывшего кофе. То есть хлюпнул он беззвучно, ведь орущий ящик заглушил. Вот только Селифану до того отвратно такое хлюпанье, что он слышит его и морщится в душе даже и сейчас. Однако в жизни приходится терпеть вещи и похуже, куда денешься?

Без сожаления отставил почти полную чашку купленного Жорой напитка, поднялся с табурета и произнес небрежно:

– Ну, а я пошёл.

Как раз пауза выдалась между клипами, и голос Селифана прозвучал неожиданно громко. Девушка с ко-

роткой стрижкой, сидевшая за соседним столиком спиной к телевизионщикам, возмущённо обернулась. Он скорчил виноватую мину и слегка наклонил голову. Девушка (а ничего девушка!) вернулась к своему кофе... Ага, и к миндальному пирожному.

– Сколько уже раз я просил тебя: выражайся точно! Ты не пойдёшь ведь, а поедешь. Эй, чуть не забыл! Вот Вован для надутого банкира передал, – и Жора достал несколько CD-дисков из матерчатой сумки, точь-в-точь как у нищего слепца на запомнившейся Селифану старинной гравюре. – Велел тебе напомнить, чтобы папикову деньгу не зажал.

– Обижает! Ну, бывай!

Вышел Селифан на приятное майское солнышко, отключил сигнализацию, открыл дверцу, уселся, вставил ключ зажигания, повернул, огляделся... Усмехнулся криво, вспомнив, как ещё недавно эта последовательность действий доставляла ему искреннее удовольствие. Машина, из импортных малолитражек, была новенькой – и модной, как уверяли в автосалоне, а вот радость от обладания ею успела состариться. Покупая «дэушку» в кредит, убеждал себя Селифан, что на его работе нельзя без машины, а став обладателем этой жестяной коробки, убедился, что её дешевизна подчёркивает его низкое положение в студии. Вон Жора обходится велосипедом, а на далёкие расстояния по городу ездит, если не служебным пикапчиком, то метро да маршрутками, как выйдет. Однако Жоре нельзя подражать, ни в коем случае! Жора один такой, он уже занял эту нишу – студийного чудилы, и рейтинг вздумавшего обезьянничать неминуемо понизился бы. Кроме того, простецкая внешность Жоры вполне соответствует избранному им образу, а вот он, Селифан, смотрится толь-

ко на фоне гламура. Хорошо это или плохо, но это его стиль... А вообще-то, если правде в глаза посмотреть, оба они – «белые вороны» среди киевских телевизионщиков. Эти господа ездят на лучших иномарках, ночи проводят в элитных клубах, держатся как свои в светской тусовке, а на чужаков, вроде него и Жоры, смотрят с таким понтом, будто сами в Киеве оказались проездом из Парижа в Токио.

Положил уже ладонь на рукоятку ручного тормоза, но не успел сжать пальцы: густая тень накрыла улицу, и природное любопытство тут же выгнало его наружу. Задрал голову Селифан – а там, в узком пространстве голубого неба, уже прячутся за тёмной крышей четырёхэтажки две зелёные лягушачьи лапы и такой же огромный красный хвост. Змей! Рекламная акция, наверное...

Мелькнула слева вывеска «Автомобили напрокат», и подумалось Селифану – и не в первый раз, – что надо было ему не покупать малолитражку в кредит, а арендовать здесь какой-нибудь джип «Судзуки». Пускал бы пыль в глаза студийному народцу месяца два или три, а потом заявил бы небрежно, что поставил на приколы, а почему поставил, и объяснять не надо: пробки, проехать в центре невозможно и всё такое прочее.

Не глядя (глаза нужны, чтобы за дорогою следить) он достал мобилку и портмоне для визиток, вытащил банкирскую... Забеспокоился отчего-то и, чтобы не вделаться куда, приткнул тачку к поребрику на пустынной, в общем, сейчас Дмитриевской. Так, адреса нет, наберём номер мобилки, тот, на обороте... Банкир отозвался почти сразу.

– Это кто ещё?

– Здравствуйте, Максим Лукич. Это Селифанов вас беспокоит, из программы «В гостях у звезды». У меня для вас диски.

– А... Вы где?

– На Евбазе, Максим Лукич.

– Подъезжайте на... – пробормотал адрес. – У ворот вас встретят.

Ага... Значит, в той роскошной, прекрасно охраняемой высотке. Селифан приписал на всякий случай адрес на визитке, мысленно проложил маршрут, тронул с места и вернулся к своим невесёлым мыслям. Получает он деньги неплохую, как и почти все на телевидении, вот только кредиты вытягивают почти всё, оставляя на жизнь... На жизнь скромную, как у честного бухгалтера советских времён. Как у бухгалтера Берлаги... Почему Берлаги? Потому что берлогу свою вспомнил. Да, жизнь в своей квартире – это позитивный момент. Своя квартира, даже та, которую у тебя могут по закону отобрать, если не сможешь внести пару очередных взносов и задолжаешь банку, всё равно на порядок лучше любой съёмной. Там платишь чужому дяде, и деньги твои (хорошие деньги!) просто ухают в пропасть, а здесь ты, если через много лет ипотека закончится счастливо, получаешь квартиру в собственность. Впрочем, до края пропасти и сейчас ему недалеко. Тут и всемирного финансового кризиса не нужно. Достаточно, чтобы рейтинг программы «В гостях у звезды» упал ниже... нет, не «Шопинга со звёздами», а хоть бы непотопляемой «Кругосветки», и он, Селифан, оставаясь при всей своей речистости и фотогеничности, получит коленом под зад. И даже не от него одного зависит, удержит ли он квартиру и машину: стоит Ладе потерять свою работу – и капут, одних

его собственных заработков просто не хватит и на выплаты, и на житьё. Селифан скрипнул зубами, злобясь неизвестно на кого... Иль известно? Свобода, говорите, свобода частной инициативы? Бомж, вот кто у нас свободен! Вот у кого свободный выбор, где ночевать! Вот у кого сегодня одна грязная подружка, а на завтра уже и другую дырку себе найдёт...

Глава 2. МАКСИМ ЛУКИЧ: выслушивает прожект Селифана; тут же ослепительное видение, а под конец неожиданный звонок

– Отчего мрачны сегодня, э-э-э... господин Селифанов?

– Да так, дела профессиональные, Максим Лукич.

– Хорошо, что не финансовые. Осточертели они мне, финансовые проблемы... Ну, времени у нас не слишком много. Минутки три могу вам уделить. Давайте ваши диски.

– Да вот, держите, Максим Лукич.

– Ну, и...?

– Что – «Ну, и»?

Селифан вдруг обнаружил, что сидит в офисе банкира, жирного кота, тупо на хозяина вытаращившись, а тот весьма неласково его обсматривает. Вокруг сплошной функционализм, глазу не за что зацепиться. Окна высокие, света и солнца много. Банкир наконец соизволил спросить, лениво так:

– Сколько я вам должен, молодой человек?

Селифан мобилизовался:

– Так ведь это вы обещали узнать, сколько оно стоит.

– Разве? Вот ведь незадача – я и забыл, признаться. Да и где мне было узнать? Знаком я с парой-тройкой наших телемагнатов, да они, небось, и сами не знают.

Селифан пошевелил мозгами и сделал умное лицо. Или сначала сделал умное лицо, а потом пошевелил мозгами? Заявил, стараясь быть как можно более убедительным:

– Вообще-то запись принадлежит студии. И если по всем правилам, я смогу отдать её вам только после того, как пойдёт в эфир. Это в течение месяца.

– Почему же вы мне обещали? И сейчас уже принесли?

– Потому что у нас бардак. Если везде в стране бардак, почему на телевидении должен быть абсолютный порядок? Мы что – не люди?

Банкир расхохотался. Селифан обнаружил, что тот вольготно развалился в своем кресле. И разве три минуты уже не прошли?

– Вы говорили на съёмке, что любая реклама полезна каждому из вас. Однако материал ещё не смотрел шеф, а это значит, что теоретически остаётся возможность... Материал может шефу не понравиться и не пойти в эфир. За что вам тогда платить, я абсолютно не понимаю.

– Вот как... Мне этот пиар не нужен, уверяю вас. Я согласился на съёмку только для того, чтобы угодить Маргарите Львовне. Ведь если пойдёт в эфир, надо мною подружки смеяться станут. Знаете, эти блондинки с ногами, растущими прямо из подмышек.

– Да ведь не все же включают наш канал и нашу именно передачу! – воскликнул Селифан – и прикусил язык. Полтора миллиона зрителей – тоже ведь не хрен собачий.

– «Теоретически остаётся возможность...» – протянул банкир. – А где вы учились, господин Селифанов, если не секрет?

– Какой там секрет... В Институте журналистики, здесь, не в Москве.

– А я было подумал: свой брат с мехмата... Ну ладно, так сколько я вам должен?

– Лично мне ничего... Я тут подумал: ведь это студия должна была бы вам платить. У меня есть один знакомый, из этих, шоуменов, из длинноволосых ещё, так он говорит, что у него такой принцип: на любое интервью соглашается, только если получит предварительно двести баксов.

– Я бы его не осуждал. Человек свободной профессии, ему есть-пить тоже надо. Однако если вы мне оказались в результате должны, я вам ваш долг прощаю.

Всмотрелся Селифан в смеющиеся глаза хама-хозяина, перевёл взгляд на абстрактную гравюру на стене. Досчитал до десяти, потом отчеканил:

– Лично мне вы ничего не должны, Максим Лукич. Однако надо, как договаривались, заплатить за работу ребятам: Вовану за диски, Жоре (это наш режиссёр) за монтаж. Два раза по сотне баксов будет достаточно. Иначе они меня не поймут.

– Хотел бы я знать, за что это вы на меня только что рассердились, – лёгким этаким тоном произнес банкир. Взял со стола конверт, привстал с кресла, протянул через стол Селифану. – Вот, уже приготовлено.

– Спасибо, Максим Лукич, – спрятал конверт, не взглянув в него, во внутренний карман пиджака. – Извините, если перебрал вашего драгоценного времени.

– Че-пу-ха! – банкир вдруг сощурился. – А вы, Селифан, вы ведь тоже работали? Почему не хотите получить за свой труд?

И тогда его вдруг понесло. Быть может, этот панибратский «Селифан» (то бишь, что в устах важного банкира прозвучала кликуха очень уж фамильярно) подействовал как последний толчок, кто знает... Поднялся он с кресла и выпрямился во весь свой немалый рост. Заговорил скользким каким-то полушёпотом, враз растеряв наработанную правильность и вальяжность речи:

– Да потому, что жалкая ваша сотня мне по барабану! Я вам не петух, чтобы клевать по зернышку! Зато есть у меня проект, как прославиться по-настоящему и выбраться из нужды... Спору нет, я уже сейчас больше известен, чем ваша драгоценная Маргарита Львовна, потому что меня видят на экране полтора миллиона зрителей раз в месяц, если не считать повторов, а она мелькнет в «Новостях культуры» от силы полтора раза в год. Однако мне мало этого...

– Постойте, молодой человек! Значит, по вашему раскладу, вы более известная фигура, чем Маргарита Львовна? Я правильно понял?

– Ну да! И я же объяснил, почему. Но я хочу, пока не обзавёлся ещё брюшком и лысиной, получить собственную программу, чтобы люди помнили, что в четверг увидят такую-то передачу, а в ней симпатичного и умного Селифанова.

– Ну и флаг вам в руки! Подумать только, он воображает, что известнее Марго...

– Будьте любезны дослушать, господин Вячеслав, если уж поинтересовались. Я должен предварительно прославиться, быть уже в обойме, чтобы получить программу и не провалиться. Сперва «пилотную», конечно... И давно знаю, как это сделать. Я должен написать роман, а он привлечёт ко мне внимание. Вам ведь приходилось слышать, что каждый образованный человек может написать по крайней мере один толковый роман?

– Да, я слышал... О своей жизни. Вообще же утверждение спорное... Прервитесь, пожалуйста, – массивный брюнет, для которого и брюшко, и плешь из жутковатых и опасливых предвидений давно уже превратились в факты обыденной жизни, неторопливо выпрямился в кресле, нажал кнопку на миниатюрном пульте и пророкотал. – Леночка! Николай Александрович уже в при-

ёмной? Попроси подождать несколько минут, предложи пока выпить... И мне принеси, как обычно. А вам, Аркадий?

– Мне? – неуместно удивился Селифан. Он уже почти пришел в себя и чувствовал сейчас неловкость. Надо же, вздумал чуть ли не исповедоваться перед этим толстобрюхим. – Мне доза кофеина не помешала бы. Если можно, из молотого и с маленькой ложкой обычного сахара.

– Слышала? Ждём, – и банкир снова развалился в своём кресле. – Продолжайте излагать ваш проект, прошу.

– Проект так проект, – согласился Селифан. – У меня нет обычной проблемы для начинающего литератора – как напечататься...

– Простите, что перебиваю опять, – банкир явно заинтересовался вопросом, – но мне всегда казалось, что такой проблемы теперь нет ни у кого. Вон в Интернете – всяческие «Самиздаты» к вашим услугам: щёлкните то ли три, то ли четыре раза мышкой – и ваш роман издан неограниченным тиражом! Да и обычным порядком... Если вы сами финансируете издание, можно напечатать всё, что угодно – вплоть до матов и жёсткой порнухи.

– Если вы и перебили меня, Максим Лукич, то в тему. Интернет для моей цели не подходит. Вывесил я там некогда рассказик – к чему скрывать? И потом долго в себя не мог прийти, на всех бросался. Отозвались на мой рассказ три пользователя. Один: «Ваще отстой, а ты гомик». Второй послал меня по-русски, а третий, как сейчас помню: «Коли такое отваживаются вывешивать, пора и мне доставать свою повесть из мусорной корзины». И вообще – если в русскоязычном пространстве

Инета кто и сделал себе имя, так только на фантастике. Я же фантастики и мистики не пишу, чем и...

Селифан поперхнулся, потому что в кабинете явилась Леночка, и пока раздавала напитки, возможно было только пялиться на неё. Где, чёрт возьми, пряталась, когда охранник проводил его через приёмную?

– Это охлаждённый клюквенный сок у меня в стакане, рекомендую. А, понял... Знаете, теперь пошла мода на безобразных, зато деловых секретарш. Одни предпочитают средних лет, и чтобы на лицо ужасные, умные внутри, другие – разом и страшненьких, и умных, да ещё в придачу пенсионный возраст. Я же, Селифан, на моду не поддался – и знаете, почему? Потому что люблю, когда меня окружают первоклассные вещи.

– Давно по рукам не получали, Максим Лукич? – проворковала Леночка и исчезла из кадра.

А ведь и голосок прелестный! Селифан быстро и глубоко вдохнул, медленно выпустил воздух и продолжил:

– Иное дело блоги, но их наши используют, чтобы поддержать уже заработанную популярность. Нет, Инет не по мне... Многие мои однокурсники работают в издательствах, и быстро напечатали бы мой роман. А одного вполне достаточно, романа, только чтобы сенсацию сделал, и чтобы по нему, если повезёт, сразу же – сценарий, фильм. Гонорар, конечно же, был бы вначале символический... Да не в этом дело.

– А в чём, если не секрет? – лениво поинтересовался хозяин, оторвавшись для того от стакана с клюквенным соком. – Гонорары, я слышал, у нас почти не платят. Новичкам тем более.

– Какой там ещё секрет, если я вам рассказываю... Я разве говорил о местных издательствах? Мои люди есть и в Москве. Беда в том, что я не могу дать им текст. Мне крепко не повезло, Максим Лукич. Мода на детективы

сменилась модой на женские любовные романы, в крайнем случае, «из жизни».

– Раньше говорили – «семейные».

– Одна хрень... Ещё детектив можно было бы написать вовсе без любовной линии, однако для него надо бы потусоваться либо в ментовской, либо в воровской среде. А я из ментов насмотрелся только на гаишников, а живого убийцу-уголовника и в глаза не видел. В детстве, правда, довелось повидать воришек и мелких мошенников – да разве они кому нужны?

– Вот в этом повезло вам, Селифан. А что за проблема с любовной линией? Парень вы видный, от баб, небось, отбою нет.

Он помолчал. К чему ж теперь скрывать, если сам завел разговор?

– Беда в том, что я неспособен описывать духовную, романтическую сторону любовных отношений, а здесь не нафантазируешь. Ведь сам испытываю и вижу только их телесную сторону. Вот так.

Банкир присвистнул и с новым интересом обшарил своими тёмными глазками посетителя. Утешил, посмеиваясь:

– Вы не один такой. Вон, дайте припомнить... Да, Эрве Базен только и описывал любовь именно как сексуальную совместимость.

– Эрве Базен, говорите?

– И столько романов наката! Подождите, у меня «Гугл» всегда под рукой, – банкир ловко обошёлся с клавиатурой и мышкой. – Вот – «Супружеская жизнь», «Анатомия одного развода». Президент Гонкуровской академии, знаете ли. И даже нашу Ленинскую премию отхватил, вовсе не изображая ваши романтические чувства!

– Не знал...

– Ладно, там человек ждёт. Серьёзный человек. Я уже сообразил, что вам не льготный кредит на издание нужен. Давайте, рожайте вашу просьбу, Аркадий.

Он сосредоточился.

– Признаться, мне эта идея только сегодня в голову пришла. Когда режиссёр наш, Жора, принес эти диски. (Это он себя так называет, фактически он у нас шеф-редактор и заодно сценарист). Говорит, неплохо получилось, годится, говорит. У него даже идея появилась сделать такую передачу еженедельной, на пятнадцать минут, как «Однако» у Леонтьева, чтобы вы, в этом же формате, вчетвером обсуждали главную новость недели...

– Чушь.

– Так же и я оценил, только пространнее. Но одновременно пробило мне, что есть в этой вашей дружбе вчетвером нечто такое... ну, нынче модно говорить – энергетика, что ли. Я просил бы разрешения написать об этом роман, а потом сценарий.

– Насчёт романа, что он вас прославит, это чушь вдвойне, чушь собачья. Даже странно...

Раздался звон стекла, и хозяин кабинета, не посмотрев на пол, досадливо скривился: только что локтем снёс он на пол стакан с остатками сока.

– Для этого взять у каждого совершенно неофициальные интервью, просто поговорить по душам. Вот. А имена в тексте заменить. Конечно же, я...

Легко хлопнула дверь, и в комнату влетела Леночка. Личико её подурнело, собравшись в кулачок от страха и неподдельного соперничества. Заикаясь, спросила:

– Окно? Опять окно треснуло? Вы-то как, Максим Лукич?

– Я? Мне-то что станется? Стакан вот нечаянно разбил...

И тогда Леночка обратила к Селифану своё просветляющееся на глазах, вновь прекрасное лицо:

– Знаете, тут в окнах бронированные стёкла, но...

– Молчать! – рявкнул вдруг банкир. И сразу же улыбнулся, и ласково, – Леночка, через минуту впусти ко мне Николая Александровича. Допивайте свой кофе, господин Селифанов. Знаете ли, у меня заведено не отбрасывать с маху самый нелепый, казалось бы, проект. Сделаем так. Сегодня же я посоветуюсь с нашим генералом Маргаритой Львовной, а вы вечерком звякните мне на мобильный. Номер мой я вам ведь давал, правильно?

С трудом переваривая всё услышанное, пересек Селифан просторную приёмную, коридор, устланный дорогим ковром, и уже в лифте почувствовал, как вибрирует в кармане его мобилка. Усмехнулся: показалось совершенно невозможным, чтобы банкир, этот человек-машина, что-то упустил, а теперь вот вдогонку уточняет. Впрочем, на дисплее высветился совершенно неизвестный номер, и незнакомый капризный голосок (что принадлежит Маргарите Львовне, определил только на третьем слове) проговорил:

– Почему вы не позвонили мне, Селифан? Вы ведь непременно должны были мне позвонить, противный! Иначе зачем тогда оставили свою визитку?

Глава 3. **МАРГАРИТА: она кокетничает своими годами и делает нечаянные признания; самоуничтожение Селифана – оправданное ли?**

В последний раз, будто прощаясь, Селифан коснулся губами атласного плечика Маргариты Львовны и откинулся, задыхаясь, на подушку. Она глубоко, удовлетворённо вздохнула, потрепала его по бедру, легко поднялась с низкой широченной кровати и, как была, не накинув халата, отправилась в ванную. Селифан огляделся, тут же забыл всё, что рассмотрел из обстановки (нужны ему были только часы, а вот их-то он и не увидел), и смежил веки.

В голове у него царила блаженная пустота, только где-то в уголке души, заслонённая только что испытанным наслаждением и почти не осознанная, трепетала маленькая такая обида. Его опять поймали... Однако им уже столько раз пользовались чужие люди в своих целях, стоит ли теперь обижаться? Баба, она ведь получила, чего добивалась, в том сомнений быть не может, и его самого как будто не обделила – так-чего-уж-там...

Донеслось и постепенно набрало звучности довольно звонкое мурлыканье. Это Маргарита Львовна, возвращаясь в спальню, напевала недурным голоском – и не из оперы, как показалось ему сначала, а нечто попсовое. Селифан осторожно приоткрыл глаза: она улеглась на прежнее своё место.

– Не смотришь? Стесняешься, что переспал со старухой? А я вот не стыжусь своих лет. Знаешь, сколько мне стукнуло?

– Не имеет значения. Всё было... м-м-м... восхитительно.

– Впрочем, ты мог бы и сам вычислить. Достаточно было посмотреть в справочнике, когда закончила Вагановское, и посчитать. Мне сорок девять годков, и я горжусь каждым из них.

– Никогда бы не подумал! – фальшиво поразился Селифан, и сам огорчился оттого, что не позаботился спрятать фальши.

– Однако я прикидываю, – и она коротко хохотнула, – не стоит ли мне на пару-тройку лет остановиться на сорока девяти.

– Если пятьдесят для вас, Маргарита Львовна, некий рубеж, то я бы на вашем месте остановился бы на сорока восьми, дальше от него. А то и на сорока пяти: «А как бабе сорок пять, баба ягодка опять».

Она расхохоталась, смеялась долго, всласть, снова шлёпнула Селифана по бедру. Наконец, сумела выговорить:

– «Вас»? «Маргарита Львовна»? Неужели я мало совершила сегодня для того, чтобы ты назвал меня на «ты» и Маргаритой?

– Всё одно мы в разных весовых категориях. Вы сейчас как барин, а я как крепостная девка. Где уж ей, хоть и приголубил её, говорить барину «ты»?

Тут Селифан почувствовал, что её твердая горячая ручка (не убрала ведь!) притаилась на его бедре, как ребёнок перед шалостью, и быстро выговорил:

– Мне тоже нужно в ванную.

– Иди, – и бедру стало холоднее.

Не торопясь, поднялся и побрёл по пушистым коврам. Многие теперь живут хорошо, как раньше в кино разве что и видели. Чёрт их знает, где только деньги берут. Неважно, где берут. Вернулось ощущение из ран-

ней молодости, когда, побывав в роскошной квартире, испытываешь на мгновение причастность к богатству и успеху хозяев. Отчего же вернулось – оттого, что проходишь голым мимо чужих стен, погружаешь босые ступни в длинный ворс чужого ковра?

Ванная оказалась не столь шикарной, как ожидал Селифан, однако просторной и, как у них, богатеев, положено, сияла никелем и прочими изысками дизайна. Повернулся было к зеркалу посмотреть, не появились ли тени под глазами, однако передумал. Показалось жалким обойтись омовением у раковины, и он решительно шагнул на скользкий поддон душа. На дворе уже темно, но всё-таки – сколько там натикало? Мобилка осталась в спальне, а по дороге сюда он нигде не видел часов. Надо починить, наконец, наручные часы или купить новые. Если покупать, то теперь только швейцарские... Или подделку, но только чтобы смотрелась, как настоящие. Мало того, что на последнюю мобилку, собственно говоря, смартфон, кучу денег выбросил... Хорошо ещё, выключена она, но как объяснить Ладе, зачем выключил?

– Почему ты ни разу не посмотрелся в зеркало?

Он чуть не свалился в поддон, из которого как раз выбирался. Кто эта женщина в чем-то кружевном и прозрачном, усевшаяся на пуфике, вытянув перед собою и скрестив свои не очень-то и длинные ноги? Какое право имеет залазить ему в душу? Однако тело Селифана уже опознало, уже вспомнило Маргариту и встрепенулось навстречу ей. Ощущение было скорее болезненным.

– О! Как лестно!

– Испугали вы меня, Маргарита Львовна...

– А ты меня заинтересовал. Разве я не имею права рассмотреть тебя, определить, что ты за фрукт, Селифан?

– Наверное, имеете... Дали бы лучше мне полотенце, Маргарита Львовна. Или махровый халат, если не жаль.

– Бери сам любое, брось потом на пол – в среду, в день уборки, подниму. Банных халатов здесь нет: в детстве у меня не было, а потом не пришлось ко двору. Так ты, значит, никогда не смотришься в зеркало?

– Близок к тому. Скоро начну бриться на ощупь, как древний римлянин. Мне с некоторых пор противно моё лицо, Маргарита Львовна.

– С чего бы это? – спросила она совершенно уже серьёзным тоном. И бладуливо улыбаться перестала.

– Вот – хоть чем-то удивил вас... Хорошее полотенце, мягонькое. Спасибо. Лицо моё, может быть, ещё и сохранило остатки юношеской смазливости...

– Ага.

– ...однако я вижу в зеркале приспособленца. Конформиста, вот чью постыдную харю вижу. Лакейскую, собственно, морду. С выражением «Чего изволите?».

Тут Маргарита Львовна мгновенно подтянула ноги, легко поднялась с пуфика – быть может, пора ему перестать обращать внимание на эту её девичью лёгкость движений? – оказалась рядом и положила ему руку на плечо. Жест был красив и выверен. Наверное, из балета какого-нибудь.

– Ничего, это возрастное. Это кризис тридцати лет, о котором психологи мало пишут... Всё пройдет, Селифан. И разве – куда в жизни денешься от этого... от конформизма? Хочешь не хочешь, приходится приспособляться, дружок. Был такой итальянский фильм, «Конформист». Дзефирелли... или нет, кажется, всё-таки Пазолини. Если бы ты посмотрел, ты бы так себя больше не называл. Ужас один, и действительно противно.

– Да не о фильме же речь... Вы спросили, я ответил. Почему-то мне не хочется вам врать, Маргарита Львовна.

– Ты что ж – считаешь себя обязанным говорить мне комплименты?

– Какой же тут комплимент? Я просто не успел для себя уяснить, отчего не хочется вам врать. Леня, должно быть. Скажите, ведь мы раздевались не в спальне?

– Нет, в гостиной. На диване – уже забыл? Ты уж меня прости, Селифан, но я так, налегке, похожу, не буду одеваться. Во-первых, в квартире тепло. Во-вторых, всё, что было надето, ты помял, а придумывать наряд заново мне сейчас облом... Нет, нам вот сюда.

Надо было свернуть направо, вот оно что. Нет, из него никогда не получился бы батальонный разведчик. Селифан подобрал свои брюки с того места на ковре, где так недавно маячил штатив Вована, быстро оделся. Вынул из внутреннего пиджачного кармана мобилку, нажал на клавишу, сосредоточился, соображая, что означают цифры на высветившемся экранчике. Присвистнул.

– Однако!

– Да, я опоздала бы на спектакль, если б не выходной. Спасибо, что обо мне позаботился, – проворковала она. И тем же тоном. – Или? Или тебе нужно бежать домой, к жене и детям?

Селифан присмотрелся. И скудного его опыта как балетного зрителя оказалось достаточно, чтобы определить: Маргарита Львовна сидит на краешке дивана в одной из тех изысканных поз, которые принимают артистки кордебалета и ожидающие своей очереди солистки во время дивертисмента в «Дон Кихоте». Поэтому он не стал изъяснять всех особенностей своего семейного положения, только кивнул:

– Даже не в этом дело. Я должен был вечером позвонить Максиму Лукичу. А он прежде обещал поговорить с вами, Маргарита Львовна.

– Ну, будем считать, что вместо него ты со мною поговорил, Селифан. А о чём?

И Селифан, постепенно обсыхая под рубашкой и костюмом, пересказал свой проект, днём уже изложенный банкиру. Тогда он был увлечён только что озарившей идеей, теперь уже снова, как и всегда, когда хотел кому-нибудь понравиться, мучился необязательностью и стандартностью словесной оболочки. Замолчал, наконец, взглянул на Маргариту Львовну вопросительно. Та забралась на диван с ногами, сложила губы трубочкой и устала перед собой. Совсем некстати вспомнилось Селифану, как удивили его сегодня глаза Маргариты Львовны, впервые рассмотренные при дневном свете. Глубокого фиалкового цвета, как у молодой Лиз Тэйлор, они вечером темнеют, оказывается. И как приятно, что она приняла сейчас домашнюю, привычную позу...

– Вы уж извините, Селифан, что я не всегда буду говорить то, что вам стопроцентно понравится... Ах да, кажется, мы успели перейти на «ты». Но... ведь если говорить человеку неприятное, так лучше на «вы», правда? И ещё потому, что я слышала о вашей задумке. Ведь вы решили заработать на мне и моих друзьях, выпытывая всякие секреты о нас и нашей дружбе – разве такие вещи не отдаляют людей друг от друга?

– А мне казалось, что, напротив, сближают, Маргарита Львовна.

– Это типа один мужик говорит другому: «Пить надо меньше!»? А тот ему: «А может, больше?». Знаете, милый Селифан (а ведь прелестное имя!), хоть я и делаю себя вот уж лет пятнадцать блондинкой, но в глупышку, слава Богу, не превратилась. Итак, первое мое соображе-

ние: вы слишком красивой внешности для писателя. Великий режиссёр или настоящий писатель не может быть красавцем, для природы это был бы перебор, чтобы и хорош, и умён, все угоды в нём. Ну, посмотрите только на Толстого (тот просто уродлив), на Достоевского, на Сократа... На Феллини, на даже ещё молодого, наконец!

– Ну, я же не красавец, – не успев обидеться, изумился Селифан. – И всё-таки: Байрон, Лермонтов, Есенин... Маяковский, вот!

– А это одни поэты. Да и о Лермонтове все, кто его видел и знал, вспоминают, что был некрасивый и злой. Зато на портретах... Нечто вроде фотошопа и тогда существовало. Это раз. Как-то неприятно удивило меня, что вы, Селифан, не написав ещё ни одного романа, так уверены в успехе своего опуса грандиозуса. Ведь едва ли вам известен верный рецепт, по которому можно сварганить этот... как его...? Да, бестселлер. Это два.

– Ну, на самом деле кое-какие пробы пера имеются, – скромно потупилась будущая знаменитость. Покамест всё сказанное едва одетой чудачкой только развлекало Селифана.

– Да? Теперь четыре.

– Три, Маргарита Львовна.

– А хорошая у вас улыбка... Вот только как подумаешь... Ладно, пусть три. Вот вам вздумалось что-то там написать – ладно, я понимаю. А нам-то четверым какой резон выворачиваться перед вами, мальчишкой, наизнанку? Да тот же Алексей просто пошлёт вас – и с концами!

Он только руками развёл.

– А вот теперь я просто боюсь обидеть... Да чего там, отпугнуть боюсь. Ладно уж, рискну... Ведь настоящему писателю не нужно было бы выспрашивать у нас, что да как, он бы сел и всё придумал бы сам. Только увидел

бы меня, например, и придумал бы всю мою жизнь. И разве я не права?

Крякнул Селифан, вскинулся было с кресла, однако наткнулся на смеющийся взгляд хозяйки. Она вдруг высунула розовый язычок, быстро убрала, состроила умную мину и продолжила как ни в чём не бывало:

– А главное, выпрашивания ваши не нужны ещё и потому, что рассказанное нами ни в какой роман не всунешь. Беспольными будут для вас эти шпионские сведения.

– Так уж и шпионские...

– А бесполезными потому, что вам ведь нужны сенсации, а у нас всё скромненько. И не показывай глазами мне на мебель, я ведь о другом... Ты, небось, надеялся, что я тебе расскажу, как устраивала здесь афинские ночи? Отчего вытаращился, Селифан? Угадала я, так ведь?

– Простая логика, Маргарита Львовна, – улыбнулся он обезоруживающе. – Профессиональная логика бесстыжего журналиста.

– Так вот, вынуждена тебя разочаровать, Селифан, он же Мопассан... Или предпочитаешь быть Генри Миллером? Кстати, ты не хочешь ли выпить? – не дожидаясь ответа, она спрыгнула с дивана. Сделала несколько шагов, открыла дверцу солидного, под мореный дуб, бара и, легко присев, принялась перебирать бутылки.

Селифан, пользуясь случаем, мгновенно вынул мобильник и отключил блокировку. «23.12». Опять не сразу сообразил, что означают эти цифры, который же, чёрт возьми, час. Убирая игрушку, подумал, что впервые сегодня видит спину Маргариты Львовны. Впервые? И эту её родинку, откуда она только у неё взялась... Тут припомнилось кое-что, в мгновение ока всего его ока-

тило горячей волною, та волна и смыла, небось, всякую осторожность...

– Нет, мне лучше не пить сейчас, спасибо... Запашок спиртного скверно согласуется с объяснением... для жены, в общем. Я ведь как бы задерживаюсь на работе. Извините, Маргарита Львовна.

– Не за что извиняться... Я ведь видела кольцо там, где носят женатики. А коли так, неизбежно наступает время «икс», когда приходится исчезать и сдаваться семье. А вот я, пожалуй...

– Сдаваться семье? Это вы сами придумали?

– Слышала от одного мужика безумно давно... А я, пожалуй, выпью. Заканчивать такой вечер вязаньем под мелькающие в ящике картинки (я ведь звук выключила, чтобы не мешал) было бы слишком обидно. От чувственных радостей стоит переходить только к иным чувственным радостям, вот! Каково изложила, а? Я сейчас с удовольствием выпила бы текилы и попрыгала бы в каком-нибудь полутёмном клубе, однако тебе ведь и этого нельзя?

Он промолчал. Сообщать, что не видит ничего привлекательного в таком времяпровождении, не счёл нужным. Она позвякала-позвенела недолго в баре и вынырнула перед ним с двумя хрустальными бокалами. Красное вино в обоих. Селифан вздохнул, взял свой бокал, принялся:

– Бургундское?

– Какое там... Каберне, неплохое крымское. Бургундского я не могу себе позволить, хоть пью редко и мало. Вот ещё, кстати, один мой довод против твоей задумки – написать роман о нас четверых. Мне приходится непомерно выкладывать за эту квартиру, вот и получается, что не пошикуешь... А теперь спроси: а как же

тогда удалось мне купить эту классную хату, на какие шиши? Ты ведь знаешь, что я жила на Красном хуторе.

– Считайте, что спросил... Да, приятный вкус. Послевкусие смородинное, но несколько вязкое.

– Образованный ты чувак, я вижу... А квартиру устроил мне Максим и льготную ипотеку. Чисто по-дружески, у меня с ним ничего не было более интимного, чем разговоры наедине. И вот скажи мне теперь: можно ли о таком написать в романе, чтобы читатель потом не засомневался, а не дебил ли автор?

– Да, да! То есть нет, нельзя, конечно, – ответил Селифан, развязал галстук, снова взял со столика бокал и сделал второй, уже уверенный глоток. – Автор же, он, в некотором роде, всегда дебил.

Открывая уже хорошо за полночь своим ключом замок собственной квартиры на Поздняках, Селифан сделал важное для себя открытие. Далеко не в первый раз оказывался он в такой ситуации, как вот сейчас, однако впервые почувствовал себя виноватым перед Ладой.

Глава 4. МАКСИМ ЛУКИЧ: тоже мне наша подружка-исповедницу; как шили костюмы киевские денди семидесятых; кое-что о моральном облике Истомина

– Здравствуйте, господин Вячеслав.

– Почему не берёте трубку? Леночка вон извелась, без конца вас набирая. Вот-вот зашипит на меня.

– Скажете тоже, Максим Лукич... И не дура же я, чтобы всякий раз набирать: просто тыкала в «Повтор».

А приятный голосок у этой Леночки... Селифан убрал громкость на своем студийном компьютере и со всей возможной убедительностью ответил:

– Так ведь приходится отключать мобильник на съёмках, Максим Лукич.

– Вчера поздно вечером тоже были на съёмках? Так заведите себе пейджер. Или теперь уже нет пейджеров? Ладно, чёрт с ними, с пейджерами. Со мною связывалась Маргарита Львовна и всё мне о вас с нею выложила.

«Так-таки и всё?» – чуть было не сорвалось с языка у Селифана, да только вовремя прикусил оный. Отделался осторожным:

– И что?

– А то, что надо нам поговорить. Будьте в одиннадцать тридцать на парковке у нашего офиса. Вас встретят.

– Это уж если удастся высвободить время, Максим Лукич, – и Селифан окинул взором стены своей клетушки, этакой ячейки в сотах обширного ньюсрума студии.

Убого, что тут скажешь... Зато на видном месте китайский электронный будильник, принесенный из дома: хоть перестал звонить, зато время по-прежнему показывает. Так, так... Его, времени, только и хватило бы, чтобы доехать до Печерска.

– Почему бы не сравнить цену времени моего и вашего? Ну-ну... Я сейчас припомню, кто именно перекупил ваш канал, и улажу эту проблему.

– Не нужно! Уже еду, Максим Лукич.

Деликатно кашлянув, заглянул в соседнюю клетушку. Жора, войдя, в запрещённую соцсеть, нащёлкивал какую-то белиберду двумя пальцами. На просьбу Селифана ответил, не отвлекаясь от клавиш:

– Типа ты поехал искать материал для следующего «формата»? Замётано. Нашего Вована забрали на демонстрацию, я чудом отбился. Ожидается драка с ОМОНОм и прочие подарки для души. «Жирная картинка», в общем.

– Слушай, ты не мог бы узнать, что это за рекламная акция была в Киеве с запуском воздушных шаров? Один тут над нами в образе Змея пролетал.

– Не проблема. Звякну одному человечку в горсовет.

– Да, чуть не забыл... Шеф не смотрел ещё?

– Не удостоили-с оне. Оставайся на связи, дружище.

Селифан кивнул. Он уже прикидывал, как объехать демонстрацию и неизбежные милицейские кордоны. Пока рулил, всё казалось ему, что с Майдана и Грушевского доносится слитный, угрожающий гул.

На парковке встретил его тот же дюжий охранник, что и в прошлый раз. Помог поставить тачку, а потом принялся обхлопывать карманы, будто у неродного.

– Понаехало тут автобусов немеряно из западных областей, повезли всякой рвани, – пояснил.

Хотел было Селифан ответить, что он-то как раз из Донбасса, да и в Киеве вот уж больше десяти лет, но пренебрёг. Охранник отвёл его на этот раз не в кабинет, а во внутренний дворик. Роскошен он был и всем хорош, вот только неба маловато – всего лишь малый квадратик высоко над головой. Банкир всё не появлялся, со временем Селифан расслабился в кресле и даже позволил себе задремать. Разбудил его звук раскрывающихся автоматических дверей.

– Да сидите вы, сидите! – махнул толстой рукой банкир. – Чего это вздумали вскакивать? Скажите лучше, почему опоздали?

– Объезжать пришлось, Максим Лукич, – доложил Селифан, подавляя зевок. – Крещатик-то ведь блокирован.

– Не началось ли? – банкир даже погрустнел, но тут встрепенулся. – Нервная зевота? Да не бойтесь вы, я вовсе не собирать мстить вам, счастливому сопернику. Как оно там у Кукольника, мого романтичного земляка? Эх, давненько я не брал в руки шашек...

Как сон, неотступный и грозный,
Мне снится соперник счастливый,
И тайно, и злобно кипящая ревность пылает!

– Однако... – и как иначе мог Селифан отозваться, увидев, как солидный банкир, в позе какого-нибудь сладкоголосого Александровича, извергает из себя романс совсем недурственным баритоном?

– Было, Селифан, некогда такое явление, называлось «художественной самодеятельностью»... И оружия моя рука не станет искать. Потому что, рассказывая сегодня о вашем с нею перепихивании, была Марго весела, как птичка. Щebetала счастливо, словно воробей, утащивший незаметно от своей шайки огрызок пиццы из му-

сорного бачка. Вы ей доставили большую радость своим волокитством, надо же...

– О! Я – волокитством? Да Маргарита Львовна сама...

– Правда? Я об этом догадывался... – и банкир ухмыльнулся, поудобнее умащиваясь в кресле и без того удобнее не бывает. – Впрочем, джентльменам в таких случаях следует брать вину на себя – оно и для мужского самолюбия приятнее.

– Ладно, пусть. Но почему она рассказала вам?

– Потому что у неё нет задушевной подруги, я за неё. Ха-ха! Нет, кое-какие приятельницы имеются, вот только не такие, с которыми она решилась бы откровенничать. У них, в оперном, что бы там не вытворяли всякие московские или венские оторвы, нравы всё-таки построже, чем в шоу-бизе. Кстати, вы имели наглость предположить, что мы вчетвером упражнялись там, на Тимофеевской, в группенсексе.

– Ну, это сама Маргарита Львовна предположила, что я предположил... Вы уж простите, Максим Лукич.

– Да в чём прощать-то? – и банкир заразительно, от души расхохотался. – Слышали бы вы, Селифан, как радостно Марго хихикала... Я, грешным делом, об этом пораскинул своим умишком, будто мне больше нечем было заняться, и пришел к выводу, что если кого из нас и возможно подвигнуть на сей эксперимент, так это именно её. Марго очень любопытна, знаете ли. Кроме того, женщины вообще легче соглашаются на всякие телесные безобразия – просто потому, что спокойнее себе самим прощают потом грехи...

– Ну, тут есть с чем поспорить, – быстро произнёс Селифан.

– ...и есть о чём посплетничать двум мужикам, вам не кажется? Марго, кроме того, могла бы быть уверена, что не испытает и тени унижения – при нашем-то неж-

ном отношении к ней. Это в том невероятном случае, если бы такая коллективная случка вдруг всё-таки произошла бы. Вот, нравится мне, что игривость темы вызывает игривость стиля, ха-ха... Невероятен же такой поворот просто потому, что мы, мужики, никогда бы на это не пошли.

– Вот и рассказали бы, почему, – буркнул Селифан. – Для нашей, выражаясь высоким слогом, богемы, развлечение не столь уж необычное.

– Отчего бы не рассказать, если это для вашего сценария?

– Я о романе говорил, Максим Лукич.

– А вы лучше послушайте, что я скажу. Мы с Марго обсудили ваш проект, эту серию интервью. Марго согласна, что сама идея гроша ломаного не стоит, но вам просит поспособствовать. Мол, чем бы дитя ни тешилось... Она говорит, что романы сейчас никому не нужны, и знаете, в чём-то права. Я наводил справку. Роман, напечатанный за свой счёт, вроде как не существует для профи в этом бизнесе, а изданный нормально, за счёт издательства, может приобрести известность только в результате весьма дорогостоящей раскрутки. Может только! И деньги на раскрутку в случае неудачи элементарно ухнут! Иное дело – сценарий для сериала. Я, в принципе, готов спонсировать. На девяносто пять процентов вероятности профинансирую – ведь Марго будет забавно поглядеть, как её сыграет какая-нибудь из местных актрисок. А как только от вашего сценария запахнет деньгами, продюсеры и режиссеры, вот увидите, сами к вам прибегут.

– Ух ты... Дайте переварить...

– Это о финансировании. Насчёт откровенного интервью... Я сначала встал на дыбы, но Марго уговорила. Ладно уж... Только имейте в виду, что правду говорить

не обещаю. Вы спрашивали о групповухе? Самому стало интересно... Вот только записывать ничего не нужно. Да и не запишется, правду сказать. Если у вас включённый диктофон в кармане, он и бурчанья в вашем животе не запишет, Селифан.

– А не вредно? Ведь излучение какое-нибудь...

– Пустяки! Разве что-нибудь этакое может быть вредным для человека после Чернобыля?

– Ну ладно... А что вы лично имеете против групповухи, Максим Лукич? Вы не против, если я начну с вас?

– Как раз и стану возражать. Уж лучше перемою косточки Алексису и Владику! Мне, знаете ли, неловко исповедоваться вообще, а на трезвую голову тем более. А впереди – большая часть рабочего дня, поэтому ничего крепче чая... Как насчёт вашего любимого наркотика, кстати?

– Кофе? Да, я не прочь. Тем более что в прошлый раз случился очень удачным.

Хозяин кивнул кому-то за спиной Селифана, произнес погромче:

– Леночка, нам с Селифаном Батьковичем, как обычно. А вы, друг мой, лучше бы своё мерси при Леночке, ей будет приятно. Кстати, с чего бы это вас так напрягло моё «Батькович»?

– Да ничего, всё в порядке... Может быть, когда-нибудь расскажу. А вообще-то я Аркадий Олегович Селифанов. Селифан – это моя кликуха на студии, своего рода ник...

Замолчал Селифан, потому что у него отнялся язык, а язык отнялся при виде Леночки, нарисовавшейся в дворике с сервировочным столиком и делающей свою работу. Когда очнулся, ляпнул уж вовсе невпопад:

– Как там в «Илиаде»? И сказали старцы: «Да, ради такой крали стоило осаждать толстостенную Трюю!».

– Однако и крепки же были троянские старцы! Потому что мне припомнился штатовский фильмец, где такая же красотка идёт по больничному двору, а инфарктники на колясках и ходячие сердечники тут же падают замертво.

– Вспомнил, Максим Лукич! Фильм был «Наследник мафии», а кто красотку играл... Вот не припомню.

– «Босс мафии», а красотка была Морган Фэйрчайлд. Я когда подсчитал, что ей уже сорок тогда стукнуло... Зауважал, признаться...

– Откуда у вас такие познания, Максим Лукич? – и с удивлением услышал Селифан в своем голосе профессиональные нотки.

– У меня, может быть, была в середине восьмидесятых вторая в Киеве по качеству видеосистема, а лучшая тогда была только у Валерия Лобановского! Но вот моя коллекция фильмов на кассетах уж точно одна из лучших в городе! Осыпается теперь потихоньку с них магнитная пыль...

– Так ведь оцифровать можно, – оживился Селифан, почуявший запах халтурки.

– Хотите дать своим подработать? А... Я ошибся, говорите... Просто уже нет смысла оцифровывать: теперь легко любой фильм скачать из Сети – и в лучшем качестве... А Леночка – мое тайное оружие. Привезёт вот так же напитки, когда у меня деловые переговоры – и клиент в ауте. А мне уже легче его охмурять...

– Речь шла о неприятии групповухи мужчинами вашего сообщества, Максим Лукич.

– Так уж и сообщества... Ну ладно уж... С кого же мне начать? Да с нашего жёлчного Истомина, пожалуй. Вот он никогда на такое бы не согласился, потому что страшный собственник. Он всё, всегда и везде хочет иметь для себя любимого – и только! Естественно, что

для такого групповуха как нож острый – исключая разве что такую, в которой несколько дам ублажали бы его одного.

– Вот куда мы с вами заехали, Максим Лукич... Хорошо, однако скажите тогда, как ваш Алексей Петрович мирится с тем, что фактически делит с вами двумя несравненную Маргариту – пусть и не в сексуальном смысле?

– Что значит – не в сексуальном? Уж если мужики контактируют с дамой, секс всегда присутствует, пусть даже и не пиятятся с ней! Пора бы вам знать, Селифан. Или вы посмеиваетесь надо мной? А то – провоцируете?

– Да что это вы, Максим Лукич, право? Просто задал вопрос. Не хотите отвечать – и так сойдет.

Хозяин вскочил, заложил руки за спину – и принялся вокруг гостя, сиротливо себе сидевшего в кресле, на шаркивать круги, обходя при этом и кольцо из карликовых японских сосен, почтительно обступивших кучку белой пластиковой мебели посреди двора. Остановился, вернулся в кресло, медленно усмехнулся, заговорил:

– Вынужден согласиться, определённое противоречие наличествует. Однако ревнивый до невозможности Ляксей мирится с нашим присутствием вследствие... У него, у злюки, хватает, в общем, для этого причин. Выдам сейчас наиболее существенные, об остальных и сам вам расскажет. Прежде всего, в нашем четверном согласии Ляксей имеет возможность поглядывать на нас с Владиком сверху вниз, ибо он гораздо ближе, чем мы, к Маргарите Львовне. Она была лучшей подругой второй жены нашего Ляксея, тогда известного киевского стилиста. Марго танцевала вместе с нею в кордебалете. Ох, уж эта «золотая молодёжь» периода застоя! На обед у такого деятеля шиш с маслом, однако ужинает непременно в ресторане, однако каждые три месяца – в но-

вом наимоднейшем костюмчике! Модник этого вашего поколения, курток и джинсов, никогда не поверит, если рассказать, как тогда решались эти проблемы.

– А вот вы и расскажите, как, – встрепенулся Селифан, решивший, что такое пригодится для романа... Тьфу ты, для сценария теперь: в эпизоде, к примеру, где поддатый старый пердун куражится над местными яппи.

– Мне тоже рассказывали, – усмехнулся хозяин, – я ведь сам уже не застал. Мы, математики, вообще придерживались другого стиля. Носился до победного конца какой-нибудь готовый костюм-двойка, измазанный мелом и усыпанный перхотью... Да что там! Прославившийся нынче Григорий Перельман – вот классический образец этого стиля. А во время буйной молодости нашего Ляксея модные молодые люди ходили в выглаженных костюмах-троечках, то есть с жилетом. Хитрость же была вот такая. Уважающий себя модник имел два костюма: посветлее, был это, скажем, «Серый Джек», и потемнее, например, «Синий Чарли»...

– Нет, такого мне не запомнить! – взмолился Селифан. – «Серый Чарли» – это надо записать!

Банкир брезгливо поднял со стола блокнот и перекинул гостю. При этом чашка с недопитым кофе уцелела только чудом.

– Так вот, модник носил эти костюмы попеременно, пока не замечал, что какой-нибудь из них пора сдавать в химчистку. Тогда у нас ещё своя химчистка была, рабоче-крестьянская. Такая замечательно отчищала замасленную куртку электрика, а вот бостоновый или шевиотовый костюм после неё иногда садился и некрасиво съёживался. И модник не в химчистку сдавал свой несвежий костюм, а в скупку. Вы комиссионные магазины ещё застали?

– Ну, разве что в детстве...

– В комке нужно было ждать, пока вещь продадут, и только тогда выплачивались деньги. В скупке платили меньше, зато сразу и ещё не придирались, если вещь поношена. Короче, наш модник тратил полученное в скупке на ткань для нового костюма, добавлял ещё первый взнос за пошив и нёс к портному. А портные в Киеве тогда были замечательные! Я, знаете ли, шил костюмы и пальто у лучшего закройщика, Павлюченко, помнится, по фамилии. Он работал возле Евбаза, в маленьком ателье на улице Чкалова. Тогда это казалось невероятным, но у мужичка лежали под рукой последние английские журналы мужской моды, и он прямо-таки воспитывал вкус у своих клиентов. И это в ателье, представьте, первого класса – а не высшего, и уж тем более не в «люксе»! Увы, наш великий мастер при первой открывшейся возможности уехал в Израиль, несмотря даже на свою туземную фамилию.

– А вы же говорили, Максим Лукич, что придерживались иного стиля...

– Вы и сами ещё не раз убедитесь, как это правильно сказано: «Время собирать камни и время разбрасывать камни». Мужчина должен меняться, иначе закиснет – и грош ему тогда цена! А наш киевский модник после трёх примерок торжественно облачался в новенький костюм и начинал теперь принюхиваться и присматриваться к «Синему Чарли»...

– А фарцовка? Я думал, что тогда именно фарцовка...

– Одну минутку.

Опять уставился оживившийся было Максим Лукич куда-то за спину гостя (у того не хватило нахальства обернуться), поскущел и снял трубку белого плоского телефона, почти не заметного на белом пластиковом столе.

– Да? Уже? Ладно, иду, – и бросившемуся было вставать Селифану. – Допивайте свой кофе. Вас проводят. Созвонимся!

Однако банкир окликнул его уже из дверей, вытеснив своей массой отступившего вглубь коридора охранника.

– Что, Максим Лукич?

– Вы ещё не связывались с Истоминым?

– Да нет. Только когда из вас вытащу, извините, всё, что удастся.

– Гм... Ладно, об этом ещё успеем. Я только хотел предупредить... Посоветовать, чтобы вы звонили Ляксею со специально купленного бросового мобильного. И с новой сим-картой, разумеется. Запомните?

Исчез хозяин, а гость, допивая кофе, такой же великолепный, как и в прошлый его приход, присматривался к своим каракулям в роскошном, с переплётом белой натуральной кожи, блокноте и спрашивал себя, стоит ли затеянная игра свеч. Тут завибрировал на груди мобильник: Жора просил его срочно подъехать к Центральному универмагу, туда, где начинается оцепление. Требуется взять несколько интервью у манифестантов, только что поставивших первые палатки на Крещатике. Желательно, чтобы подсвечено было кострами.

Глава 5. ЛАДА: издержки брачного контракта; побег никуда; нечаянное предательство на закуску

И снова Селифан непроизвольно задержался перед дверью собственной квартиры. Может быть, именно в том-то и дело, что квартира не вполне собственная, а на двоих. Будь жильё только его – не было бы надобности терпеть нотацию, которую сегодня вечером всенепрменно прочтёт ему Лада. Или будь квартира только её, тогда он сейчас развернулся бы и – аривидерчи. Не впервой ему съезжать вот таким манером, с бухты-баракты, не пропал бы. Тачку бы тогда себе одному оставил, а в салоне, как ни тесен, на крайний случай и переночевать можно.

Покрутил головой Селифан, повернул ключ в замке, отворил двери и проник в прихожую.

– Лада, ау!

В ответ – молчание. Переобуваясь, присмотрелся. Последняя покупка Лады, её гордость, модные громоздкие ботильоны красуются на открытой полке для обуви, её домашних тапочек не видно.

На кухне звякнуло. Вот она где... А что не отзывается, так это закономерно. Не разговаривает, блин! Выполняет все домашние обязанности, готовит завтрак, убирает в своей зоне ответственности – на кухне и в спальне, однако молчит, наказывает необщением. Сейчас увидим, намерена ли мириться уже сегодня, или ещё потянет... О Боже, не нужно будет и присматриваться, умылась ли после работы! Щёлкнула каблучками – значит те, старенькие тапочки просто убрала с глаз

долгой, в ящик обувной полки, а ноги всунула в нарядные домашние туфельки. Умилиться бы Селифану, ведь всё это ради него, однако несомненная подготовка к бурному примирению сейчас только разозлила. Уже закипая, подумал он, что все вокруг почему-то лучше его самого знают, что делать и как поступать ему, взрослому и довольно-таки успешному человеку.

Потянул ещё немного время: не заявившись сразу на кухню, переоделся в спальне в домашнее. Уже в футболке и в застиранных до дыр джинсах, наведаясь ещё в ванную помыть руки. Теперь уж точно некуда деваться...

– Ну, что сегодня на ужин?

Молча швырнула на стол вторую тарелку и вилку, а о ноже лучше и не заикайся. Выложила на обе тарелки овощного рагу из кастрюльки, села первая со своей стороны столика. (Кухня здесь маленькая, большого стола не поставишь). А на тарелке среди рыжей от морковного соуса, оплывшей нарезки овощей – кусочки мяса, кругленькие такие... Ага, куриные сердечки. Дёшево и сердито. Не худший, в общем-то, вариант. Если бы купили квартиру в центре, ближе к его работе, то и обедать мог бы дома: спокойно и сам себе на скорую руку готовил бы. Однако в центре цены на квартиры совершенно неподъёмные, и в лучшем случае им с Ладой хватило бы только на однокомнатную. И что они вот теперь делали бы в однокомнатной?

– Что, так и будем всю дорогу молчать? – и глаза от тарелки на Ладу поднял.

Господи! Да она же смыла дневной макияж, с работы домой вернувшись, и накрутилась заново, по-вечернему. Держись, Селифан! Лада по-прежнему безмолвствует. Ну и пусть, позволяет подумать о своём. Доел он, поблагодарил, отнёс тарелку в раковину. Сам заварил себе

чаю, унес чашку в гостиную (она же столовая, общий кабинет и прочее), поставил на компьютерный столик. Вернулся на кухню, постоял немного у двери – не скажет ли чего? Молча, сосредоточенно доедает. Вот подкрепит силы и начнет, красавица Кадикса. Те, впрочем, замуж не хотят, а эта рискнула. И даже сама сделала ему тогда предложение, самостоятельная потому как чересчур.

Сел возле общего их ноутбука, вышел из «Твиттера» (и зачем она там часами пасётся?), настучал свой пароль, как всегда мимолётно удивившись его легкомысленности, и вошёл в свою половину жёсткого диска. Вот и ярлык от заветной папки «Роман». На первый взгляд, набита папка файлами, а ведь больше всякая чушь из Инета: «Любченко обнажает приставную грудь», «Правила свинга», «Психологические истоки любовных многогольников», «О чём говорить в постели?», «Брюссельские тонкости выбора любовников и белья», «Беседы о пикапе», «Секс без контакта»... Тьфу ты! Вряд ли что теперь пригодится... Интересно, почему это он вдруг обиделся на эту «приставную грудь»? А в файле с многообещающим названием «Роман теперь» – заметки к замыслу, теперь уже с лёгкой душой отложенному до греческих календ. Да и название нахальное, не для первой же книжки...

Вздыхнул Селифан и образовал новый файл, озаглавив: «Сценарий». Тоже с названия, что ли, начать? «Сердца четырёх» разве... Нет, было уже, было. Вот разве так: «Любовь и секс в жизни госпожи Х.». И чтобы произносилось, как «госпожи Икс». Явно не сам придумал, вспомнилось откуда-то. Ах, госпожа Х., госпожа Икс, почему стало так приятно даже только вспоминать о вас? За дело, за дело... Занести услышанное вчера от болтуна-банкира, именно так, как запомнилось. Или со словно бы нарочитой небрежностью – кто знает, не ста-

нет ли такой, случайно нащупанный стиль основным в диалогах? И так, только госпожу Икс позабавило его предположение о группенсексе, это же надо... Веселилась, будто птичка, стянувшая кусочек пирожного, говорите?

– Аркадий, нам надо объясниться. Расставить точки над *i*.

Он вздрогнул. Хорошо, кто спорит, что открыла рот, наконец, однако, нельзя же так пугать...

– Извини, но ты же видишь, что я работаю... Ладно, давай поговорим.

– Сядем на диван, Аркадий.

А куда же ещё? Излюбленное место Лады для таких разговоров, плаха словесной казни. Начинала бы уже, не томила. Сел в своем уголке, коленки сдвинув, теперь главное – перетерпеть.

– Ты нарушаешь мои права, Аркадий. Позволь тебе напомнить, что мы вступили в брак и живём тут вместе на условиях чётко сформулированного соглашения, своего рода устного брачного контракта.

Да уж, формулировать она в своей юридической фирме научилась, тут ничего не скажешь... Возразил устало:

– День у меня был суматошный. Скажи проще, чем я тебя обидел.

– Первое. Ты уже два дня переезжал, Аркадий, хотя должен был сдать мне машину первого числа.

– И в самом деле... Но разве я не подвозил тебя на работу и, когда удавалось, домой? Почему же ты не напомнила?

– Второе. Сегодня утром я планировала отпроситься с работы, чтобы, как всегда, третьего числа каждого месяца, отнести в банк очередные взносы за оба кредита. Однако вчера ты вернулся неизвестно в котором часу, я уже спала, а утром – про деньги ни слова. Что я должна

теперь думать? Что тебя уволили с работы, и ты боишься мне в том признаться?

Твердея лицом, он сходил в спальню, обшарил висевший на плечиках на дверце платяного шкафа свой рабочий костюм, принёс и положил перед нею на диван ключи от тачки и тощую стопку банкнот.

– Извини, Лада. Я совсем забегался. Вот именно на работе, а там пока и не думают меня увольнять. И вчера по делам мотался весь вечер и полночи. И сегодня были съёмки. Совсем забыл, на каком я свете.

– Хочешь уязвить меня? Я, что ли, виновата, что меня понизили и получаю я теперь меньше? Я, разумеется, благодарна тебе за то, что ты беспрекословно, ничего не скажешь, компенсируешь. Однако вспомни, что в нашу квартиру и мой дядя вложилась, а ты обещался вернуть ему его деньги!

Он вздохнул. Конечно же, Лада не виновата, что в стране случился перебор с юристами-выпускниками, а потом и со всяческими юридическими конторами. Она же есть частица офисного планктона, а тот щедро зеленеет, цветёт и пахнет в годы просперити, однако первым тяжелеет и идёт на дно во времена менее, скажем так, благополучные. Когда они брали кредиты, у Лады ставка была выше, чем у него на телестудии набегало, да и помощь её житомирского дяди, явно стыдившегося тогда, что позабыл почти о сироте, оказалась как нельзя кстати...

– Ты почему молчишь, Аркадий! Разве ты не понимаешь, дорогой, что оскорбляешь меня своим молчанием?

– Я не молчу, – тупо ответил он. – Я всегда отвечаю, не отмалчиваюсь, в отличие от тебя. Мы ещё способны выплачивать кредиты. Живём в своей квартире, а не в съёмной. Тачка у нас своя. Новая, не замусоленная ка-

ким-нибудь немцем. В чём же нарушение нашего договора? С моей стороны, то есть.

Она не стала сразу отвечать. Селифан злорадно почувствовал, как судорожно, с перекосами, в рваном ритме крутятся-цепляются шестерёнки в том её арифмометре, что носит на плечах под шлемом коротких крашенных волос. Тут же устыдился такого своего сравнения, хоть и не произнесено было вслух. Однако его вопрос совершенно ведь закономерен – с формальной стороны, во всяком случае.

Ибо брак их нельзя назвать вполне обычным. Они познакомились в ресторане, где её контора продолжала корпоратив, начатый в офисе, а Селифан в чисто мужской компании отмечал долгожданный запуск новой программы, в которой и для него как ведущего нашлось место. Была в том своя, пьяная логика, что, потанцевав, они в конце вечера оказались на диване в его, Селифана, комнате, которую снимал у одинокой старушки, на удивление либеральной к шалостям молодых людей. А через две недели, когда он почти успел уже забыть об этом довольно незначительном эпизоде, безымянная девица (не запомнилось, как зовут, только про носик клювиком) нашла его на студии и объявила, что залетела.

И вот не припомнилось же ошарашенному Селифану, что девушки иногда испытывают задержку именно потому, что боятся, а не случится ли задержки. Этакие злые шутки ворчливого Хроноса. Однако отбой тревоги прозвучал, когда договор был уже заключен, причём интимные отношения в нём не предусматривались. Жениха тогда вконец уже достало съёмное жильё, он понимал, что когда-нибудь жениться всё равно придётся, а рассудительная и аккуратная Лада понравилась ему ещё и полной противоположностью его крикливой и бестолковой матери. В те времена банковские клерки чуть ли

не на улицах хватали киевлян за локти, предлагая всяческие кредиты, но закалённый трудным детством, он понимал, что с жалкими пятнадцатью тысячами баксов, полученными от продажи материной однушки, и с тогдашней ставкой в конверте о самостоятельной покупке собственного обиталища он мог лишь мечтать – другое дело кредит на двоих.

Всё-таки проявил тогда Селифан характер и настоял на свободе для обоих партнёров искать утешения где-нибудь ещё. Когда же и беременность Лады растаяла, как утренний туман, брачный союз между договорившимися сторонами принял ещё более гротескный характер, пока не смягчился со временем регулярными почти товарищескими переписываниями, чаще случавшимися по инициативе Лады. Однако Селифан и теперь убеждён, что они сохраняют свободу в своих отношениях на стороне. В теории Лада ещё признаёт такое, но отнюдь не на практике...

Она прокашлялась. Что в таких случаях выкрикивают англичане в парламенте? «Слушайте! Слушайте!».

– Так где ты был на самом деле прошлой ночью, Аркадий?

– На работе, на ночных съёмках. Я ведь уже сказал.

– А если не врать? Ты же совсем не умеешь притворяться, когда нашкодишь.

Что значит – не врать? Правду в таких случаях как раз и необходимо скрыть, это Селифан успел усвоить твердо. Иначе чёрт знает до чего можно договориться, а это никому не нужно.

– Да не вру я. Собирал материал для нового... сценария. И сейчас ты оторвала меня от работы.

– Я очень извиняюсь, конечно, но кому нужна твоя писанина, Аркадий? Лучше бы какую-нибудь халтурку

снова нашёл. Или не осталось в Киеве видеокассет, чтобы их... как это... окольцовывать?

Он скрипнул зубами. Обидела даже не хамская «писанина», а какими словами извинилась. Много раз ведь поправлял, однако вот тебе нарочно: мы, юристы, и без твоих цирлих-манирлих обходимся. Вот уж поистине, юристы-демократы. О Боже, что она там несёт...

– ...даже не знаю, с женщиной ты был или с мужчиной, бисексуал хренов!

Терпи, терпи, не нужно было трепаться без остановки в тот их первый, пьяный вечер. Сам виноват, теперь терпи. Думал тогда, что никогда больше её не увидит, эту молчаливую тёлку, что ей можно всё рассказывать, словно фонарному столбу. И нет, чтобы о похабном своём отрочестве, проболтался о том, что болело тогда: признался, с каким намёком случайный покровитель проталкивал его на этот телеканал. Думал, можно и так снять тяжесть с души – если первому встречному... Забыл сказочку о говорящем тростнике, недоумок пьяный.

– ...и неизвестно какую заразу в дом занесёшь...

А почему собственно он должен терпеть? И совсем не должен, мать её! Неведомая сила срывает Селифана с дивана, несёт в спальню, потом в прихожую. Уже снова в костюме и переобутый, он носится по квартире, разыскивая бизнес-сумку. Находит, наконец...

– Аркадий! Остановись!

За спиной защёлкнулся английский замок. Потом дверь снова раскрылась. Удивительное дело! Лифт работает – и даже стоит на их этаже. Ухнул вниз Селифан, в карманах мобильник нащупывая: с собою, слава Богу! Первый этаж, заплёванное парадное... Громыкнул тяжёлой дверью, привычно подался к припаркованной под окнами машине, на полпути опомнился. Ключи-то оставил на диване! И от квартиры на той же связке.

Пошарил по карманам: стгоряча отдал всё снятое в банкомате, теперь денег еле хватит на такси, чтобы доехать на ночёвку к Жоре... Это если у него на Владимирской нету гостыи. Вот уж нашёлся поклонник свободы, эскапист недоделанный!

Вечер тёплый выдался, и то хлеб. А сколько можно ещё кутаться? Июнь как ни как начался. Поплёлся в скверик через дорогу. Машины проскакивали уже по одиночке, не сплошной хищною толпой, можно не тащиться на переход и не ждать благонравно зелёного сигнала. Вот только гоняют, сволочи... Это который же час? Увернулся от очередной ревущей тёмной массы, выскочил на обочину, добрался до скамейки. Достал, не торопясь, мобильник. «22.38». Маршрутки уже не ходят. Или троллейбус, или такси. Отсюда он услышит, как подъезжает троллейбус, и успеет на остановку. Можно посидеть, успокоиться. На свободе и на свежем воздухе представить себе те телесные радости, которых лишился, сорвавшись вот так у Лады с крючка.

Ведь ещё немного поныла бы Лада, помуржила бы его – и начала бы мириться. Подсела бы ближе, развязала бы на нём галстук... Какой ещё галстук, если был в футболке? Потом известное дело... Получил бы он свою порцию качественного, сладкого секса, который с Ладой только в таких прискорбных обстоятельствах и возможен. Ведь вообще же она, Лада, баба никакая. Безвкусная она, как не посоленный вовсе суп. Как банан, прости господи, для русского человека, привыкшего к едкой редьке и солёному огурцу. И неважно даже, что не умеет трахаться. Только его раскаяние, жалость, эта щемящая волна сочувствия и сопереживания, подхватывающая и несущая, когда идёт он на попятную, признаёт жалкую её правоту, только эти его чувства и поправляют дело, бурно окрашивая соитие. Выходит, что только в себе и

находит он пресловутую сладость? Ничего себе вывод... Тем более, что не выдерживает Лада даже в выгодных для себя условиях никакого тебе сравнения в постели с распрекрасной госпожой Икс, которая, небось, и представить неспособна, что женщина может быть такой пресной, как эта неведомая ей соперница. Ах, госпожа Икс, до чего же некстати, что сегодня вы заняты на спектакле!

И тут увидел он, как от остановки в его направлении движется тень. Сквер – место довольно безопасное, но не в ночное же время... Если гопник какой-нибудь, то хорошо уже и то, что незамеченным не подойдет. Нет, женщина. Молодая, довольно стройная, в длинном плаще, волосы короткие. Нечего себя обманывать: Лада это, вот ведь чёрт... А чему удивляться? Во всём околотке остался один-единственный сквер, до сих пор не застроенный высотками. Если не будет делать вид, что вышла на прогулку перед сном, а сразу же подойдёт, один у него выход – сдаваться.

Тут мобильник задёргался в кармане, загудел тихонько. Вынул, отключил блокировку – там номер без имени, а кончается на «52». Она, госпожа Икс!

– Милый Селифан, я только что вернулась в гримборную...

– Жора! Очень уж твой звонок некстати, перезвони, прошу, утром.

Тёмной кровью у Селифана сердце обливалось, но он не стал слушать, что прошелестит в ответ, отключил чёрную дощечку и спрятал. Лада уже стояла в нескольких шагах от его скамейки и задумчиво ковыряла тупым носком ботильона в кучке скошенной травы.

Глава 6. МАКСИМ ЛУКИЧ: похвальба «бункером»; болтовня о группенсексе; эротическая математика, а заодно и о старом киевском способе знакомства с девушками

– И куда это мы теперь едем, Максим Лукич?

Банкир коротко рассмеялся, прежде чем ответил.

– Есть у меня одно местечко, где нам никто не помешает. Пока доедем, расскажу вам его историю. Один авторитетный деятель районного масштаба выкупил полуподвал, где была станция юных техников с разными кружками, чтобы устроить там круглосуточное казино. Ему нравилось, что это через дорогу от его дома, беспардонно, кстати, выстроенного в парке. Мужик, однако, не учёл, что жители района, в прежние времена так уж точно пролетарского, предпочитают более простые и дешёвые развлечения. А там ещё и гонения на азартные игры настали... Если коротко, я купил заведение за сущие копейки и не для банка, а себе. Ещё раз перекрасил, чуток дооборудовал... И что у меня там получилось, Лёня?

Водитель выпрямил квадратные плечи, откинулся назад, будто так его лучше услышат на заднем сиденье, и пророкотал:

– Подземная атомная база НАТО, Максим Лукич! А насчет Сырца... Мне ребята рассказывали, что в старые, советские времена сюда таксисты отказывались ехать... Это чтобы не возвращаться порожняком.

– Вот видите, Селифан. Даже если знаменитый киевский «Беркут» вздумает прервать нашу беседу, то и эти

ребята зайдут туда, если только мы сами их пригласим. А сегодня Лёня посторожит нас снаружи и, когда закончим, развезёт по домам.

– Бу сделано, Максим Лукич.

С улицы владение банкира напоминало декорацию к русскому «перестроечному» фильму или к документальному типа «Так жить нельзя». Чтобы войти, надо было спуститься по нескольким бетонным ступенькам и отпереть электронный замок стальной двери, замаскированной под фанерную, обитую ржавой жестью.

Хозяин спустился первым, включил свет и довольно ухмыльнулся, когда гость замер на пороге.

– А вы что скажете, Селифан?

– Фильм «Бункер». Кино и немцы, Максим Лукич...

Внутри банкир начал с лёгкой пробежки по просторному помещению – некогда длинному и широкому коридору, в котором устроили спортзал, потом главный зал казино, а сейчас полупустой вытянутой коробке, безжалостно замазанной тусклой зелёной краской. Следовавший за ним гость с опасливым недоумением поглядывал на внутренние стальные ставни на приплюснутых окошках под самым потолком. Однако за мало приметными, той же казённой краской покрытыми дверьми прятались холодильники, забитые продуктами и напитками, хорошо оснащённая кухня, кладовые со штабелями консервов, коробок с крупами и прочей сухой снедью, баки с запасами воды и топливом для генераторов автономной электростанции. Некоторые двери заперты; там «номера», как пояснил банкир. Острое, несколько и завистливое любопытство к чужим квартирам Селифан сохранил с тех недавних времён, когда перекапывался в общагах, а потом по съёмным углам и комнатам. Это жильё, однако, не вызывало зависти, не восхищало тем более, зато удивляло своей откровенной

функциональностью: здесь собирались выживать, а не наслаждаться достатком.

Наконец, уселись в том самом длинном коридоре – помещении, более или менее соответствующем гостиной в обычной большой квартире. Банкир дёрнул подбородком в сторону пустой стены, но с пунктиром крюков, забитых в кирпич:

– Сюда, если успею, перевезу картины.

– Что – успею, Максим Лукич?

– Ладно, не о том у нас... Чего предпочитаете испить – крепкого, но помалу, или слабого – но вволю?

– Мне бы лучше слабого...

– Тогда сходите, найдите красного сухого. И стаканы. Не в службу, а в дружбу, Селифан.

– Сам не пойду, – покачал головою Селифан. – Боюсь, не выберу, чтобы и вам по вкусу. Да и не знаю, где.

Оказалось, что и винный погреб здесь есть. С отдельным освещением от аккумуляторной батареи. Когда банкир увидел на столе две окутанные паутиной тёмные бутылки, подобрел и уже самолично сходил за стаканами.

– А почему у вас тут только жёсткая мебель? – осведомился первым делом Селифан, в отсутствие хозяина успевший дополнительно осмотреться. – Плетёная и... да, металлическая.

– Мягкая мебель вся на поролоне и прочей синтетике. При пожаре испускает ядовитые газы. А современный мебельный лак душит ещё пуще фосгена. Ближе к делу! Спрашивайте, Селифан.

– Вот, пришлось прихватить с собою ваш блокнот, – Селифан поднял глаза на хозяина, увидел, как тот небрежно отмахнулся, продолжил. – Вы говорили о фарцовке...

– Это вы говорили о фарцовке. Я же собирался тогда возразить, что у фарцовщиков порядочные молодые люди доставали только обувь и аксессуары – рубашки, галстуки и, смешно сказать, носки. Носки по традиции, идущей с середины пятидесятых, считались весьма важным видом экипировки – тогда только пёстрые, яркой расцветки и непременно заграничные! Вообще же в Киеве меньше было возможностей для фарцовки – иностранцы не так густо к нам заезжали, как в Москву, Питер или портовые города... Дальше!

– А прежде вы говорили о преимуществах, которые имеет перед вами и Владиславом Николаевичем этот технарь, Истомин. Речь шла о том, что он давний приятель госпожи Икс ... Простите, Маргариты Львовны.

– Госпожи Икс? Неплохо! Уверен, Марго бы понравилось... Не помню, рассказывал ли я уже о том, что наводил, каюсь, справки, о давних отношениях этого чёрного жука и Марго. Оказалось, что они познакомились, когда она только приехала в Киев из Питера по распределению в наш Оперный и дружила с его девушкой, тоже танцевавшей в кордебалете. Наш стилиста будто бы даже колебался, за которой из двух хохотушек ему приволокнуться. Кстати, Ляксея и Владик – коренные киевляне, и проклятый квартирный вопрос не давил на них столь тягостно, как на нас с вами, Селифан.

Гость поднял бровь – уж не наводил ли и о нём банкир справки? А тот, как ни в чём не бывало, продолжил:

– Когда этот брак нашего Ляксея распался, он нашёл утешение в дружеских объятиях доброй Марго, бывшего друга в юбке бывшей семьи. К тому времени она успела расстаться со своим первым мужем и сама нуждалась в дружеском утешении. Право, не знаю, насколько далеко они зашли, утешая друг дружку. Во всяком случае, с тех пор остались добрыми друзьями, и отношения их,

несмотря на скверный характер Ляксея, вполне безоблачны. Тут должен я заметить, что какое-то время мы с Владиком нашей любопытной, как кошка, Марго были более интересны, нежели старый приятель – вот именно в качестве... ну, новых экспонатов в её личной кунсткамере.

– А как бы отнёсся к идее развлечения вчетвером Владик? – осторожно спросил Селифан и, припомнив, уточнил. – То есть Владислав Николаевич...

– Если спросите его самого об этом, первым делом Владик, я вам ручаюсь, покраснеет. Нет, сам он далеко не образец половой морали, однако группенсекс уж слишком брутален для его непуганой души.

– А вы сами, Максим Лукич, почему отвергли этот вариант времяпровождения? – внимательно всматриваясь в страницу блокнота с собственными каракулями, осведомился Селифан. И, будто бы спохватившись. – Если вам, конечно же, не сложно ответить...

– Да нет, не сложно! – хохотнул банкир. – Ничего сложного... Вот только я слишком уважаю Марго, да и её приятелей тоже, чтобы представлять себе такие с ними упражнения.

– А раньше приходилось ли вам принимать участие в таких вот с кем-то упражнениях?

– Назойливы вы, однако, Селифан. Видимо, в вашей профессии это плюс. А я так толком и не знаю, принимал ли на самом деле участие. Ну разве что в общежитии... Бывало такое, что по бедности устраивались по две пары на одной кровати, это да. Вот тогда, в тесноте, если в ажитации уцепишься невзначай не за ту, что надо, руку или ногу – это будет считаться или нет? Если к тому ж и большой разницы не было, чья на самом деле нога – Элкина или Милкина?

Отметил для себя Селифан, что мемуарист даже не допускает, что мог ухватить за ногу Эдика или Майкла, и осведомился вкрадчиво:

– А нельзя ли поподробнее?

– Подробнее не желаю, – хохотнул снова, – а в феноменологическом и в историческом разрезе – всегда пожалуйста! У нас это развратное увлечение более или менее распространилось в начале восьмидесятых, а я тогда пробивал в науке себе место под солнцем, вкалывал так, что за ушами дымилось. Начал оглядываться и осматриваться, только когда защитил диссертацию и как молодой специалист попал даже в очередь на жильё. Тогда-то я и осознал, что кое-что упустил в своей ещё молодой жизни – и принялся изо всех сил навёрстывать. Но наша компания, хоть и гуляла вовсю, но таких гадостей, что ни говори, не практиковала. Наверное, потому что наши подружки были из нашего же круга, учились или работали рядом с нами. А слухи, конечно же, доходили... Компания наша развалилась, когда некоторые пары поженились, кое-кто уехал за бугор, а наш признанный лидер, главный наш герой-трахальщик оказался бисексуалом – тогда, впрочем, этого слова я ещё не знал. Оставшиеся в компании были мне неинтересны... это я девушек имею в виду. Вот я потихоньку и слинял. Более опытные коллеги успели меня научить, как правильно снимать тёлки в Киеве, я этим потихоньку и пробавлялся, хоть больших успехов не имел – равно как и особой радости от этих мимолетных романов, очень часто и не получавших существенного завершения.

– Вот тогда вы и женились! – ухмыльнулся Селифан.

– Ну да, – кивнул банкир с по-прежнему серьёзным выражением лица. – Именно тогда. Женился по-глупому – и потерял очередь на квартиру, потому что додумался прописаться у своей придурочной. Однако же не

о моей семейной жизни у нас речь, правда? Я рад, что вы со мною согласились.

Селифан, не выпуская из рук блокнот и заветный свой роллер «Уотермен», нарочито низко поклонился. Банкир присмотрелся к нему, хмыкнул и отпил вина.

– Забыл я сказать, кстати. Не мучайтесь с блокнотом, записывайте на диктофон. То, что я вам сейчас рассказываю, моим врагам и нахрен не нужно.

– Да не прихватил я сегодня, Максим Лукич. Как на грех...

Тороватый хозяин огляделся беспокойно, словно высматривал завалящий диктофон, чтобы бросить его гостью.

– Положение моё на любовном фронте изменилось, когда засланный в Политбюро ковбой Горби отпустил поводья, Союз развалился и началось судорожное разграбление пресловутого общего достояния. Я тогда решил, что только дурак не попробует и себе оторвать жирный кусок и что я к таким дуракам не отношусь. Как знаменитый Березовский нырнул в дебри коммерции, презрев академическую карьеру, так и ваш покорный слуга, только низринулс я из заоблачных высей математики, а не из более земной теории принятия решений, как он. Вот только Борис Абрамович так далеко пошёл...

– ...и далеко уехал... – быстро вставил Селифан.

– ...далеко пошёл, говорю, потому что получил возможность и сам возжелал заняться политикой на высшем московском уровне, я же тут, в нашем благословенном и провинциальном Киеве, летал низко, крутился исключительно вокруг финансов и в политику отнюдь не лез. Дважды прогорал, три раза поднялся и в конце

концов укрепился вместе с этим вот фактически уже собственным моим банком, не последнем во втором ряду. И не с конца во втором ряду, а с начала! Вообще же, заметили ли вы, Селифан, что с банками у нас в Киеве явный перебор? Ведь не только в центре, а и в спальных районах, плюнь, не глядя – и непременно попадёшь в банк.

– Уж точно...

– Тогда, в начале судьбоносных и проклятых девяностых, сделки запивались прямо в офисах водкой и заедались московской колбасой. Именно поэтому циррозы печени и язвы желудка так и косят сейчас тех дельцов-основоположников нашего капитализма. После водки тогдашние бизнесмены – сплошь, как на грех, жлобы и скопидомы, размякали и позволяли себе раскошелиться на продолжение банкета. И нет, чтобы поехать в приличный ресторан, а в бане или в сауне. Там предлагалась и женская обслуга, при этом хорошим тоном считалось, если в бассейне плескалось вдвое больше русалок, нежели наличествовало гостей. Последствия вам понятны? Нет? Одурманенный плохой водкой, я уже сознательно принимался валяться с двумя дамами сразу, надеясь количеством компенсировать скверное качество. Это была уже настоящая групповуха, как по-вашему?

Спрашивая, банкир смотрел мимо Селифана, и тот насторожился. Врёт, несомненно врёт! Ведь никак оно не сочетается, рассказанное этим вылощенным хлыщом о себе ранее, с такими грубыми развлечениями... Но зачем тогда на себя наговаривает? Максим Лукич уже сверлил его недоуменно своими тёмными глазками, и Селифан – лёгким светским тоном:

– Да вроде. По науке это МЖЖ, то бишь мужик с двумя жопастьенькими.

– Откуда такие познания?

– Да из Википедии. Там есть статья о групповухе, способная отбить сон у прыщавого подростка не меньше, чем на неделю.

– Интернет! Вот ведь действительно властитель дум! Ещё припоминаю, что такое предосудительное общение вызывало у меня ассоциацию с интегрально-дифференциальным уравнением, и даже не одну. Вот вспомнил, например: вначале с охотой интегрируешься, а затем поскорее дифференцируешься и удираешь как можно дальше.

– Вот как?

– Юмор сравнения едва ли понятен не математику... Однако я тогда ещё остро переживал своё добровольное отлучение от учёного Олимпа. И жил в мире её символов, математики, прикладывал понятия царицы и прислужницы других наук к обыденной нашей жизни.

– Разве такое возможно?

– И ещё как возможно! Замечательные уравнения выстраиваются! Хотя бы такое припоминается: способ знакомства с девушкой «из компании» так же относится к способу оприходовать девицу в бане, как интегральное счисление к простому вычитанию.

– Не припомню я что-то того способа, который вы первым назвали...

– Разве? В Киеве был принят и даже популярен в начале восьмидесятых. Вот вы едете в метро или в трамвае и видите девушку, которая вам понравилась, а она в компании молодёжи. Ваша задача: протолкаться поближе, прислушаться к разговору – и непринуждённо в него вмешаться. Если вас сразу же не отошлют, вы

выходите вместе с компанией и получаете право проводить девушку домой. Чтобы использовать такой приём, надо быть интересным и внешне трезвым мужчиной, над пьяным лысым старичком только посмеются.

– Теперь, если этак вот подвалить к компании, запросто могут и трезвому интересному мужчине, не говоря худого слова, засветить в рожу.

– Не знаю, давненько не спускался я в метро... Однако вернёмся к уравнению. Вам или удалось вмешаться в разговор, или нет, девушка ехала одна или с парнем, она скисла за день или ещё способна на приключения, вы на неё произвели впечатление или нет, согласится ли она на самом деле, чтобы вы её проводили, даст ли телефончик, позволит ли себя поцеловать на прощанье... Весьма сложные правила игры, огромный спектр возможностей и запретов, сердечные замиранья, мечты и разочарования на каждом этапе ухаживания... И пещерный примитивизм второго способа съёмки.

– Согласен. Не понял только одного: почему в сауне происходит вычитание.

– А что же ещё? Если до знакомства с тамошней девицей или девицами у вас в бумажнике была одна сумма, а как выбрались на свежий воздух – уже меньшая? Вот вам и вычитание, Селифан. Вообще же я тогда безумно скучал по математике, да мне и теперь ещё снятся формулы... Будто стою у доски, пишу на ней формулы мелом, и мысль вроде логично развивается. А потом моя рука уже сама, от меня независимо, пишет, и вся почти доска покрыта формулами, а я теперь начинаю не всё понимать, что в них к чему... Только более или менее я успокоился, а тут, вот вы помните сами, история с Перельманом. Не с тем Перельманом, которого все зна-

ли, автором «Занимательной математики», а с современным, живым вундеркиндом и математическим гением Григорием Перельманом.

– Который миллиона баксов не взял?

– Да тот самый. Бизнес-жлобы и жлобихи удивляются, отчего он миллиона не взял, а вот я точно знаю, почему.

A stylized, handwritten signature in black ink, consisting of several overlapping, curved lines that form a unique, abstract shape.

Глава 7. МАКСИМ ЛУКИЧ: скучная разгадка тайны Перельмана; о рюмке коньяка и теоретическом мышлении; Селифан решается на слезливый мемуар

– Так почему же, Максим Лукич? – невинно осведомился Селифан. Удивительный поступок питерского чудака всё ещё удерживался в обойме самых громких сенсаций, и раздобыть новое объяснение было бы почётно. Тем более, что именно у киевских математиков, кажется, никто так и не догадался взять интервью о выходке Перельмана.

– А, забыл я, с кем имею дело... – махнул рукою банкир. – Вам скажешь, а вы продадите как новость. Тем более, что чужая душа потёмки, а мне понятны мотивы Перельмана, исходя из моих личных представлений, не более того. Простые догадки, то есть. По мне, так парень просто знает, что большие деньги и занятия наукой несовместимы, вот что. Он там объяснял, будто не уверен в справедливости присуждения премии именно ему, а я так полагаю, что постеснялся сказать о главном: как ни крути, а такие деньги непременно грязного происхождения. Пожертвовал ведь их для премии какой-то благодетель, насколько помнится, некий бизнесмен, а честно и чистыми руками миллион баксов не заработаешь, даже если, как этот тип, руководить фирмой по управлению инвестициями. Вот и весь секрет. А что бескорыстные занятия теоретическими дисциплинами есть высшее из доступных человеку наслаждений, это аксиома. И я не сомневаюсь, что Перельман, запершись в двухкомнатной квартире в компании со старой матерью и попивая

молоко из пакета, решает в своё удовольствие математическую загадку рангом не ниже побеждённой им гипотезы Пуанкаре.

– Почему же тогда, – спросил Селифан с максимально доступной ему деликатностью, – вы сами не возвратились к этим чистым наслаждениям? Ну... это... Когда уже поняли, что большие деньги – грязная вещь?

Максим Лукич улыбнулся без всякой приятности, вроде как легко оскалился. Отхлебнул из стакана, на сей раз уж точно не почувствовав вкуса. Пробурчал:

– Даже ради прекрасной Марго я не позволю вам, подвигаю..., подвизающемуся во второй древнейшей профессии... Залазить ко мне в душу вам не позволю. Но себе позволю объяснить на примере Бориса Березовского, как я понимаю это дело. Борис Абрамович и сам изволил по уши вываляться в дерьме, и ваши коллеги на него чуть ли не ежедневно льют потоки грязи. Так что, если вы опубликуете то, что я сейчас скажу, и до него дойдут мои слова, уж как-нибудь перетерпит. Впрочем, первое важное обстоятельство, о котором я должен сказать, как раз Березовского почти не коснулось, оно ударило по нам, киевлянам. Если наша главная, академическая библиотека многие десятилетия пользовалась правом обязательного экземпляра, то есть каждая новая вышедшая в СССР книга и каждый номер журнала в приказном порядке поступал в её фонды, то с начала девяностых это было похерено, а книги издательства «Наука» перестали продаваться на Украине. Между тем настоящий учёный не может работать, не зная, чем заняты и чего достигли его коллеги в стране и за границей. Если бы тогда у нас уже был, как сейчас, Интернет, он смягчил бы ситуацию, но в те времена все связи рушились, оставались только личные, дружеские... А в науке оно как? Где дружба, а где и соперничество... Я

знаю многих учёных, которые тогда опустили руки. Кто ушёл вообще, а кто начал халтурить. Важно ещё одно обстоятельство: для чего человек в своё время пришёл в науку. Вон Перельман – тот из вундеркиндов, у меня в детстве успехи были не такие блестящие, однако тоже первенствовал на всяческих олимпиадах, а если математика мне легче всех остальных дисциплин давалась и дипломов набралась целая стопка, куда же мне ещё было поступать после школы, как не на мехмат? А вот у Березовского изначально просматривалось намерение сделать на математике карьеру, добыть деньги, пробиться к власти – иначе не подался бы кандидатскую писать не куда-нибудь, а в Институт проблем управления Академии наук. И докторская у него была не Бог весть какая теоретическая: о некоторых тонкостях осмысления проблемы «разборчивой невесты».

– А нельзя ли поподробнее? – встрепенулся приунывший было Селифан.

– Подробности едва ли вам интересны! Это проблема выбора из большого количества возможностей, критериев остановки выбора, точнее, и там всё давно было обчислено задолго до членкора Березовского. А кремлёвские управленцы и он сам, как до власти дорвался, никто из них не пользовался предложенной в его статьях и монографиях методикой, просто прикидывали, какой из вариантов позволяет потуже набить кошелек.

– Вот вы всё о Березовском, а я задавал конкретный вопрос...

– Это почему бы мне не вернуться в математику? Да ладно уж... Во-первых, наука за пропущенные годы ушла вперёд. Новых публикаций по моей узкой специальности появилось, надо думать, не так уж и много, да и статьи у нас, если знаете, коротенькие, на пол-листа, и из обычных, человеческих слов только «Если» в начале

да «Итак» в конце. Зато чтобы осмыслить новые работы, понадобятся несколько лет – а где бы я нашёл на это время, спрашивается?

– Осмыслить... А почему бы не просто прочитать, Максим Лукич?

Банкир захохотал. Отсмеявшись, в первый раз за всё время знакомства присмотрелся к гостю с таким выражением, будто передумал скрывать собственное над ним превосходство.

– А вы попробуйте сами, Селифан. Посмотрим, что у вас выйдет. На самом же деле, чтобы только прочесть такую статейку, то есть действительно толковую, нужны не только математические знания, надо приложить толику теоретического мышления, а для этого его, драгоценное, надо иметь. Для того, чтобы осознать сделанное автором и вникнуть в теоретические перспективы работы, малой толикою уже не обойдешься. А если замахнуться на поиски собственного, оригинального подхода к проблеме, не говоря уж о его обосновании и разработке? Гениальный Ландау, например, признавался, что после рюмки коньяка лишается теоретического мышления на целых два месяца. А сколько потребовалось бы мне теперь месяцев, чтобы только вернуть былую форму, это сейчас даже трудно представить! И не хотелось бы представлять... Поскольку для этого необходимо было бы думать только о математике, меня тем временем слопали бы конкуренты... Да ладно уже, не хочу я больше об этом!

Банкир сорвался с места и принялся бегать по коридору, поглядывая на его стены с таким видом, будто оказался в провинциальном краеведческом музее, где раньше не бывал, и сомневается, найдёт ли здесь что-нибудь путное. Остановившись перед Селифаном, смерил и его точно таким же взглядом – и вдруг выкрикнул:

– И не буду я вам рассказывать о своих чувствах к королеве Марго! Потому что нет у меня для того никакого стимула. Я не скажу ни слова, прежде чем вы, наш неудачливый Мефистофель, не спровоцируете меня, не закинете передо мною наживку на крючке – какой-нибудь, слезу выжимающий, рассказ из вашего любовного опыта. Ну, о том, хотя бы, для затравки поведайте, почему не считаете возможными для себя романтические отношения с женщинами!

– Я? Я говорил разве такое? – изумился Селифан. – Ах, да... Ну, знаете, Максим Лукич... Так вот сразу – и на тебе: выкладывай, выворачивайся наизнанку...

– А почему вас так покорило, когда я, не зная вашего отчества или просто забыв, назвал вас «Батьковичем»?

– Вот этого я вовсе не стыжусь. Вот об этом всегда пожалуйста. Дело в том, что я никогда не знал своего отца, и даже не знаю, почему покойница-мать вздумала записать меня в метрику Олеговичем...

Селифан действительно никогда не видел своего отца, более того, догадывался, что и Олеговичем был назван вполне произвольно, потому что забубённой матери чем-то понравилось это имя. Никогда ничего не слышал от неё про древнего князя Олега Вещего, ни тем более о забытом теперь герое красnodонского подполья Олеге Кошевом.

Сам он до последнего лета в детсаду не ощущал своей ущербности, не догадывался, что чем-то хуже, беднее других. За некоторыми детьми приходили папы, но и таких, как он, которых забирали только матери, было немало. Правда, иные пацаны, получив в нос, грозилась пожаловаться отцу, однако Аркаша был уверен, что в случае надобности и за него заступится кто-нибудь из

маминых ухажёров. Мать свою он любил, как все дети, и не догадывался, что она чем-то отличается от соседок. Бедности же их с матерью быта не понимал, потому что так жили, как ему казалось, все вокруг, а в детском садике хоть и почище было, чем дома, однако вовсе не богаче.

Глаза у него открылись только после одной шалости. Аркаша подружился с младшей из двух воспитательниц, с Валентиной Ивановой. Мальчик он и тогда был хорошенький, ласковый и пришёлся по душе доброй и кроткой Валентине Ивановне. Ему же всё в ней очень нравилось – и празднично звонкое имя, и всегда белоснежный её халат, и плетёные босоножки, в которых Валентина Иванна порхала тем летом. (Запах этих её босоножек, чистый и горьковатый, преследовал его потом всю жизнь). Вообще же малый Аркаша влюбился в Валентину Иванову ещё и потому, что от неё всегда очень хорошо, сладко пахло – не так, как от матери. Не то, чтобы он полагал, будто от его мамы воняет, но мама распространяла запахи обычного человека, потного, голодного, грязного, выпившего после смены с устатку, а Валентина Иванна, та словно с цветущего луга приходила. С годами Селифан догадался, что его первая любовь не очень-то прислушивалась к лекциям по педагогике в своем педучилище – иначе не тискала бы его без конца, не угощала бы припасёнными леденцами, не целовала бы звонко в щёчки и не пыталась бы даже и секретничать с милашкой-мальцом, будто с подружкой.

Понятно, что баловала Валентина Иванна своего любимца и что позволяла ему штуки, другим детям её группы запрещённые. А он обожал крутиться на круглом железном табурете, развинчивающемся вверх и завинчивающемся вниз. Табурет стоял возле пианино в комнате для игр, на местном языке – в «зале», и Валенти-

на Иванна сажала на него Аркашу, раскручивала, сама ойкала от радости, а малый балдел отчаянно, воображая себя космонавтом и Бог его знает кем ещё.

Очень его огорчало, что не может крутиться на табурете сам, отталкиваясь ногами, как Валентина Иванна, однако со временем догадался, что можно раскрутить сидение, бегая вокруг табурета, а потом, уже на ходу, запрыгнуть на него. Тем же утром, улучив минутку, когда обе группы, все воспитательницы и директорша собрались во дворе, у песочницы, он пробрался в «зал» и попробовал воплотить в жизнь свою задумку. Вскоре, однако, раздались голоса, и пришлось спрятаться в нишу за пианино.

Это пришла Марина Сергеевна, покурить у открытого окна, а с нею Валентина Иванна. Марина Сергеевна всегда таскала с собою послушную Валентину Иванну, если пряталась, чтобы покурить, и в дощатый сортир по естественным надобностям тоже.

– Чтой-то мой любовничек кудысь подевался, – пожаловалась Валентина Иванна.

Марина Сергеевна деликатным плевком затушила окурок, выбросила его в окно, простучала на танкетках к пианино и запела вполголоса, аккомпанируя себе, а на две западающие клавиши внимания не обращая:

Мой ма-лень-кий дру-жок,
Аркад-ский пас-ту-шок...

Добрая Валентина Иванна захихикала, хоть и не в первый раз слышала эту шутку. Аркаше же льстило, что вот о нём уже и песни поют, будто в громкоговорителе, было только непонятно, когда это он успел заделаться пастушком.

– И в самом деле хорошенький, – заявила Марина Сергеевна. – Реснички какие длинные, а? На мамашу свою так уж точно не похож.

– Да уж, – вздохнула Валентина Иванна.

– Вот уж вправду: «Ни в мать, ни в отца, но в проезжего молодца». А отца и не видел никто, стало быть, он и был проезжий молодец.

– Ну, зачем ты так, Маша...?

– А как? Да ты посмотри на неё, на Глашку-то! Толстуха, не колобок даже, а картоха уродливая... Курдупель! Явно на перегоне зачала, прямо в своём грязном служебном купе. Непонятно мне только, Валюша, с чего бы тот проезжий красавец на неё позарился. Э, да что там... Невелика загадка! Напоила небось, пьянь, что и лыка не вязал...

А в нише, к стене прижавшись, маленький Аркаша кусал себе губы, чтобы не зареветь. Враньём оказались мамины рассказы о папе-майоре, погибшем в загадочном и страшном, как сгусток тьмы в дальнем углу ночью, Аф-гамни-стане. И вовсе не отец, оказывается, подбрасывал его, малыша совсем, в воздух и ловил, а мама бегала вокруг и кудахтала! Получается теперь, что всего лишь один из её ухажёров. Как горько было выбрасывать из памяти солгавшее тебе, изменившее воспоминание!

Тем временем злая Марина Сергеевна продолжала ругать маму, обзывая её при этом коротким словом, запрещённым Аркаше для повторения. Однако ведь и мама в застольной своей беседе с очередным ухажёром, дядей Тихоном, подслушанной малым незадолго до той катастрофы, точно так же именовала Марину Сергеевну, да ещё с осуждением обзывая её «образованной». Дядя Тихон, напротив, уважал воспитательницу за то,

что красивая, и за то, что на праздничных концертах всегда поёт и танцует иногда, но тоже называл Марину Сергеевну неприличным словом, поясняя, что таковы «все красивые, их это доля такая – не то, что у симпатных, как ты, Глашка, у полненьких этаких цыпочек».

– Что тут ещё скажешь, Максим Лукич? В мамином статусе на станции я тогда ещё не разобрался, общественного мнения, соседей и прочего населения, о нас тоже не знал. Зато уже вскоре, как пошёл в первый класс, пришла мне пора осознать весь позор нашей с нею бедности. Но это ведь выходит уже за рамки того, чем вы интересовались, не правда ли?

Банкир достал отглаженный белоснежный платок и притворился, будто промокает глаза. Промолвил легко:

– Ну и «слезодавилку» же вы изложили, не ожидал... Результат таков, что я даже устыдился, знаете, своего относительно благополучного детства. Теперь, впрочем, и оно тоже воспринималось бы как бедняцкое. Вызвонить сюда, что ли, психоаналитика подороже? Чтобы утешил и вас, и меня?

Глава 8. ЖОРА: тайны фен-шуя; непристойное воспоминание, сувенир и предложение, а также милый сюрприз от госпожи Икс

– Раз, два, три... Вперёд! – Жора щёлкнул пальцами возле правого уха и отошёл в сторонку.

Глядя в объектив со всей возможной проникновенностью, Селифан проверил, расправлены ли плечи, и завёл свою шарманку:

– Дорогие телезрители! Сегодня ваша люби-и-имая передача «В гостях у звезды-ы-ы» находится в гостях не у самой звезды, всеми нами почитаемой дивы нашего шоу-биза Влады Черняк, но у её двоюродной сестры, юной Лаймы Мир, которая приехала в Киев из родных дядя Влады Черновцов, чтобы вслед за родственницей сделать здесь блестящую карьеру певицы...

– ...и джазменши ещё! Я на баяне очень хорошо играю, – пискнуло юное дарование из угла, куда оператор Вован уж никак не успевал повернуть камеру. Не пришлось бы переснимать...

– Фортуна подскажет вам, Лайма. Итак, чтобы...

– Эта кто? Я её знаю? – юница тревожно. – Она разве была на той вечеринке в клубе?

– Стоп!

– Жора, да объясни ты ей...

Режиссёр устремился к юному созданию, чтобы преподать ему правила поведения на телевидении, а Вован с Селифаном, переглянувшись, уставились на Жору. У него в таких случаях принято ухватывать звёздного персонажа за пуговицу – однако у этой девицы на гру-

ди не наблюдалось ничего даже похожего на пуговицу! Нимало не смутившись, Жора уцепился за бретельку её весьма открытого платья, легонько оттянул и сказал всё, что положено говорить в такой ситуации.

Начали сначала. На сей раз Селифан заглянул предварительно в бумажку и выразился половчее:

– Дорогие телезрители! Сегодня ваша любимая передача «В гостях у звезды» пришла в гости не к самой звезде, всеми нами почитаемой диве нашего шоубиза Владе Черняк, но к её двоюродной сестре...

Когда начинал, уже чувствовал на себе пристальный взгляд, а потом и высмотрел украдкой, откуда и чей: именно та гнусная баба на него пялилась, которую ему вот-вот предстоит представить телезрителям:

– ...Полученный от сестры подарок, эту квартиру, Лайма обставила и украсила по своему вкусу. И вот сегодня её навестила известный киевский знаток фен-шуя Натали Самохвалова, чтобы определить, соответствует ли устройство жилых зон и расстановка мебели принципам этой китайской системы миропорядка. Прошу вас, Наталья Моисеевна.

Жуткая толстая бабища, покрашенная, будто на шест для стриптиза собралась (вот было бы зрелище!), медленно облизала свои кроваво-красные губы, оторвала жадный взгляд от Селифана и принялась хрипло рассказывать о благотворном китайском ветре Ци, который должен веять, куда нужно, и не дуть, куда не надо. Потом она ухватила несколько растерявшуюся девчонку за руку и повела по квартире показывать, где мебель расставлена правильно, по фен-шую, а где так, что дракон не согласился бы оставить следы своего драгоценного дыхания. За ними, как привязанный, поплёлся Селифан, следом, удерживая всех троих в кадре, Вован с камерой на плече, а за его обширной спиной – Жора,

единственный из присутствующих, кто мог позволить себе ехидно ухмыляться.

Процессия остановилась в гостиной, где обе дамы и Селифан встали рядышком у стола. Жрица фен-шуя принялась разглагольствовать о том, как правильно и красиво расположен стол, а Селифан, пошарив в памяти, припомнил виденное им во время школьной поездки в Питер. Тогда чинный покой зала Рембрандта в Эрмитаже был нарушен группой черноусых и краснолицых мужиков в строгих чёрных костюмах. Топая, как кони, они выстроились под «Данаей» и дружно уставились в объектив фотоаппарата. Блеснула вспышка, и усачи сделали короткую пробежку, чтобы снова выстроиться под «Портретом старого еврея». Аркаша подумал тогда, что усачи станут рассматривать картины уже на фото, дома и с удобствами, а девушка-экскурсовод пояснила, кривя улыбку, что фотографировать, тем более со вспышкой, здесь строго-настрога запрещается, однако поскольку это какая-то важная арабская делегация...

Толстуха продолжала вещать, и он украдкой огляделся. Господи Боже! Подушечки, бесконечные мягкие игрушки, большие куклы и живая кошка, разноцветные воздушные шарики и, кажется, даже ёлочные шары... На стенах картины, прикупленные небось в воскресенье в самом начале Андреевского спуска, где, под заслуженными стенами Института археологии, толкутся вытесненные с почётного булыжника отпетые халтурщики. Зато в золочёные гипсовые рамы упакованы сии творения, и вперемешку с большими цветными фото юной хозяйки. И везде кустарные сувениры... Что там?

Ужасная бабища достала из сумки квадратный размалёванный и расчерченный кусок картона с дрожащей магнитной стрелкой посередине и тыкает в него пальцем. А ноготь-то какой – длиннющий, квадратный, чёрный!

– ... не там, нет, я же говорю! Для секса это самое отвратительное место во всей квартире!

Они стояли уже у ложа, застеленного цветастым покрывалом и почему-то двуспального.

– А это не для секса зовсим, – захихикала девица. – Для секса у меня столик на кухне. Застелить рушничком – и очень миленько получается...

Жора сделал стойку, будто сеттер, почуявший куропатку.

– Не для секса, вот оно как... Для сна, значит, – забормотала бабища, совершая священнодействие с китайским компасом. – Артефакты меня смутили... Это... насчёт предназначения...

– Чего смутило?

Жрица промолчала, но Селифан понял, что она имела в виду неприличный закарпатский сувенир-трансформер, такого похабного «ваньку-встаньку». Тем временем сникшая было бабища собралась с духом либо укрепила его общением с компасом, потому что заявила с прежней убеждённостию:

– На кухне по фен-шую нет места никакому сексу. Это зона приготовления пищи. Неужели вы хотите испортить себе здоровье или направить не туда потоки благословенной Небесной Судьбы?

– Не, не хочу... Чего это вы? – отмахнулась от собеседницы посягающая на благословенные потоки. – То не здесь было, в Черновцах ещё... Секс на кухонном столе то есть.

Тут уж Жора и Селифан не выдержали и переглянулись. Селифан мог бы поклясться, что и у Жоры всплыла перед глазами кухня в общаге, а в ней безбожно расштаннный стол, помнивший бесчисленные ночные свидания... Однако всему на свете приходит конец, закончилась и эта съёмка.

Жора, прощаясь с юной хозяйкой, всё повторял, что обязательно заедет когда-нибудь ещё. Селифан, будто ему делать больше нечего, припомнил все разговоры и убедился, что никто Жору не приглашал. Ему пришлось, страхуя говорливого приятеля, проверить вместе с Вованом, пристойно ли записались видео и звук.

Оба лифта высотки успели испортиться. На лестнице бабища-жрец заявила вдруг уже вполне человеческим тоном:

– Мне только что пришло в голову, мальчики, что Влада могла ведь только снять квартиру для двоюродной сестры, а заплатила за два-три месяца вперёд. Как в фильме «Карнавал» – помните?

– Д-а-а? – любезно протянул Жора.

– Когда это кино крутили, в Москве обожали Ирину Муравьеву, а нас троих ещё и в проекте не было, – пояснил Селифан.

– Да не слушайте их! – это Вован встрял. – Самого начала восьмидесятых, роскошный фильм, Лиознова снимала, та, что про Штирлица. А с квартирой там было вполне жизненно: из мебели один плейер, и тот на полу, а девушки скачут вокруг своих сумочек, будто на танцплощадке. А что Влада так же сняла на пару месяцев, мне не верится: полно мебели, мишек всяких и девчончьего хлама.

– Да бросьте! – хохотнула толстуха. – Мишек-пышек можно было в двух кравчучках привезти. А квартиры теперь сдают с мебелью и со всем прочим, с теликами толщиной в ладонь и с видом на Оболонь. Видно, уже решили вы, мальчики, свои квартирные проблемы. А то взяла бы я на квартиру вас, Аркадий. Оплата секс-услугами, как нынче модно.

– Дались вам эти секс-услуги... – отмахнулся Жора. – А вопрос и вправду интересный. Звякну-ка я в БТИ, узнаю, на кого записана эта квартирка.

– Можно подумать, что с вами в БТИ захотят разговаривать!

– Со мною – захотят, Наталья Моисеевна.

На стоянке выяснили, что мастерице фен-шуя не по пути с командой, она достала из сумочки мобилку и принялась вызванивать такси. Жора вздохнул облегчённо, попросил Селифана сесть рядом с ним на заднем сиденье.

– А камеру мне куда? – занял Вован.

– Не до камеры твоей сейчас! Или вот Селифану дай на колени. Тебе, кстати, тоже будет полезно послушать.

Вот и водитель Славик объявился, наконец. Один из пионеров частного телевидения, седобородый приветливый хиппарь, подрабатывает сейчас до пенсии. Заурчал движок, тронулись, благополучно миновали будку охраны...

– Я весь внимание, Жора, – соврал зачем-то Селифан. На самом же деле, как только съёмке пришёл конец, он погрузился в мысли, с работой вовсе не связанные. О госпоже Икс, о ком же ещё...

– Шеф соизволил, наконец, познакомиться с нашим околосалютным шедевром. Изволили помычать и заявить, что сделано нехило, даже и мастеровито в чём-то, однако приходится не ко времени. Нельзя, мол, сейчас дразнить народ картинками такой роскошной, беззаботной жизни. Да и политики могут обидеться, послушав раскованных, культурных, свободно владеющих литературным языком людей.

– Так у вас проблемы, ребята? – удивился водитель Славик, снял с баранки правую руку и расчесал пятернёй свою кокетливую седую бороду.

Селифан крикнул. Переварил услышанное и выдал:

– Знаете, мужики, а ведь шеф прав.

– Начальство всегда право, по определению, – кивнул Жора. – А «формат» нам зачтут, и не то, чтобы вовсе его не приняли: будут держать в «консервах», заткнут им дыру, если случится накладка. Ну, вы же знаете... После полуночи или чуть пораньше, когда и смотреть-то некому.

– Благодетельное дыхание дракона струилось, оказывается, мимо нас, – беззаботно подытожил Селифан. – А кстати о птичках...

Жора перебил его:

– Вот о чём я хотел тебя предупредить, дружище. В том, что тот материал не пошёл, нашей с тобою, равно как и Вована, вины нету. А вот сегодня ты брал «синхрон» с такой издёвкой, с таким...

– Скажи лучше, с иронией, – быстро подсказал Селифан. О, теперь уже не шутки пошли!

– ...с иронией, пусть. Ты держался так, дружище, будто уже нашёл работу получше, чем наша. Неужто нашёл, а? Кому ж тогда не признаться в этом, как не нам, старым, верным камрадам? А? Колись, дружище!

– Да где там! Вон и Вован снимал с иронией, а ты... Разве ты сам не ухмылялся?

– Да ведь и правда прикольно! – это Вован поддержал Селифана. – Надо было ещё пойти на кухню и попросить тёлку накрыть столик полотенцем.

– Если уж не выходит покрыть тёлку, верно, Жора?

– Ладно, что уж теперь поделаешь... – вздохнул режиссёр. – Остряки, ты ж понимаешь! Нам тут не за подначки деньги платят. Сегодня же, как только обеденный перерыв закончится, я звоню в БТИ. Если квартира съёмная, придётся мне дописать в сценарии, а ты, Вован, найди «Карнавал» в фильмотеке и будь готов подо-

брать кадры. Мы же с тобою, квартирант за секс-услуги, помаракуем вместе, как бы обыграть новый материал. И не выключай больше мобилку, прошу тебя ещё по-сво-йски, понял, дружище?

– Яволь, герр группенфюрер! Вот, чуть не забыл... Ты узнал что-нибудь о рекламных надувных змеях? Помнишь, я просил?

– Не запускались в городе этими днями никакие большие воздушные шары. Это точно.

– Вот как... Спасибо. Славик, останови, будь другом.

Уж если Жора говорит, что «точно», значит, так оно и есть. Привиделся, выходит, зелёный змей в небесах... Кто вспоминал сегодня о психоаналитике? Ей-богу, маленькая, неофициальная такая консультация у психолога не помешала бы...

Десантировался Селифан перед перекрёстком, однако оставался на месте, притворяясь, будто изучает афиши на стене, пока студийный пикапчик не скрылся из глаз. Впоследствии, обдумывая события того дня, он пришёл к выводу, что надо было тогда не притворяться, а на самом деле прочитать афиши. Во всяком случае, афишу с репертуаром оперного на июнь.

Ибо план его не сработал. Рассчитывал он, что как только, не позвонив и иначе никак не предупредив, словно чёртик из табакерки, появится перед госпожой Икс, она тотчас же, в чём будет, упадёт в его объятия. А то, что должно произойти между ними, как только она окажется в его объятиях, Селифан с трепетом душевным и замиранием сердечным уже предвкушал, когда, с полным пренебрежением к правилам уличного движения, перебежал сперва Фундуклеевскую, потом Тимофеевскую. Почему же не вспомнил он тогда, что никогда нельзя расписывать в воображении своём будущие прекрасные свершения и счастливые события, ибо в таком

случае плачевно не сбываются самые надёжные, казалось бы, обещания судьбы?

Да, ему удалось проникнуть в подъезд, не задействовав домофон. Проскользнул за местным, видать, жителем, вошедшим законным путём, и вымечтанная Маргарита Львовна узнала о его приходе, только распахнув на звонок беспечно дверь. Сперва она ему явно обрадовалась. Селифан заключил это из того, что лицо Маргариты Львовны утратило то несколько отстранённое и рассеянное выражение, с которым открыла ему, и даже просияло. Она, такая стройненькая в этом их балетном тренировочном одеянии, впустила нежданного визитера в прихожую, но почти сразу же дала нахлобучку.

– Явился, не запыхался, – промолвила сквозь зубы. – Боже, как ты некстати сейчас, Селифан! Тоже мне нечаянная радость!

Что ж не так? Цветов не прикупил, идиот – а тут ведь недалеко у метро и в переходе... Но разве не привык он думать, что сам, своей собственной персоной, как знак внимания – дороже при такой оказии любых цветов?

– Ты мог бы позвонить – и узнал бы, что сегодня «Лебединое озеро», и я танцую...

– ...Одетту-Одилию... – прошептал он первое же, что пришло ему сейчас в голову вместе с трагической темой (Ту! Труру-ру, руру, руру...), и попал в яблочко.

– Вот именно! Главную партию! Да я с утра сижу на диете, прохожу партитуру, вспоминаю.... Вот только тебе до этого что за дело? Давай уходи, пока не перебил мне всю подготовку, – и трагическим полушёпотом. – Пока не сорвал мне спектакль.

И тут лицо её скривилось, как скривилось бы у каждого, когда вот выбрал же человек время для любимого, заветного занятия – разложить в кляссере купленные на выставке марки, например, а ему докучают какой-то

нудной домашней неприятностью. И когда только вы научитесь вкручивать лампочки сами? Нет, у этой госпожи Икс любовь и секс отнюдь не главное в жизни...

Вот так и оказался он за дверью, не успев даже обидеться – только оторопел. Не сразу сообразил, что это мобильник дёргается и гудит во внутреннем кармане.

Короткий ряд цифр. Полузнакомый... Селифан задействовал «Ответ» и услышал:

– Это Вячеслав, банкир который. Вы что-то много времени у меня отнимаете, потому хочется поскорее закончить наше дело. Вы где сейчас?

Глава 9. МАКСИМ ЛУКИЧ: банкир о параллели между православием и балетом, а Селифан о бабе Лиле, Жульке и Полкане

– Вы где сейчас?

– На Тимофеевской, Максим Лукич.

– Гм. И что же вы там делаете, позвольте спросить? Давайте встретимся у моего владения на Сырце.

– Иду на своих двоих на бульвар, к маршруткам, вот что я делаю... Я не на колесах теперь.

– Ладно, мне по пути. Далеко успели убежать от обители Марго? Вернитесь лучше к писательскому дому, на угол с Фундуклеевской. Ждите у бровки.

Возвратился Селифан на угол, перешёл Фундуклеевскую, огляделся. Нет, чуда не случилось, не подкатывает к бровке длинный чёрный «мерс». Повернулся спиной к рычащим на подъёме тачкам и принялся рассматривать облепившие стену здания понизу памятные доски. Имена увековеченных здесь жильцов-писателей, как правило, ничего ему не говорили. Подумал Селифан, что такое невежество было бы тревожным сигналом для начинающего писательскую карьеру, если бы... Если бы с досок улыбались или мудро хмурились не мэтры ушедшей советской эпохи, выброшенные из памяти читателей старших поколений, да и из школьной программы, кажется, тоже. А почему же такого не происходит, например, с Достоевским или Чеховым? И неужели он, Аркадий Олегович Селифанов, будет творить ту же литературу, что и Антон Павлович Чехов? И что только за мысли...

– Эй, господин Селифанов! Валите в салон, а то здесь, в принципе, и останавливаться нельзя. Спуск слишком крут!

«Это ты, денежный мешок, корчишь из себя крутого!», – залезая на заднее сидение, ругнулся про себя будущий соперник Чехова, впрочем, вполне беззлобно. Мягко шлёпнула дверца, и «мерс» тут же ухнул вниз. Плечистый водитель, не оглядываясь, похвастался:

– Нашему зверю всё нипочем, Максим Лукич. Таких ухватистых тормозов я нигде не видал! Моё почтение, Аркадий Олегович.

– Здрасьте.

Банкир пренебрежительно скривил губы. Селифан проговорил быстро:

– Вот в этой огромной домине справа жил поэт-неоклассик Мыкола Зеров, расстрелянный в концлагере на Соловках.

– Откуда вам сие известно?

– Да был такой проект, Максим Лукич...

– Ещё выше справа, мы только что проехали, сейчас зелёный газон. А некогда стояла там одноэтажная коммунальная развалюха, и в ней одной из комнат владела Томка, этакая веселенькая разведёнка. Наша компания весьма ценила её хату, потому что у Томки был блат в «Молочарне» напротив, и она не чинилась сбегать туда за бухлом.

– Тогда там, видать, ещё кафе было, вот только не припомню, как называлось, – солидно вставил квадратный водитель. – А-а-а! «Таллин», вот. «Молочарню» из него сделали уже при клятвом Горбачёве.

Банкир и Селифан переглянулись. Максим Лукич продолжил как ни в чём не бывало:

– Бывало у Томки очень весело, пока мой приятель не загремел в отделение. На рассвете они вдвоём с деви-

цей залезли на дерево, попытались совокупиться прямо на ветвях. По пьянке у них не вышло, тогда принялись махать руками-ногами и выкрикивать: «Мы птички! Мы птички!». А дерево стояло под окном у соседа, пенсионера-гебиста, он и звякнул в ментовку. Меня тогда ещё удивляло, отчего это ветвь не треснула, и они не шлёпнулись. Девица была задастая и грудастая, а мой приятель роста высокого, накачанный культурист – вроде тебя, Лёня.

– Это смотря, какое дерево, Максим Лукич. Берёза так уж точно бы сломалась, а вот, к примеру, акация – она жилистая.

– Могу ли я считать, что вы уже начали давать интервью, Максим Лукич?

– Это только цветочки, – ухмыльнулся банкир, – ягодки ждут вас впереди. Вы ещё удивитесь, какими откровениями я вас сегодня порадую. Дайте только доехать.

И они доехали быстро, в чём очень помогло замечательное умение Лёни объезжать переулками пробки, для других водил непреодолимые. Внутри «бункера» Селифан, не дождавшись от хозяина вопроса, попросил:

– Сегодня мне лучше чего-нибудь крепкого – и побольше. Для начала с полстакана.

– Валяйте. Это оттого, что вас Марго отшила? А моё красное так и осталось на столе. Мне бы только чистую посудинку.

Наконец, уселись.

– Что это вас понесло к Марго в день спектакля? Ведь бросается на всех, как кошка.

– Во-первых, я не знал. Что сегодня вечером она танцует, то есть. Хороший коньяк, кстати...

– Армянский «три звёздочки»? Ещё бы... Надо только смотреть, чтобы не пойматься на подделку.

– Во-вторых, мы ведь тоже готовимся к своей работе, а на людей почему-то не бросаемся.

Банкир отставил стакан.

– Вы пейте, пейте, Селифан, а я, пожалуй, совсем воздержусь. Вы мне напомнили. Туда, ближе к вечеру, предстоит ещё одно дело. А Марго я вполне понимаю. Ей сейчас придётся мысленно пройти всю свою партию, а это не фунт изюму. А над кое-чем и у станка, движениями уже поразмыслить. Да и припомнить всё... Для балета ведь не предусмотрен суфлёр, мне кажется. Да, точно, музыка там суфлёр.

– А почему бы не использовать подсказку через «ухо»? Ну, через микродинамик какой-нибудь в ушной раковине?

– Наверное, оркестр слишком близко. Однако вы посоветуйте ей, – тут банкир нехорошо усмехнулся. – И увидите, что Марго вам ответит. А я бы на её месте напомнил, что балет в этом отношении ничем не отличается от православной церкви.

– А нет ли ереси в таком отождествлении? – с комической серьёзностью спросил Селифан.

– Про ереси у вас тоже был проект? Вот видите, угадал. Ересь меня не колышет, я ведь, как бравый солдат Швейк, вне вероисповедания. А структурная, и не только, параллель здесь полная. Как православная церковь погибнет, стоит только ей решиться на модернизацию своих обрядов и обычаев, так точно и классический балет. Как там отказ от малопонятного народу церковного языка и послабления относительно облачения священников есть первый шаг к гибели, так ваша цацка в изящном ушке балерины может оказаться злодейской рукой, вынимающей тот кирпичик из фундамента, без которого рухнет оперный театр. Для православия, впрочем, как и для любой другой религии тоже, идеальной

позицией остается старообрядческое кредо: «Веруем и молимся, как отцы и деды наши молились, и на том готовы умереть!». Но ведь и в балете, классическом балете, дело обстоит именно таким образом. Кстати, вы не задумывались над тем, почему и в состав симфонических оркестров, несмотря на то, что за последние полвека была изобретена куча электронных инструментов, не был добавлен ни один из них?

– Нет, не задумывался, – и Селифан втянул голову в плечи. Его первый опыт меломана, если не считать нудных упражнений на аккордеоне в училище культуры, ограничивается давним походом в филармонию (или в консерваторию всё-таки?), где он позорно заснул в кресле. Тогда перед культурным мероприятием плотно, с пивком, пообедал, но, главное, был оглушён и сбит с толку звуками инструментов – уж слишком резкими и чистыми, как на вкус невнимательного слушателя, отрывков классической музыки, проистекавших в старые времена из радиоточки в их с мамой флигеле. Правда со временем он этот обидный пробел восполнил, в основном в Оперном.

– Да ладно, – смилостивился над ним мучитель. – Я в этих делах тоже совершеннейший профан. Нахватался только немного во время общих застольных бесед у Марго. А на концерты симфонических оркестров таскался, чтобы уразуметь, чем же восхищается в них наша изысканная двойца – Марго с Владиком. Впрочем, мы отдали уже достаточную дань культуре, хи-хи. Перейдём же к теме, для мужиков куда более родной и привычной – про баб-с! Так поведайте же мне, наконец, отчего стали неспособны к романтическим отношениям с женщинами?

– А разве? – заикнулся было Селифан. Вздохнул, кивнул, забрал снова во внутренний карман выложенный

было на стол крошечный диктофон. – Если уж вам это так необходимо для затравки...

Пошёл Аркаша в школу, и открылась перед ним вся пропасть их с матерью бедности. Нет, мать зарабатывала не меньше других проводниц рабочих поездов, уже перешедших тогда с паровозной на дизельную тягу, имела и кое-какой дополнительный приварок, опекая «своих» пассажиров, плативших ей в лапу половинную стоимость проезда, но слишком много уходило у неё на квартплату и на водку для себя и ухажёров. Ведь оказалось, когда начал Аркаша понимать такие вещи, что живут они на частной квартире, и мать отрывает примерно треть своей зарплаты «чистыми», чтобы ежемесячно после небольшого, привычного скандала ублажить её «хозяйку». Конечно же, как мать-одиночка она стояла в квартирной очереди местного железнодорожного управления и могла бы, не дожидаясь получения полноценной жилой площади, согласиться на комнату в общежитии. Однако мама ни за что не хотела уходить в общежитие из своего съёмного жилья. Привыкла к крошечному, но своему, отдельному домику. Пусть он уже немного покосился, но была в нём комната на три малых окошка, с печью, на которой зимой и в холода мама варила свой незабываемый, самый вкусный в мире борщ из кислой капусты, а в сенях среди разных нужных в хозяйстве вещей долго стоял и ночной горшок Аркаши. Домик назывался ещё флигелем, и Аркаша удивлялся, почему? Ведь флаги на нём не вывешивались и в ранние времена, когда каждый домохозяин на майские и ноябрьские праздники вставлял красный или красно-голубой флаг в трубку, приколоченную к внешней стене.

Мамин и Аркашин флигель стоял во дворе, а весь двор был «хозяйкин», бабы Лили. Там имелся и обычный,

большой дом с двумя печными трубами, одну половину его «хозяйка» сдавала семье инженера, за которого платил его вагоноремонтный завод, вторую занимала сама. Ещё во дворе притулились три сарайчика для угля, стоявшие в ряд и вместе с хлипким забором отделявшие двор от соседнего, а перед ними торчали две собачьи будки, для хозяйкиной Жульки и для Полкана, пса, завезенного инженером Василием Яковлевичем. За флигельком теснились несколько запущенных яблонь, летняя кухня и, в самом дальнем углу – покосившаяся, серая, с прогнившим полом, будка уборной. Туда, судя по всему, страшно и неприятно было заходить не одному маленькому Аркаше: взрослые тоже, и в особенности тёмными, безлунными вечерами, предпочитали делать свои дела невдалеке, у помойной ямы. Этому предпочтению был обязан маленький Аркаша и первыми наблюдениями из женской анатомии: как-то раз днём пьяная баба Лиля пренебрегла будкой, задрала юбку и присела возле помойки, спиной к незамеченному ею Аркаше: тот копался в грязи под дальней яблоней. Со страху и от стыда показалось Аркаше, что сокровенное женское устройство такое же, как и у мальчиков, и с этим научным заблуждением он прожил ещё несколько лет.

Баба Лиля, «хозяйка», злой, в сущности, не была, хоть и ежемесячно ругалась с Аркашиной мамой в день уплаты за квартиру, а также каждый раз, когда к маме приходила скандалить очередная ревнивая жена. В городке, его жителями называемом просто «станцией», домашние телефоны имелись только у начальства и у машинистов, чтобы вызывать на внеочередной рейс, поэтому пропавшего мужа жена искала первым делом у Глашки, а уж потом бежала в больницу и в милицию. Вот она и колотила в то самое, смотревшее на улицу, окошко флигеля, по стеклу которого и благоверный её

украдкой скрёбся предыдущей ночью. Далее события развивались по-разному, однако случалось и такое, что разъярённая супруга бросалась искать камень или кусок жужелицы, остаток сгоревшего угля, потяжелее и швыряла в оконце. Ущерб быстро восполнялся: на такой случай один из ухажёров «достал» на стройке пол-ящика оконного стекла, разрезал по размерам, а маму Аркаши научил худо-бедно вставлять. Однако на звук разбитого окна выскакивала «хозяйка», если оказывалась дома, и устраивала квартирантке головомойку, особенно напирая на то, что сама она женщина честная-благородная и не желает, чтобы её держали за какую-то бандершу.

К Аркаше баба Лиля относилась нормально, ругала только за шалости во дворе, не без того. А как-то раз, в особенно трудное время, так даже накормила малого. Был тёплый весенний день. Аркаша после уроков играл во дворе с Жулькой, а баба Лиля, поленившись, наверное, растапливать печь на летней кухне, вытащила на свое крыльцо старосветский керогаз и принялась отрезать кругляши от палки позеленевшей колбасы и бросать на сковородку. По двору поплыл чудесный, завораживающий аромат. Аркаша и Жулька бросили игру и на мгновение застыли, принюхиваясь. Жульке подбежать ближе не позволяла цепь, а Аркаша, тот подошёл, словно зачарованный.

– Хочешь колбаски? – спросила баба Лиля и, не дожидаясь ответа, сбегала в комнаты за тарелкой и вилок.

Поблагодарив, Аркаша уселся на ступеньку инженера крыльца и принялся за свою долю лакомства, не обращая внимания на Полкана: тот за дверью то рычал, то стучал хвостом, вопреки очевидности препятствий выпрашивая и себе колбасную подачку. Уходя, соседи запирали Полкана в квартире, а он тотчас же укладывался на хозяйскую кровать. За что и получал взбучку,

хоть и встречал, сосиской хвоста помахивая, хозяев у дверей как ни в чём ни бывало. Толстый недотепа, в сравнении со своей пронырливой подругой Жулькой сущий тупарь, он не понимал, что с улицы его, лежащего на кровати, можно прекрасно рассмотреть через окно, сквозь щель между занавесками.

Мама рассказывала Аркаше, что бабе Лиле жизнь навсегда испортила проклятущая война, а того пуще строгая мать. Девчонкой она была мобилизована, и запасной полк, где служила санитаркой, должен был отправиться на фронт. В эшелоне Лиля написала письмо матери, заплакалась на судьбу, а та в ответ приказала ей срочно, неважно от кого, завести ребёночка. Потому что беременных на фронте не держали. Лиля демобилизовалась с большим уже брюхом и дома, на станции, родила, а покойная её мать отвезла внучка на рабочем поезде в ближайший город, где оставила в Доме младенца – или как там они тогда, эти приюты для совсем маленьких, назывались. Так баба Лиля, послушная дочь, лишилась и девичьей чести, и своего родного ребёнка.

– А вот я тебя, кровиночка моя, никогда бы не бросила! – так всегда заканчивала мама этот рассказ и звучно целовала Аркашу.

Баба Лиля ещё на памяти Аркаши не желала капитулировать перед возрастом, красилась, завивала волосы и ходила всегда в короткой юбке, потому что гордилась своими ногами, и впрямь завидно длинными и стройными. Соседка, ехидная бабка Настя, при Аркаше рассказывала его маме, что ещё лет двадцать тому назад баба Лиля блистала в светской жизни станции, имея у мужиков почти такой же успех, как теперь Глафира, вот только кавалеры у неё были покультурнее, инженеры и техники из железнодорожного управления и вагоноремонтного завода. И тоже, будто на беду, все как один

женатые. Последнего поклонника баба Лиля до сих пор сохранила. Лысый, как колено, круглый, как колобок, он приходит к ней раз в месяц под покровом темноты с бутылкой какого-нибудь давно вышедшего из моды ликёра. Тогда они весь вечер кричат друг на друга, бросаются тарелками, а в перерывах затихают или слушают на радиоле заезженную пластинку, где с одной стороны «Тиха вода», а с другой – «Утомлённое солнце».

– «Утомлённое солнце»? – подхватился с металлического кресла банкир. Выпрямился, отставил ногу, прижал руку к сердцу, промычал несколько тактов вступления и приятным своим баритоном промурлыкал припев:

То остатня недзела,
Джишай шен розстанемы,
Джишай шен розейдемы
На вечны час.

Поклонился, довольный ошеломлённым видом собеседника, уселся снова и заметил небрежно:

– Прощеньица просим за скверное польское произношение. Но ваше «Утомлённое солнце» есть не более чем, как русская переделка знаменитого танго Ежи Петербургского «To ostatnia niedziela...». Это же уму непостижимо, сколько несчастливых любовников в тридцатые годы слушали эту пластинку с револьвером у виска, чтобы после последнего такта спустить курок! Скажите мне, Селифан, почему в наше время никто не стреляется из-за несчастной любви?

– Самоубийц теперь не меньше, чем прежде, – пробурчал Селифан, – вот только поводы находят посерьёзнее. А мне мода на самоубийство кажется отвратной. Вот именно мода.

– Согласен, но хотел бы напомнить, что Оскар Уайльд ужасной считал всякую моду и спасение видел в том, чтобы сменять моды почаще. Ладно, возвратимся к вашему нищему детству. Правильно ли я догадался, что это баба Лиля завлекла вас своей зелёной колбасой, польской пластинкой и длинными стройными ножками, чтобы именно в её объятиях вы утратили свою невинность?

Глава 10. МАКСИМ ЛУКИЧ: как он клеймит длинноногих блондинок; его откровения о Леночке, Морган Фэйрчайлд и о киевском балете

– Упаси Господи! – не на шутку всполошился Селифан. – Ей было не меньше шестидесяти! Видели бы вы это сморщенное яблоко! И ещё покрашенное! А что ноги у неё хороши были, так это я много позже сообщил. Тогда на станции мало было длинноногих девчонок, да они и не ценились вовсе. Что ж, вы правильно догадались, мое падение произошло в позорно раннем возрасте и, конечно же, скверно отразилось на моей духовной жизни, но, слава Богу, не с бабой же Лилей. Жаль, что не успел рассказать о тамошней школе, о сынке главного инженера Валерке Калюжном, чьё скромное богатство заставило меня осознать нашу с мамой нищету... Да, забыл я сказать, что двора, о котором я вспоминал, уже нету. На его месте торчит девятиэтажка с универсамом внизу. А моя мама умерла в сорок пять от сердечного приступа, однако в собственной однокомнатной квартире.

Максим Лукич склонил голову.

– Мир праху её! Ладно, не буду вас больше мучить сегодня. Можете доставать свою записывалку. А чтобы самому понять наши с Марго отношения и вам внятно о них рассказать, мне тоже придётся вернуться на несколько лет назад.

Селифан выложил на стол диктофончик, передвинул тумблер питания, создал новый файл и задействовал

красную кнопку записи. Банкир хмыкнул, отвёл взгляд от игрушки, сосредоточился и заговорил раздумчиво:

– На тот момент я уже отказывался от продажных ласк в саунах и был бы, в этом вы абсолютно правы, смешон, если бы попытался, как в относительной молодости, снимать девушек на улице или в метро. Однако как-то сам собой рядом с мужским кругом общения (о нём, Селифан, и вспоминать не хочется) вокруг меня образовался женский. Состоит он из тех самых блондинок с ногами, растущими прямо из подмышек, о которых я уже упоминал, и делятся они (а можно и не разделять их вовсе) на люксовых проституток, очень смахивающих на весьма обеспеченных дамочек среднего класса, и этих самых дамочек среднего класса, которых не отличишь от дорогущих проституток. Первые, они помягше, добры и ласковы со мной, потому что таковы их профессиональные обязанности, а со вторыми сложнее, точнее, с каждой было немножко по-разному...

– Ну, слава Богу, – улыбнулся Селифан. – А то ваша учёная привычка к обобщениям уже начинала меня пугать.

– То ли ещё будет! Только прошу вас больше меня не перебивать... Однако и относительно обеспеченных блондинок решусь всё же на обобщение. Им со мною легко и хорошо, потому что им от меня ничего не нужно.

– Вы хотели сказать: вам от них?

– Нет, я сказал именно то, что хотел. С мужчиной, которому от них ничего не нужно, такие оторвы не стали бы времени терять. Каждая из этих красоток некогда вышла замуж за большие деньги, многие сменили мужа-богача на мужа-миллионера, и все они смотрят на мужчин именно такими глазами, в таком рассуждении,

чтобы, пока ещё не поздно, продаться замуж ещё подо-
роже. Я же для таких игр не гожусь, потому что после
развода зарекомендовал себя твердокаменным холостя-
ком. Поэтому они со мною чувствуют себя совершенно
свободно, ведь со мною могут обойтись и без того мини-
мума притворства и ханжества, которые необходимы в
общении с кандидатом в следующие мужья. В постели
смело экспериментируют, отнюдь не боясь шокировать
своей, так сказать, разнузданностью. Смеются, острят,
прикалываются... Такие ухоженные куклы и в сорок
девочки... Меня общение с ними здорово развлекало, в
особенности, пока не встретил я двух женщин совер-
шенно другого пошиба – сперва Марго, а потом Леночку.

– Леночку? – ахнул Селифан.

– А что ж тут удивительного? – неприятно удивился
банкир. – Она ведь секретарша именно такого типа –
высшей квалификации, сметливая да ещё и с офиген-
ной внешностью. Было бы удивительно, если бы к ней
не приставали шефы, а среди них встречались очень
грубые, отвратительные самцы. В офисе одного тако-
го, ба-а-альшого начальника, я и нашёл Леночку. Пока
ждал в предбаннике, присмотрелся: а у красотки глаз-
ки-то заплаканы. Как её шеф с бабами поступает, из-
вестно мне было. Либо подмять успел бедную, либо вы-
сказал уже свои гнусные требования. А у меня как раз
вакансия открылась. Я подумал-подумал, да и вырвал
из блокнота листок, черкнул: «Если хотите сменить ра-
боту, звякните. У меня Вас не обидят». И телефон свой.
Подошёл, будто новый и-мейл организации хочу уточ-
нить, и незаметно перед нею листок положил. Она ж не-
даром умница, позвонила.

– И в чём же тогда, простите, разница? – осведомился Селифан саркастически. – Имею в виду, разница в её положении – у прежнего шефа и у вас?

– А вы что ж – приревновали? Прежде всего, Леночка ведь не Мэрелин Монро или... или вот даже та самая Морган Фэйрчайлд.

– А ведь она похожа на эту Морган, мне только сейчас пробило!

– Разве? А если и похожи, то и в этом свой смысл есть. Та обалденная была красавица, а успех... По мелочам больше. А Леночка просто очень красивая секретарша. И пока училась в своем колледже, уже была подготовлена психологически к тем атакам, которых следовало ждать от начальника. У нас ведь, кстати, едва ли можно говорить о правовой базе для защиты от сексуальных домогательств, да и привычки нет у офисных девиц бегать в суд, как только тебя шлёпнут по попе. Но Леночку тот её предыдущий начальник уж очень достал или напугал, не знаю... И она девочка скорее скрытная, а я не захотел узнавать, как там было дело. С тем депутатом мне ещё работать, между прочим. А что будто бы между мною и этим грубым скотом нету никакой разницы, так это вы напрасно, ей-богу. И если у нас с Леночкой чего было и есть, то только после долгого и вполне деликатного ухаживания с моей стороны, а в первый раз едва ли не по и её инициативе, не по моей одной только. Она спокойно могла отказать, знаете ли. Да, Леночка обязана мне очень хорошей, более высокой, чем у того бурбона, зарплатой и стабильностью положения, это так. Но в то же время она – очень отзывчивый, привязчивый, порядочный человек. В последнее время сильно беспокоится обо мне, что вы, вероятно, и сами заметили, да... Она сама несколько виктимна по характеру, жертвенна, то есть, а такие натуры начинают идеализиро-

вать спасителя. Единственное, что меня смущает, Селифан, это её надежда, что я на ней когда-нибудь женюсь. Согласитесь, что мне, с моим животом и моей лысиной, весьма неуютно ощущать себя какой-то карикатурой на прекрасного принца. Хотя... Если уж снова жениться, так лучше на Леночке, чем на одной из тех бесстыжих стервоз.

– А у меня возникла литературная аналогия, – не поднимая глаз от стола, заявил Селифан. – Вы с Леночкой, как у Рекса Стаута адвокат Перри Мэйсон и его верная секретарша Делла Стрит.

– Эх куда хватили, батенька! Перри Мэйсон был красавец, а Делла Стрит совсем не похожа на Леночку, этакий оруженосец в юбке.

Селифан не стал настаивать. Он брякнул насчет Деллы Стрит только затем, чтобы скрыть свое возмущение. Ну, никак ему не верилось, что ослепительная Леночка может испытывать сколько-нибудь нежные чувства к этому немолодому и некрасивому мужику, да будь у него хоть семь пядей на лбу! И что-то сложновато банкир начал излагать, когда речь зашла об их с Леночкой сближении (это же надо!). Ладно, если записалось, можно будет после не торопясь разобраться. Что он там вякает?

– ...подвигается, говорю, над романом?

– Так ведь речь шла уже о сценарии, Максим Лукич...

– Не вижу разницы.

– А-а-а... Стадия собирания материала, она ещё продолжается. Как видите...

– А хоть название-то придумали?

– Заглавие? Это потом уже придумывается, когда текст готов, Максим Лукич. Хотя рабочие заготовки уже приходили в голову, не без того. Вот, например: «Сердца четырёх и trebuха пятого».

– Это кого же из нас вы наградили требухой вместо чувствилища страстей? – вкрадчиво поинтересовался банкир.

– Себя, себя, Максим Лукич! То есть персонажа, которому я сам себя назначил прототипом. Ведь передать весь негатив именно автобиографическому персонажу – это этично, не правда ли?

– Чёрт его знает, что теперь этично, а что нет... И нет ли здесь некоего «самоуничижения, иже паче гордости», как говаривала моя бабушка? А вы такой ревнивый, ревнуете даже тех, на кого вовсе никаких прав не имеете, так что уж говорить о Марго, если с нею вам, счастливцу, потрафило переспать... Я к тому, щадить ли, когда о ней речь, наконец, пойдет, ваши чувства?

– Тоже мне придумали... Какие там у меня чувства, если требуха на месте сердца? Давайте, валите всё, как есть, Максим Лукич.

А сам наклонился на диктофончиком и кашлянул, проверяя, записывается ли. Работает...

– Только раньше я хотел бы, Селифан... Аркадий Олегович, собственно... Я хотел бы изложить одну свою к вам просьбу. Если со мною чего-нибудь случится, позаботьтесь о Леночке, ладно? Вот её реквизиты. Деньги у неё есть, однако нуждается в твёрдом мужском руководстве. У неё мать в Бердянске, и она в случае чего будет порываться туда уехать, однако это с её внешностью будет очень небезопасно.

– В случае чего? И что может случиться с вами?!

– И со мною, и с вами... Неужто не видите, что делается? Настолько обезумели от интрижки с Марго? И вот возьмите, – банкир достал из ящичка стола и подвинул к Селифану, едва не столкнув на пол его игрушку, массивный телефон, вроде старого сотового. – Это радиостанция с долговременным изотопным питанием. Мы

все четверо, и Леночка с нами, на одной волне. А вот теперь и вы. Держите всегда при себе, как мобилку сейчас держите. И ещё. Забыл я предупредить вас: адрес этого нашего укрытия должен оставаться в секрете.

– Да я не знаю его вовсе, адреса...

– А его никто и не знает, кроме Лёни. Да, Алексиса и Владика я привозил сюда, но адреса не называл. Какой мужик потащится искать номер дома, если запомнил место зрительно?

– А вы не преувеличиваете степень опасности? Президент заявил ведь, что ситуация полностью под контролем.

– Приучен не доверять официальным заверениям. Да Бог с ними, авось ещё обойдется. Но я предпочитаю всё-таки обезопаситься по возможности. Итак, Марго...

Ладно, бывают и такие странности. Селифан постарался сосредоточиться.

– Итак, Марго, – казалось, он уже готов, банкир, уже собрался. Да не тут-то было. Вдохнул, снова помолчал.

– Что вам мешает? – оживился Селифан.

– Когда тебе хорошо с человеком – ну разве станешь анализировать, почему именно тебе хорошо? А вот когда плохо, сколько угодно... Я сейчас пытался припомнить, почему заинтересовался Марго, когда впервые рассмотрел её на сцене. Я к тому, что лет этак пятнадцать тому назад у меня был настоящий запой насчет классической музыки, балета и оперы, хотя, как и сейчас, ничего в них не понимал. Когда защитил кандидатскую и в киевской математической тусовке, как мне казалось, утвердился, решил повысить собственный уровень культуры. Знаете ли, меня всегда бесили благополучные киевляне, которые имеют все возможности посещать Оперный, драматические театры, филармонию, десятки музеев, а сидят себе дома перед ящиком, довольные и тем,

что им, в отличие от обитателя села Пурдовки Курской губернии, всё это доступно. Для нас, студентов, в мои годы ещё пытавшихся жить на стипендию, билеты в Оперный были запредельно дороги, но все равно – с галёрки, или из-за столба пытаюсь выглядывать, – слушали и смотрели. Вот и я, в тот свой высококультурный период, наблюдал, конечно же, в Оперном и нашу Марго в составе кордебалета, но тогда смотрел мимо неё. Ведь на кого из танцовщиц обращаешь внимание, когда присматриваешься к кордебалету? Я, профан, замечал ту, что не успевает за коллегами, или слишком высокую по балетным меркам, присматривался, не длинненький ли у какой-нибудь носик – нравились мне тогда ещё длинноносенькие... А вы?

– Аналогично, вот только кроме долгоносиков, – кивнул Селифан.

И соврал. Потому что он, соблюдая пушкинскую традицию, с детства, по телевизору или в кино ещё, присматривался больше к ножкам, но никак не мог понять, отчего у балерин такие длинные ступни. Пока не просветили его в училище культуры насчет пуантов... А вот кто? Теперь и не припомнить...

– Долгоносиков? Обидно звучит как-то... Я, впрочем, тоже разочаровался в таких девушках после развода: у жены был именно длинненький, как у Буратино, очаровательный носик. Она, впрочем, считала, что похожа на Джину Лоллобриджиду.

– На кого, на кого?

– Вот, не знаете её... Впрочем, и тогда была уже старушкой, боролась за права животных. Или это Бриджит Бардо боролась за права животных? А в последние годы пропали они, длинноносенькие красотки: едва ли сделали все до единой пластические операции, однако исчезли же... А что Марго исполняет свою партию лучше дру-

гих, этого я не мог определить. Да и не очень мне было интересно, как они там прыгают и смыкают ручки над головами. Я на балет приходил больше музыку слушать, на Чайковского и Хачатуряна приходил. – Селифан с пониманием кивнул.

– И что изменилось со временем, Максим Лукич? Почему вы именно в последние годы обратили внимание на Маргариту Львовну?

– Я уже не был завсегдатаем Оперного и филармонии. Захаживал ещё в театр украинской драмы имени Франко, что в здании театра Соловцова. Давненько захаживал, когда он гремел в начале девяностых, потом вообще охладел к театру. Вот записи западных оперных постановок слушал. Или когда качественная русская труппа приезжала на гастроли, например, Малого театра, не пропускал. Помню, как-то в партере раскланялся с покойным Черномырдиным, тогда российским послом. А в тот роковой вечер я привез в Оперный важного гостя, председателя правления крупного парижского банка, с которым завязывались дела. Француз оказался меломаном и не мог пропустить случай побывать на «русском балете», а что труппа киевского Оперного своего рода пасынок Мариинки и Большого, тогда это казалось ещё само собой разумеющимся и ни для кого не обидным.

– А сейчас разве кто-нибудь обижается?

– Да не хочу я об этом! – скривился Максим Лукич. – Я только знаю, что теперь киевский балет не может уже присоседиться к великому русскому балету, который во время оно был «впереди планеты всей». И мне, правду сказать, в данный исторический момент просто наплевать на киевский балет. Я ведь хотел сказать о том, чем поразила меня в тот вечер Маргарита Львовна.

– Я весь внимание, Максим Лукич.

– Так вот, она поразила меня безукоризненной и даже какой-то радостной тщательностью своей работы. В стране редкий бардак, из власть имущих не ворует только тупой идиот или патологический трус, в культуре господствует верноподданная халтура, Маргарита Львовна, как и другие порядочные люди, получает копейки, но за эти копейки танцует так, будто она на сцене парижской Гранд-опера! И мне ужасно захотелось узнать, что же она за человек такой. Я бы не сказал, что мои тогдашние подружки были полные бездельницы. Первая категория (помните?) по-своему тяжело трудится, а богатенькие мещанки подчиняются моде, согласно которой светская дама должна иметь занятие: заседать в благотворительном фонде или в каком-нибудь пустом совете, рулить никому не нужной галереей или драматургическим центром, шефствовать над мужниным антикварным магазином, бутиком и прочее. Какая колоссальная разница с Марго! Я тогда был занят с французом, однако запасся программой спектаклей на месяц и уже после следующего балета, в котором Маргарита Львовна танцевала, ожидал её с букетом у служебного входа. Вот вы у меня всё и выпытали, Селифан.

Глава 11. ИСТОМИН: проблемы с таксофоном; хаосософия и хаосология; о новом научном способе стимуляции воспоминаний

– Всё? – выдохнул Селифан. – Как это – всё?

– А так, что всё. Во-первых, на сегодня всё, потому что мне уже пора ехать на встречу. Во-вторых, больше я ничего не готов вам рассказать. В-третьих, что же это вы на меня одного навалились, Селифан? Вы ведь так и не звонили профессору Истомину. А дешёвый мобильник для этого купили? Да и наш миляга Владик, небось, весь уже извелся, поджидая, когда вы с ним свяжетесь.

Селифан предположил, что банкир примется теперь шарить глазами по комнате, подыскивая для него завалящий мобильник. Не дождался, ответил:

– Вот о мобильнике забыл, признаться... А зачем мобильник, Максим Лукич?

– Ему, Ляксею, вот уже несколько лет фактически нечего делать. Однако пишет, вот вроде вас, книгу, в которой излагает свою философскую систему, и обожает читать готовые её куски по телефону знакомым. При этом вымогает немедленный одобрямс и, мало того, буйного восторга требует. Люди покупают новые телефоны с определителями номеров и автоответчиками, чтобы от него избавиться. А ведь милейший человек.

– Простите, но если Истомин безработный, то на что он живёт?

– Доктору наук, профессору сегодня можно прожить, и пальцем о палец не ударяя. Провинциальным вузам для аккредитации кровь из носу нужны профессора, и

они платят по четверти ставки только за то, что известный в узких кругах профессор Истомин у них числится. Да и... Разве я вам не говорил? Старший сын у него пошёл в бизнес, зарабатывает кое-что. Мужик нежно любит папашу и не жалеет денег на его причуды. Снимает совсем не нужный Ляксею офис, купил ему членство во всех самопальных академиях, где только можно было купить, исполняет все его капризы, в общем. Ладно, заговорился я с вами. Поехали. А если поспешили на спецмобильник, тогда Лёня высадит вас у первого же автомата.

Вот так и оказался Селифан в полужнакомом, некогда пролетарском районе около абсолютно бесполезного для него таксофона. Банкир, тот вспомнил, небось, далёкие времена, когда возле каждого телефона-автомата стояла очередь, а в аппарате имелась щель, куда нужно было бросать сперва две копейки, а со временем уже пятнадцать. Может быть, он и не знает ещё, что давненько уже позвонить по таксофону можно, только засунув карточку. Карточки у Селифана нет. Кому они теперь нужны, эти карточки? Он огляделся: было время, когда телефонные карточки продавались в киосках «Прессы», однако единственный такой киоск, маячивший в поле видимости, оказался закрытым. Селифан хмыкнул и принялся прикидывать, насколько опасно на самом деле подставится, если позвонит Истомину с личной своей мобилки. Ведь был уже случай, когда его принялся терроризировать безумец, Бог весть как раздобывший номер. Какой-то из депутатов, теперь не хотелось вспоминать, кто именно, звонившему активно не нравился, а понравившийся безумцу ведущий должен был опозорить негодяя на весь Киев. Тогда пришлось новую СИМ-карту покупать. Ещё припомнилось ему, как ехал на маршрутке, стоял, а как раз напротив сиде-

ла девушка, которая на его глазах сменила СИМ-карту в своём телефоне, позвонила и вернула на место старую. Нет, едва ли он способен повторить такой технический подвиг, да и временную СИМ-карту тоже ведь надо где-то купить...

Оставалось две возможности. Первая: поехать на студию и связаться со своего рабочего телефона. Телефонистка там сумеет отшить любого надоеду. Вторая: разыскать здесь, на месте, почту и звякнуть всё-таки из автомата. Тоже мне проблема...

И вот, наконец, из трубки таксофона раздалось:

– Академик Истомин у телефона.

Селифан почтительно представился и напомнил, по какому поводу звонит.

– Не много ли Риточка на себя берёт? Ладно, положи трубку, парень. Я сам сейчас тебе перезвоню... Да что это у тебя за номер такой чудной?

Ожидая возле таксофона, припомнил Селифан от нечего делать, как в шпионском романе русского диссидента американский цереушник в советские времена звонит из Штатов своему информатору в Киев на номер телефона-автомата. Долго бы мистер тогда назывался...

Вот и задрезбужало. Голос Истомина:

– Что за шутки? Почему это ты вздумал звонить из автомата? Кто там из них на меня бочку катит? Максим?

Селифан объяснил, что мобилка заглохла: аккумулятор, наверное, скис.

– Странно... Приезжай немедленно ко мне в офис. Адрес: улица Львовская...

Женский голос невдалеке от трубы:

– Не стоит тебе, Лёша, сейчас в офис...

– Отставить, Селифан. Приезжай ко мне домой. Адрес: Оболонь, метро «Минская», улица...

Повесил трубку, поглядел на часы. Начало пятого. Лада досиживает ещё в своём офисе, поэтому при всём желании не сможет подскочить на Сырец и забросить его на Оболонь. Зато и час пик ещё не начался. Значит, метро. Слава Богу, теперь и здесь, на глухом некогда массиве, есть станция. Он спустился в метро, готовый к бессмысленному возвращению под землёй в центр, чтобы пересесть на нужную линию. О кольцевых линиях, как в Москве или Нью-Йорке, киевлянам пока приходится только мечтать.

До «Золотых ворот» Селифан доехал спокойно, даже сидел. А вот перейдя на Оболонскую линию, на платформе оказался в толпе, ожидающей поезда, и этой же толпой, состоявшей из мужчин исключительно, был занесён в вагон. Запахи, одежда, лица, нервные оклики, которыми перебрасывались эти мужики, отрывки разговоров – всё было не местное, всё тут резко отличалось от обычной киевской толпы. Если это экскурсия, почему в рабочий день? И где тогда их женщины? За плечами у всех рюкзаки, некоторые с тяжёлыми наплечными сумками... Селифан усмехнулся. Какое ему дело до этих приезжих? Он цепляется к ним, отвлекаясь от внезапно возникшего нежелания ехать к хаму Истомину, в пятом часу пополудни уже нетрезвому. Зачем вообще ему эта поездка? Разве не была трижды права госпожа Икс, когда убеждала, что настоящий писатель давно бы сам всё придумал? Тут в спину ему уперлась твёрдая, наверняка железная штука, и Селифан едва сумел подавить в себе желание ойкнуть. Поезд как раз отчалил от «Петровки», вокруг засуетились, та же бугристая железяка проехала ему по пояснице... Однако на «Оболони» чужая толпа выкатилась в открытые двери, вагон опустел,

и Селифан оторопело брякнулся на сиденье. Он мог поклясться, что в той сумке, которая его достала, был АКМ с укороченным стволом. Впрочем, ему и самому выходить на следующей...

Домофон на двери подъезда сломан, лифт не работает. Зато на двери квартиры Истомина – сразу две сияющие жёлтым металлом таблички: «Академик Алексей Петрович Истомин» и «Встаньте, пожалуйста, перед камерой». Если первая призвана заинтересовать грабителей, то вторая – их же напугать. Селифан встал перед камерой и нажал кнопку звонка. Пришлось дважды объяснять, кто он такой, прежде чем щёлкнул замок, и дверь немножко подалась вовнутрь. За дверью оказалась приятная дама неопределённого возраста. Она явно подкрашивала волосы, ухаживала за своим лицом и с равной вероятностью могла оказаться как учительницей на пенсии, так и мелкой министерской чиновницей в отставке. Селифан поклонился, представился ещё раз, удостоился натужной улыбки и через прихожую и проходную комнату, очевидно, гостиную, препровождён был в кабинет. Мебель он оценил как старомодную, картины – как безвкусные, уют – как душноватый, а квартира оказалась панельной трёхкомнатной не лучшего проекта.

Истомин помахал ему приветственно рукою, стоя за своим письменным столом и ускоренно двигая челюстями. Химический запах жвачки смешивался с ароматом недавно выпитой дорогой водки. Хозяин вышел из-за стола, пожал гостю руку и подвёл его к глухой стене, сплошь увешанной, справа – дипломами в одинаковых пластиковых рамках и под стеклом, слева – однообразными фотографиями трубопроводов.

– Тут, молодой человек, документированы мои достижения в науке. Ознакомься подробнее!

Хочешь не хочешь, пришлось ознакомиться. Вывешенные по американской моде аттестаты об образовании, о степенях и званиях, в которых Селифан привычно путается, перемежались дипломами подозрительно ярких расцветок: «Член Президиума Национальной Технической Элиты», «Академик Академии Высшей школы», «Действительный член Академии лифтостроения»... Понятно.

– А там, на той книжной полке, изданные мною монографии. Полагаю, однако, что они для тебя слишком специальные. Зато в последние годы я работаю над философским трудом. Вот так, юноша! Именно он, я уверен, прославит моё имя уже не только среди технарей.

«Где они, твои технари? – усмехнулся Селифан. – Те, что получше, давно зарабатывают на особняки в Америке».

– А вот не над чем тут смеяться, молодой человек! Ты перестанешь улыбаться, когда выслушаешь основные идеи моей книги.

«Как бы мне после этого навсегда не перестать улыбаться», – подумал невольный слушатель, усаживаясь без приглашения на стул. Однако идеи будущей книжки, изложенные автором по рукописным черновикам, с задержками и мычанием, оказались интересными, хоть далеко не новыми. Нечто подобное доводилось Селифану встречать в Инете и в просмотренных по диагонали популярных статьях. Единственно, что «теория хаоса» не называлось в тех отшлёпанных электронным переводчиком писульках «хаосологией», как у Истомина, и не было там ничего об её использовании для упорядочения человеческих отношений. Будто бы от политики и даже до интимных, это же надо.

– Итак, если «теория хаоса» имеет столь солидную научную... э-э-э... математическую базу и с успехом применяется не только в прогнозировании погоды, но и в политике, то что мешает нам... Да, построить общую философскую теорию, назвав её, как я предлагаю, «хаосософией». Итак, в этом случае...

– Извините, Алексей Петрович, – осмелился вклиниться слушатель. – Быть может, мне и показалось, однако разве не шла раньше речь об этой, как её? О «хаосологии», вот.

Рассмеялся философ и свысока глянул на невежду:

– Есть «хаосософия» и есть «хаосология», правильно. Первая является теоретическим осмыслением мировых процессов, усёк? Вторая включает методы анализа и даже выходы к практическим рекомендациям. Если проще: «хаосософия» соответствует методологии, а «хаосология» – методике какой-нибудь науки.

– А...

– Издеваться изволишь надо мной? – взвился вдруг хозяин, и гость испугался, как бы не забрызгал его слюной. – Если уж пришел в мой дом, будь добр внимательно слушай! Дважды повторить мне некогда!

Водочный запах в комнате не давал о себе забыть Селифану, и он решил пойти ва-банк. Выгонит самовлюбленный упрямец – ну и хрен с ним, без него обойдёмся. Однако всё-таки вежливенько с ним нужно, бережно...

– Алексей Петрович, я обязательно достану вашу книгу, когда она выйдет, проштудирую и обращусь к вам с вопросами, если чего не пойму. Но у меня сейчас другая цель. Вы ведь вспомнили в разговоре со мной, что вам звонила Маргарита Львовна, просила ответить мне на мои вопросы о вашей... о вашей дружбе с нею.

– «Достану книгу», «достану книгу»... Поздно тогда будет высказывать своё мнение и делать замечания. Кни-

га тогда уже станет фактом мировой культуры. Разве что для следующего издания... Почему никто понять не может, как важно для меня предварительное устное обсуждение? Ясно, что я буду издавать за свой счёт. Это значит, что получу за свои деньги только языковое редактирование. Платные рецензенты-философы отделиваются ничего не стоящими комплиментами...

– А что, Алексей Петрович, у нас разве есть философы? – невинно осведомился Селифан. Он давно уже включил в кармане диктофон. Что-нибудь из этой болтовни да пригодится. Ведь даже сценарий сериала про любовь и секс не может состоять из одних только постельных сцен да излиятий чувств. Ну, с постельными сценами он ещё как-нибудь справится, хотя – что тут можно нового придумать? А описаниям чувств трудно найти замену...

– Ты только прикидываешься невеждой, хитрец! – погрозил ему пальцем внезапно развеселившийся Истомин. – Настоящие невежды признают шустрика, преподающего философию студентам или числящегося главным научным сотрудником нашего Института философии, настоящим философом. Однако мы с тобой живём не в древней Греции! наших болтунов учёные немцы называли бы катедер-философами. То бишь учителями. Таковые наблатыкались перепевать с кафедры чужие учения, а на продуцирование собственных философских концепций неспособны. Знай же, первым и последним отечественным философом был Григорий Сковорода! Я мог бы стать вторым, если бы катедер-болтуны не ставили мне палки в колёса!

Терпеливо и настойчиво подводил Селифан упрямец к признанию необходимости всё же выполнить обещание, данное Маргарите Львовне. Наконец, Истомин согласился. Но с неожиданным условием.

– Знаешь ли, – заявил он, глядя в сторону и напыщенно, – мне тяжело будет перейти от абстрактных размышлений на почву личных, обыденных и, прямо скажу, болезненных воспоминаний. Мне необходим для этого эмоциональный толчок. Руль надо переложить, знаешь ли!

Селифан насторожился: это ещё что такое? Не побоксировать ли предварительно предложит? Спросил медленно:

– То есть?

– То есть дернуть стакашку. Дерябнуть – или как там вы теперь говорите, молодые? Когда я обдумал в общих очертаниях свой философский труд, и настала пора сесть за стол и начать заносить свои мысли на бумагу, я испытал колоссальные трудности. Легко ли: всю жизнь писать о технических проблемах – и вдруг перейти к абстрактным гуманитарным? Не сразу, нет, не сразу я тогда догадался, что следует заложить за воротник. А как только догадался, промочил основательно горло, первые строки так и полились! Сейчас передо мною встала подобная проблема, и её решение должно быть идентичным.

Продолжая научное обоснование предстоящего деяния, Истомин приступил к практическим действиям: запер дверь кабинета изнутри, мебельным ключом на той же связке открыл дверцу шкафчика карельской берёзы, выставил на стол початую бутылку «Абсолюта» и захватанный пальцами хрустальный стакан.

– Тебе не предлагаю. Объём горючего существенно ограничен, вот почему, – деловито пояснил. – Моя Аня, то есть Анна Владимировна, из принципа не желает пополнять запасы спиртного. Мне же, после некоторых неприятностей со здоровьем, врачи запрещают подни-

мать более, чем по два килограмма. Вот и кручусь. Со всеми, кто меня навещает, имеется уговор: они приносят скрытно от Ани по бутылке вот этой водки. Тебя не мог предупредить: Аня стояла рядом.

Аккомпанементом булькнуло. Примерно на полстакана. Истомин принял жидкость вовнутрь, его всего передернуло, а выразительное лицо изобразило такое страдание, что Селифан отвёл глаза.

A handwritten signature or mark, possibly the author's name, written in a stylized, cursive script. It is positioned centrally at the bottom of the page.

Глава 12. ИСТОМИН: стияга под крылом у сталинской соколихи; кому было дозволено жить в прекрасном Киеве; злоклучения прелестной Софочки

– Ну и отрава... – пробурчал Истомин, вытерев рот белоснежным носовым платком. – Дьявольская жидкость... Если уж употреблять, однако, то алкоголь в наиболее чистом и безопасном виде.

– А спирт? – оживился Селифан. – Вот уж где чистый алкоголь!

– Здесь тоже спирт, разбавленный наполовину водой, – страдалец с отвращением показал на бутылку пальцем. – Различия в способе производства. Вот её будто бы выдělывают методом непрерывной дистилляции.

– А это что?

– Сам толком не знаю, не химик ведь... Однако представляю себе, будто что-то хорошее. Это успокаивает. Послушай, ты, что же, о водяре приехал брать у меня интервью?

– Вы ведь прекрасно помните, о чём, Алексей Петрович...

Морщины на лице у хозяина если не разгладились, то расплылись вроде. Он сам как будто размяк, однако, как обнаружилось, язык у него не заплетался.

– Твоё счастье, что я немного поддал. Трезвый, я тебе ни словом о наших с Риточкой делах не промолвился бы. Вот не желаю и всё... А теперь, пожалуй, за то, что надала на меня, возьму да и выдам тебе все наши с нею тайны! Хе-хе, шучу, шучу...

– Прошу вас, Алексей Петрович...

– Да ладно. Я ведь уже говорил, что давно знаю Риточку? Как же, подруга моей второй жены... Ясное дело, что первое время не обращал на неё особого внимания. Какой влюблённый муж станет присматриваться к подружке своей молодой красавицы-жены? Я, во всяком случае, не присматривался. Приходят к нам какие-то девчонки с широченными по тогдашней моде плечами, щебечут чёрт их знает о чём. Хотя... Был всё-таки такой момент, когда она присела на край стола в том своём свободном шёлковом платье. Платье тогда облекло её совсем по-домашнему. И я вдруг понял, что она в конце концов тоже будет моею.

– Что-то я не припомню такой моды... – буркнул Се-лифан.

– Как тебе такое припомнить? Ты тогда ещё пешком под стол ходил. Ведь тогда у меня возникло совершенно идиотское ощущение, что как муж Софочки получил какие-то права на её ровесниц. Глупо, ведь правда?

– Угу.

– Я ведь женился на Софочке уже вторым браком, старше был её на шестнадцать лет. Или на пятнадцать? Первая жена у меня была одноклассница моя, однокурсница. Злая, как чёрт. У меня ведь тоже характер не сахар. Так что жили мы, как кошка с собакой. Но я бы не разводился, нет. Она сама, Зоя, подала на развод – и тем жестоко меня в тот момент подкузьмила. Я ведь только что вернулся из Африки в отпуск, а меня уже ждёт повестка в суд! А тогда нельзя было работать за границей холостому. Во всяком случае, беспартийному холостяку не позволялось. В общем, накрылась одним местом моя хлебная командировка. Да что там командировка? Гавкнулась моя карьера в мощной союзной отрасли, и пришлось идти преподавать в наш политехнический.

– А мне казалось, что вы сразу начали... как это?.. академическую карьеру...

– Вот именно, что всегда кажется, когда нет надёжной информации, молодой человек! После политеха я закончил аспирантуру, защитил диссертацию, и уже тогда был приглашён в союзную фирму типа теперешнего «Газпрома». Моя диссертация имела важное практическое значение для прокладки трубопроводов, а тогда это ценилось. Жаль мне было потерять эту работу... Тебе уже наплёл, небось, Максим, что я был киевским плейбоем? Глупости, конечно. Но любил хорошо одеться, красиво после африканской пустынной жары отдохнуть... А в «Зарубежстрое» и зарплата была толковая. Да и работа хоть и в захолустной, но всё-таки за границе. А вернулся я на кафедру политеха, где учился в аспирантуре, на самую низкую должность, ассистента. Однако у меня имелась уже степень, и я сразу стал зарабатывать приличные по тем временам деньги. Оставались, помнится, и неиспользованные чеки для «Берёзки». Да и прежнее благосостояние ещё сказывалось: у моего завкафедрой, например, не было видака, а я успел привезти из Багдада и видак, и видеокамеру. Это сегодня ими никого не удивишь... Небось есть желание спросить, зачем я об этом рассказываю? Да я и сам не очень понимаю, зачем... Ах да, хотел показать, почему после первого развода я довольно долго не ощущал потребности жениться снова. Достаточно ещё молодой, элегантный, как по тем временам. Живём с матерью в коммуналке, это так. Но ведь тогда почти все в коммуналках жили, зато наша в самом центре, сразу за Бессарабским рынком, окна выходили на ночлежку Морозова. Его уже нет теперь, этого довольно мрачного кирпичного куба, снесли. С маленьким сыном у меня прекрасные отношения, гуляем вместе раз в неделю, пытаюсь его не баловать, а по-своему

воспитывать. Девушки, те же студентки, сами на шею вешаются мне, элегантному и остроумному Алексу. Ну, а теперь спроси себя: для чего мне было жениться снова?

– И правда... – улыбнулся Селифан. – Для чего бы? Вы забыли ещё похвастаться тем, что коренной киевлянин.

– Это тебе Максим говорил? У него, я давно заметил, застарелый комплекс приезжего.

– Он сказал... – Селифан уставился в потолок, припоминая. – Да, он сказал, что у вас не было квартирных проблем. А вы и сами только что...

– Но сказанное тебе ещё не значит, что я коренной киевлянин. Моя мать со мною, точнее, мною беременная, приехала в Киев уже после войны, демобилизовавшись. Отца я никогда не видел. Он был майор, лётчик... Чего это тебя так перекосило?

– Всё в порядке, Алексей Петрович... Продолжайте, пожалуйста.

– Они поженились ещё до войны. Мать тоже служила в военной авиации. Отец прошёл всю войну. Погиб уже в августе сорок пятого на Дальнем Востоке: был сбит японцами в нескольких километрах от матери. Она готовила истребители к вылету на полевом аэродроме. И то хлеб, не видела своими глазами, как отец погиб. Мама была член партии, фронтовичка, человек заслуженный. Такие люди имели право на комнату в прекрасном Киеве. А когда я подрос, то и на расширение жилплощади.

Селифан присмотрелся: Истомин говорил о правах своей героической матери на полном серьёзе. Ну, ладно. Если он сохраняет убеждение, что Киев после войны заселялся таким образом, кому это мешает?

– В общем, было мне где жить. И жёны мои ни разу жилплощади у меня не отсуживали. Правда, одна из соседок, гром-баба, оккупировала нашу общую ванную.

Положила там на койке парализованного мужа. Ванну же поставили посреди кухни. Встречалось ли тебе такое, молодой ты человек?

– Да, не без того. Бывал в одной коммуналке на... Ну, на той улочке коротенькой, что в метро «Университет» упирается. Там тоже заглянул я на кухню, а посреди кухни стоит ванна, и, как на грех, в ванне сидит старушка с обвязанной рваным полотенцем головой. Однако у меня сложилось впечатление, что там оно именно так и было задумано. Ведь и в штатовском фильме, помнится, видел ванну посреди кухни, когда овдовевшая женщина снимает дешёвую квартиру... Кажется, «Замужем за мафиози» – или «Замужем за мафией»? Ещё там молодая Мишель Пфайфер стоит и смотрит на это диво, а ребенок ей жалуется, что на кухне воняет.

– Охота тебе вспоминать всякие голливудские поделки... Или сам ещё мечтаешь сниматься в кино?

– Да вроде бы не обо мне и речь, Алексей Петрович.

– Вот это правильно. Я же про всё это рассказываю, чтобы ты был в курсе дела про мои недостатки и про моё расположение духа тогда. Это когда втюрился в свою вторую жену, в Софочку.

Селифан вздохнул с облегчением. Слава Богу, пусть и не госпожа Икс, так хоть Софочка выплыла. Спросил озабоченно, будто в самом деле обеспокоен:

– Она ведь была намного младше вас, правда?

– А ты откуда знаешь? – окрысился Истомин. – Кто тебе проговорился о Софочке?

– Да вы же и... Просто посчитал, Алексей Петрович, просто прикинул на пальцах. Если она была подружкой Маргариты Львовны...

– Понял. Замнём для ясности. Софочка была младше меня на шестнадцать лет, когда мы поженились. Ей

шёл двадцать третий год, мне исполнилось тридцать восемь. Я был без ума от неё, меня и эта разница в годах тоже пьянила. Мы очень быстро сошлись, и почти сразу же поженились. Я должен кое-что объяснить: я не могу влюбиться в женщину, если сразу же, в первый день знакомства, не пересплю с нею.

– Остановитесь! Дайте мне понять! – взмолился Селифан. – А зачем тогда влюбляться? Есть ли в том смысл? Если вас, как это, уже допустили к ложу...

– Вот! Иного от тебя и не ожидал... – горько усмехнулся Истомин. – Какое всё-таки бесчувственное, пустое, похотливое вы поколение! И в самом деле, зачем вообще влюбляться, если перед тобою уже распахнуты ворота в сад наслаждений? Но я, дурак, влюблялся. Потому что всегда хотел иметь лучшую в мире женщину для себя одного, понял?

Селифан улыбнулся примирительно:

– Это можно рассматривать и как подсознательное желание построить вполне традиционную семью. Разве не я не прав, Алексей Петрович?

– Не думаю, что построенное нами с Софочкой супружеское сообщество хоть каким-нибудь концом походило на традиционную семью. Вот уж где был хаос, так хаос! Моя мудрая мама, она ещё жива была тогда, просто за голову хваталась. Я в Софочку влюбился истине безумно, вёл себя, как последний идиот. Страшно ревновал её и даже сам удивлялся, что способен на такую дурость. Мне уже не нравилось, что между нами так быстро всё произошло – значит, у неё и с другими так было. А что я не первый мужчина у неё, в том, увы, никаких сомнений и быть не могло.

– Но ведь вы сказали, что ей, вашей Софье, стукнуло уже двадцать два года, когда вы поженились. Простите,

но чего ещё вы могли ожидать от привлекательной девушки из кордебалета?

– Да, конечно, – фыркнул Истомин. – Кто же спорит? И даже я сам некогда смастерил теориейку. Понять хотел, почему именно девушки тогдашнего её возраста, двадцати двух лет, мне так нравятся и почему именно с ними я старался знаться. Дескать, они сохраняют ещё всё очарование молодости – и духовное, и физическое, однако не обошёл их уже и негативный сексуальный опыт. Значит, девушка уже способна оценить настоящего мужика! А то и мечтает о таком!

– Здорово! Хотя... А как же тогда самые распрекрасные тридцатилетние девушки? Ну, в «Вине из одуванчиков» Рэя Брэдбери?

– «Вино из одуванчиков»? Я читывал некогда Брэдбери, фантастику, но такого не помню... Неважно. Речь шла о том, что я безумно её ревновал. Бывало, она уже отключится, раскинется на тахте, как ребенок, посапывает тихонько, чуть ли не по-младенчески, а я не могу заснуть. Притулюсь себе на краешке и скриплю зубами. Представляю, как этих милых её плечиков до меня уже властно касалась другая мужская рука. И вещи ещё похуже будто перед собой видел... Утром за завтраком смотришь на неё, такую невинную, чистую, и спрашиваешь мысленно: «А с кем из своих хахалей ты встретишься сегодня в Оперном?». Я ведь тогда пытался вычислить её бывших любовников, вот даже какой дурью маялся...

– А кто вас просветил? Уж не госпо... уж не Маргарита ли Львовна?

– Эк ты пальцем в небо! Риточка всегда была идеальной подругой, настоящей опорой. Но лучше бы она мне рассказала, честно, по-дружески. Пусть даже посмея-

лась бы – мягко, как она умеет, – над моими безумствами. А ещё лучше, если бы это сделала сама Софочка. Сочинила бы что-нибудь! Будто не знала, дескать, что встречу тебя, и что для тебя это будет иметь такое значение, а теперь мне они, мои бывшие, и вовсе не нужны. И чтобы приврала о том ещё, что мы, мужики, так любим: с тобою, мол, никому и никогда не сравниться, ты, Алекс, единственный, ты и только ты – мужчина моей мечты. Вот я за неё и речугу придумал. Смех и грех... А ведь признание её развеяло бы мои подозрения. Хоть и горько мне было бы такое от Софочки выслушать.

– Стало быть, вы так и не выяснили отношения, как я понимаю...

– Нет. До разрыва то есть, а потом уж наговорили друг другу всякого. Не знаю, заметил ли ты, но я человек гордый. Как, наверное, и надлежит сыну сталинского сокола. И сталинской соколихи, да... Или нет? Я первым никогда не начал бы этот разговор, а она так и не догадалась. Сама порхала по жизни, как бабочка, и не сообразила, что я мучаюсь из-за такого вот, в её понимании, пустяка.

– А почему...? Если вам не тяжело, конечно, почему вы расстались?

– Да уж... Причины были несерьёзны, кто спорит. Смешно, но в конечном счёте из-за того, что я её слишком сильно любил. Можешь ли ты себе такое представить? Когда мы впоследствии обсуждали мое фиаско с Ритой, она процитировала испанского поэта Лорку. Что-то вроде: «Я любил её слишком пылко, и вот, она меня оставила».

– Разве Маргарита Львовна знает испанский?!

– При чем тут испанский? Будто нет переводов! Моя же пылкость имела две стороны, обе ей, Софочке, как

оказалось, неприятные. О первой мне не очень удобно говорить. Вот бабы запросто обсуждают между собой такие скользкие вещи... А между нами, мужиками, как-то не принято.

– Тогда выражайтесь окольно, Алексей Петрович. Смелее!

– Я слишком часто стремился доказывать ей свою любовь, скажем так. И не то, чтобы по спинке там погладить, поцеловать, а со всей серьёзностью. Мне-то это было необходимо, жизненно необходимо, ведь я от неё с ума сходил. Вот опять мне неловко... Не знаю, как у других, но я, если приходится переспать с полной женщиной, почему-то почти сразу насыщаюсь. Но Софочка, эта утонченная худышка, эта изящная фарфоровая статуэтка... Она заводила меня, несмотря даже на свою профессиональную мускулистость, заводила снова и снова... Почему ты усмехаешься? Какого чёрта ты позволяешь себе надо мной смеяться?

– Да вам показалось, Алексей Петрович! – сделал честные глаза Селифан.

Его и в самом деле рассмешила нежданная откровенность этого крашеного старпёра. Ишь ты, какой был приткий! Или это сейчас старичку мерещится?

– Точно? Не врешь? Ну, тогда сокращу по возможности... Если мне она была необходима, такая дикая, животная активность, как сказали бы сейчас, то Софочке – нет. Удивительно, но я поступал с нею так, будто не знал тогда, что женщинам в её возрасте, большинству женщин, во всяком случае, физическая любовь не сильно-то и нужна ещё. Это потом, лет через пятнадцать, они созревают для сладкого дела. А я и по ночам будил, спать не давал. Софочка плакалась Рите, что она будто под дорожный каток попала. Она даже маме моей жаловалась, а та говорила об этих тонких материях со

мною, что ей было непросто. И правильные, конечно же, давала советы. Но я и мамины слова пропускал мимо ушей. Думал: если не хочет Софочка со мною, тяжело это для неё, значит завела себе голубчика, с которым ей это делать приятно. И мучился ревностью ещё больше. И не только умственно пытался теперь вычислить соперников, но и шпионские, идиот, подвиги начал совершать.

– Простите, Алексей Петрович, а как насчёт второй стороны вашей пылкости?

– О чём ты? Только с мысли сбиваешь...

– Вы говорили, что обе стороны вашей любовной пылкости были не по душе вашей молодой жене.

– А... Вот ревность клятая и есть вторая сторона той самой пылкости... Неужели так трудно понять? У меня был обычай выходить встречать её после спектаклей к служебному ходу Оперного. Но я измыслил останавливаться на противоположной стороне улицы, за деревом, и подсматривать, с кем она выходит, не появилось ли у неё желание воспользоваться тем, что у меня не получилось встретить, и себе податься на гульки. Софочка либо сама заметила меня, прячущегося в тени, либо ей сказал кто-то из знакомых, когда обнаружил меня – меня, Алекса Истомина! – в нелепой и позорной позиции. Не знаю... Могла бы и возгордиться: если сильно ревнует, значит, любит меня муж.

– В народе говорят ещё: если бьёт, значит, любит, – быстро вставил Селифан.

– Как тебе такое пришло в голову? Я не смог бы Софочку и пальцем тронуть... Однако хватило и моей глупой ревности. Она начала сторониться меня, и примерно через две недели случилось ужасное. Пока я был на лекциях в Политехе, Софочка собрала свои вещи и ушла.

Последние слова Истомин произносил уже трудно, будто ему хотелось чихнуть, а он изо всех сил себя сдерживал. Потом сложил руки на столешнице, уронил на них голову и молчал некоторое время. И когда Селифан созрел уже для того, чтобы вызвать на помощь каким-нибудь способом супругу страдальца, тот выпрямился и, глядя в сторону, абсолютно трезвым, спокойным голосом заявил:

– Вот так я потерял любимую жену, юную свою жену, ни в чём передо мною не виноватую. Почти что ни в чём.

A handwritten signature or mark, possibly the author's name, written in a cursive style. It consists of several loops and a final flourish at the bottom.

Глава 13. ИСТОМИН: Селифан как диссидент; окончание истории нежной Софочки; Анна Владимировна перехватывает инициативу

– «Почти ни в чём», вы сказали, Алексей Петрович? – осторожно уточнил Селифан.

Истомин ответил не сразу – и с таким видом, будто всё рассказываемое стало вдруг ему абсолютно безразличным.

– Ну, да... Она, уже после того, как ушла от меня (фу, меня и сейчас передёргивает, как вспомню), встречалась с одним пареньком, тоже из балетных. Я на него как раз не думал, у него была репутация «голубого». Может быть, она уже потом с ним подружилась, не знаю. Впоследствии я пытался узнать об их отношениях у Риты, но та упорно отмалчивалась. Возможно, Риточка и сама не ориентировалась в том, что там у них происходит. Во всяком случае, они поженились, и сразу как-то после свадьбы (то есть свадьбы как таковой не было, расписались только и посидели в ресторане со свидетелями) уволились оба из Оперного. И исчезли. Что с ними случилось, рассказал через пару месяцев Рите его дружок, такой же «голубой» танцовщик. Я видел его, как и так называемого мужа. Тот хоть держался прилично, а этот блондинчик полагал нужным кривляться, подчёркивая, блин, свою исключительность. Так оказалось, что тот паренёк давно уже подал документы на выезд в Израиль, у него мать была еврейкой. А Софочка вышла замуж за него будто бы для того только, чтобы выехать из Союза. Поверишь ли, что мне она и словом не намекнула на

такое своё желание? Впрочем, может быть, потому промолчала, что опасалась меня и моей матери, своей свекрови. Мама у меня была убеждённой коммунисткой, а я, хоть и беспартийный по некоторым причинам, всегда сочувствовал большевикам. Недостатки оба критиковали, не без того.

– А разве...? – начал было Селифан и поперхнулся. – Извините, забыл...

Хозяин молча вызверился на гостя. Странно было Селифану, что он выговаривает по-прежнему чисто: глаза Истомина покраснели, а плечи, гордо распрямлённые в начале интервью, теперь ссутулились. Наконец тот произнёс с тяжеловесной угрозой:

– А ты у нас, значит, был диссидентом? А? Отвечать, когда спрашиваю.

Селифан улыбнулся, отмахнулся – и легко, словно о пустяках:

– Какой из меня диссидент? Смешно, Алексей Петрович... Я всё своё при советской власти прожитое время проходил в детский садик. Да и какие могли быть у нас на станции диссиденты? Был, правда, один задира-слесарь, он на вагоноремонтном вкальывал. Я как-то раз на карьере с радостным ужасом наблюдал его акцию...

– На карьере? Ты же сказал, что он на вагоноремонтном работал!

– Да, работал он на вагоноремонтном. Запомнилось же! Вот ведь как оседает в башке всякая чепуха... На нашей станции не было речки, чтобы купаться. Для этого ходили «на карьер»: не помню, что там добывали, но дорылись до ключей, и весь карьер затопило. Из-за ключей вода зверски холодная, даже в самые жаркие летние дни. Окунуться было мужским поступком, а потом полагалось отогреться на солнышке.

– Так ты говоришь, никто не решался заплывать на середину или переплыть озеро? – вдруг заинтересовался Истомин.

– Я же сказал, Алексей Петрович, что вода была зверски холодной, а ещё боялись утопленников. Будто бы в карьере, когда вода стала заливать, захлебнулись рабочие. Они прилегли отдохнуть после обеда, заснули, да так со дна и не бывали. И вот теперь ледяными руками хватают за ноги и утаскивают в глубину каждого, кто дерзнёт заплывать на середину.

– Ага, – отозвался Истомин и снова положил голову на руки.

– А я вспоминал о местном «диссиденте», впрочем, это уже в начале девяностых было. Тот парень выпил на бережку с товарищами, потом поднялся, выпрямился, подбоченился и высосал из горла бутылку портвейна. Таким образом вдохновившись, прокричал частушки о председателе горисполкома, который за взятки раздавал в частную собственность ларьки... и баню, тоже, кажется, продал. Покончив с политикой, он разбежался и прыгнул в озеро. Герой вернулся на берег под мат... Ну, под матерную перебранку купальщиков, спорящих о том, приедет ли сегодня за ним наряд милиции. К моему глубокому разочарованию, менты на берегу карьера так и не появились.

– Значит, ты ему не сочувствовал? – осведомился Истомин, головы с рук не поднимая.

– Возможно, что и сочувствовал, – пожал плечами Селифан. – Помню этакий сладкий ужас. Теперь я сказал бы, что меня обурежала жажда сенсации.

– Не сочувствовал, стало быть... А я вот Софочке сильно сочувствовал, особенно потом, когда исчезла уже она из моей жизни. Видно, не нравилась ей наша с мамой советская власть, но она боялась слово нам поперёк

молвить. И ещё ведь я, когда представлял свою нежную Софочку с прежними её любовниками, всегда видел в ней жертву, что не может отбиться от сильного, настойчивого мужика. И так тогда жалел её, и себя, конечно...

Селифан молчал. Просто не знал, что тут сказать. Хозяин кабинета тем временем, помогая себе руками, поднялся на ноги. Глядя сквозь гостя, промолвил:

– Сегодняшняя норма... Медным тазом накрылась моя сегодняшняя норма. И тем не менее... Следует добавить, чтобы переключиться на позитив.

Пошарил по карманам, достал ключи, сделал неверный шаг в направлении шкафчика – и вдруг безмолвно рухнул на пол. Ахнул Селифан, подбежал. Поспешно вытер подкладкой пиджака экранчик своего смартфона, поднёс к губам Истомина. Полированная поверхность затуманилось. Впрочем, одновременно внезапный шум в ушах Селифана притих, и ему стало слышно, что Истомин тихонько постанывает. Тогда Селифан осторожно высвободил из его пальцев ключи и, стараясь не стучать каблуками, подошел к двери, повернул ключ в замке и медленно потянул дверь на себя.

Перед ним стояла, скрестив руки на груди и сжав свои полные губы в ниточку, хозяйка дома.

– Ваш муж упал там, Анна Владимировна. Между столом и шкафчиком.

Она молча принялась, шагнула вперёд, обошла посторонившегося Селифана и направилась к мужу. Долго не присматривалась, заявила:

– Вы сами не пили, молодой человек, а Лёшу напоили. Придётся вам помочь мне. Не бойтесь, он лёгкий теперь, одни кости да кожа.

Не медля ни минуты, Анна Владимировна посадила мужа и подхватила сзади под руки. Селифану ничего не

оставалось, как придерживать ноги в домашних туфлях из натуральной кожи.

– Да не поил я его вовсе, Анна Владимировна...

– Потом, потом будем разбираться... Вот сюда, на диван.

Положили. Теперь Истомина легонько похрапывал. Селифан решился:

– А что это с ним? С Алексеем Петровичем...

– У вас, молодой человек, алкоголиков в семье не было? Ну, счастливцев вы, знаете...

– Мать моя покойная пила, – поспешно пояснил Селифан. – Но она сама раздевалась и ложилась спать, даже если сильно была пьяна.

– Понятно... А здесь вот так. Ладно, пойдёмте отсюда, а то иногда бывает, что Лёша в таком состоянии заминает, чего над ним скажешь.

Анна Владимировна увела его в гостиную, усадила на диван, а сама вернулась в кабинет. В гостиную возвратилась так скоро, что Селифан не успел собраться с мыслями. На сей раз выглядела она несколько более любезной. Заявила решительно:

– Вы не солгали, молодой человек. В комодике у Лёши только та бутылка, что и вчера была. Да и сами вы не пили, это вас характеризует с лучшей стороны... Почему это мне всё время кажется, что я вас где-то уже видела?

– Я работаю на TV, – с насмешлившей его самой гордостью пояснил Селифан. Оторвал на мгновение зад от дивана, наклонил голову. – Селифанов Аркадий. Ведущий программы «В гостях у звезды». Похоже, что вы, Анна Владимировна, иногда заглядываете на наш канал.

– А я мадам Истомина, и должна просить у вас прощения за поведение моего мужа. Относительно вашей программы, так точно, что заглядывала – да и на дру-

гой канал тотчас «бездельницей». Скажите, зачем вы так пресмыкаетесь перед этими вашими так называемыми «звёздами»? Смешно и грустно, ей-богу. Если бы ещё вы разоблачали их, как в дни моей молодости говорили, мещанскую сущность, была бы хоть какая-то польза. А то мой Лёша говорит, что перед телевидением и СМИ поставлена задача культурного оболванивания народа.

– Трудно с ним спорить, с вашим мужем, – легко согласился Селифан. Он со многим бы сейчас согласился, потому что судорожно соображал, как ему быть. Ведь, судя по всему, Истомин не рассказывал жене о передаче, которая снималась на квартире у госпожи Икс. Значит, и ему следует держать язык за зубами: если проболтается, то как пить дать вызовет гнев алкоголика, и о продолжении интервью придется тогда забыть. Как легко назвал он про себя Истомина алкоголиком? Значит, не у одного Жоры этот тип вызывает неприязнь...

– Ах, простите! Вы могли подумать обо мне, будто я, пронырливая баба, подделала ключи, чтобы контролировать супруга. Господи, да я же закончила университет, до самой пенсии преподавала язык и литературу! И на самом деле, как только я переехала сюда, Лёша заказал для меня копии всех ключей, и дверных, и мебельных. Правда, он мог забыть об этом, так что на всякий случай вы ему не говорите... А что, Аркадий, вы хотели снять передачу о моем муже? Но разве он, по вашим меркам, тянет на «звезду»?

– Речь не о нём, – промычал Селифан и, наконец, решился. – Передача о его хорошей знакомой, о приме-балерине Оперного Маргарите Львовне Кочергиной.

– Таковую передачу и я бы посмотрела! Вот уж где настоящая «звезда», без подделки! И человек ведь замечательный, настоящий добрый ангел моего Лёши.

– О!

– Это Рита ведь поддержала Лёшу, как могла, после его второго, злосчастного развода. И сейчас единственный день на неделе, когда я спокойна за Лёшу, это четверг. С утра он – ни капли, весь день тоже, до обеда сидит, пишет и все дела решает именно в четверг. А у Риты он пьёт с нею и с её приятелями только чай, а возвращается домой настолько поздно, что сразу ложится спать. Ночью он у меня не может пить, потому что страшные кошмары тогда его преследуют, не может спать совсем. Таким образом, каждый четверг, Аркадий, я спокойна и счастлива. А в пятницу возобновляется у меня всегдашняя война с его водкой.

– Так вы знакомы с Маргаритой Львовной? – осторожно осведомился Селифан.

– А как же! Мы познакомились после второго развода Лёши, в те времена для меня ещё блестящего Алекса, моего тогда уже бывшего, как теперь принято говорить, бойфренда. Она сама меня разыскала, потому что, по её словам, обзванивала всех бывших его подруг – искала помощи. Алекс тогда в первый раз запил, потому что при его всегдашней гордости не мог такого перенести, чтобы девушка его первой оставила. Со мною, например, он расстался очень изящно, с букетом цветов и с трогательным по форме, однако хамским по сути, если вдуматься, объяснением. Я уже потом, когда он во второй раз женился, возмутилась. Да что это, мол, за глупости в самом-то деле? Со мной он, понимаете, ещё не готов был установить длительные, серьёзные отношения, потому что, видите ли, не соответствуют они его мятежной, свободной натуре. Ну ладно, что поделаешь, если уж натура такая мятежная... И вдруг с этой балетной стрекозой тотчас же мчится в ЗАГС! А когда эта фифочка внезапно убежала от Алекса, Риточка разыскала меня, созвонилась, приехала ко мне на Русановку, и мы

просидели на скамейке под высоткой до самого последнего автобуса. Она привезла бутылку белого сухого, мы пили из горла и смолили сигарету за сигаретой, пока не закончились. Прекрасный вид на рукав Днепра открывался перед нами, за зелёным островом над Печерском горел чудесный закат, и небо постепенно темнело. В квартиру я не могла её пригласить...

– Простите, но вы хотите сказать, что Маргарита Львовна тогда курила? – изумился Селифан. Не решился он усмехнуться, услышав столь поэтический пассаж... То бишь пейзаж.

– Конечно! Модно было курить, и все продвинутые девушки имели в сумочке по пачке сигарет. Сейчас я не курю, берегу здоровье, но... Знаете, если бы врач мне сказал, что у меня неоперабельный рак, я тотчас бы снова купила хорошие сигареты, зажигалку удобную – и задымила бы. Молодость бы вспомнила, вот.

Мило сощурившись, Анна Владимировна присмотрелась к Селифану – и вдруг всплеснула пухлыми ухоженными ручками.

– Что же это я о себе да о себе? Вам оно, само собой, неинтересно, Аркадий...

– Напротив, очень интересно, дорогая Анна Владимировна! Тем более, что вы не только о себе рассказываете, о Маргарите Львовне тоже, а тут для меня каждая деталь драгоценна.

– С чего бы это драгоценна, скажите пожалуйста? – фыркнула Анна Владимировна. – Знаю я вас, журналюг: ваш принцип – отписаться и забыть. Или влюбились в Риточку? Я давненько её не видела, однако уверена, что она и сейчас сохранила свой «секс-эппил». У нас это смешно переводили – как «сексуальная притягательность». На верёвке она вас, мужиков, притягивает, что ли?

– Скажете тоже, Анна Владимировна... Так вы не против рассказать мне подробнее о той давней истории?

Она снова прищурилась, на этот раз задумчиво. И вдруг развеселилась.

– А почему бы и не рассказать? Вас ведь Аркадием зовут? Вот, видите, до склероза пока ещё не дожила... Так почему бы и не рассказать вам, Аркадий? Ведь всё равно это будет слишком жизненно, чтобы вы это использовали в своей гламурной передаче.

– Позвольте с вами не согласиться! – сам не понимая, зачем оно ему, запротестовал Селифан. – Во-первых, вы словно никогда не включали некоторых московских каналов. У вас тарелка или кабель? Тарелка, я так и думал... Во-вторых, если наша передача и гламурная – так разве что вроде той лавки, хозяин которой вывесил объявление: «В связи с финансовым кризисом наш бутик возвращается на вещевой рынок».

Хозяйка рассмеялась, но неохотно, будто из вежливости. Тут же заявила:

– Вы это из Интернета? Да, видела и я фото этого объявления. Господи, до чего пришлось дожить? Люди не рассказывают друг другу анекдоты, а вычитывают их в программах телепередач! А я ещё помню девушек, которые специально зазубривали анекдоты, чтобы рассказывать в компании и вносить ими свой вклад в общий разговор. А то сидит такая молча, прикуривает сигарету за сигаретой, и всё, разве что ещё рюмку хлопнет, если не забудут ей налить.

Селифан сообразил, что Анна Владимировна себя не числит среди таких девиц, и на всякий случай улыбнулся. Тем временем лицо хозяйки слегка омрачилось.

– Я в это время обычно позволяю себе последнюю чашку кофе. Если выпью хоть полчаса попозже, ус-

нуть уже не смогу. А как вы относитесь к кофе, Аркадий?

– Я бы тоже не прочь. Чашечку из молотого с маленькой ложечкой обычного сахара-песка, если это возможно.

– Тогда предлагаю перебазироваться в мои владения, на кухню. Я займусь кофе, а параллельно начну рассказывать.

Глава 14. **АННА ВЛАДИМИРОВНА: парадоксальная самоотверженность Риточки; были ли Риточка и Алекс любовниками; отчего начал попивать денди Алекс; Киев как рай земной**

Кухня оказалась просторной. Обставлена она, оборудована и убрана таким образом, чтобы приятно было сесть и позавтракать по-семейному. Хозяйка усадила Селифана на удобный угловой диванчик, а сама принялась колдовать у кофеварки. Вначале Анна Владимировна слишком увлеклась этим занятием, чтобы ещё и разговаривать. Затем, когда кофе был разлит в чашки, а гость дополнительно получил сахарницу и ложечку, она вернулась к своему рассказу.

– Я, кажется, остановилась на том, что Риточка приехала ко мне домой просить помощи и совета. Позвонила мне и приехала. Раньше мы не были знакомы, а мой телефон она нашла в записной книжке пьяного Алекса. Накануне Риточка провела с ним очень непростой вечер. Алекс вызвонил её, будучи подшофе, и уже на её глазах неотвратно и отвратительно набухался. Болтливый спяну, он тогда вывернулся перед нею буквально наизнанку, а наша умница Риточка только прикидывалась, будто киряет с ним, а сама всё сказанное мотала себе на ус... Ой, мне самой смешно стало! Представила себе на месте Риточки пожилую еврейскую даму с усами, надо же... Риточка уяснила тогда для себя очень важную вещь: наш умопомрачительный погубитель девиц на самом деле весьма закомплексован и, в частности, почему-то боится знакомиться с женщина-

ми. Не всё она, Риточка, тогда поняла, а я, признаться, кое в чём разобралась, только выйдя за это диво-дивное замуж... Скажем так, у него в интимной сфере очень сложно устроено, и не мне, жене, такое о своём муже открывать постороннему человеку.

– Чего уж там, – пробормотал Селифан, на скучный закат за окном прищурившись. – Новых женщин боится, однако и влюбиться не может, пока с кандидаткой не переспит. Впрочем, всё это наверняка осталось в далёком прошлом.

– И слава Богу! А вы откуда знаете? Неужели сам мой гордец в таком признался? Ну, ладно. Есть один старый польский фильм, комедия «Лекарство от любви». В те годы для нас кино не таким было пустяком, как сейчас. Сейчас устроишься в зале подальше от любителей попкорна, посмотришь-послушаешь очередной американский шедевр и на полдороги домой уже и забудешь, о чём там тебе впаривали. А вот тогда в фильмах, особенно в зарубежных, мы ещё находили модные фасончики, свеженькие, последние, и даже, не побоюсь ученого слова, модели поведения для себя, вот! А в том фильме главный герой, его ещё очень симпатичный актёр играл, лапочка этакий, изрёк, как сейчас помню, сногсшибательный афоризм: «Лучшее лекарство от любви – новая любовь».

– Сомнительная премудрость, скажу я вам...

– На вкус и цвет, знаете... Вспомнила фильм Риточка и согласилась, что клин и в самом деле клином выбивают. Алекс, оказывается, ей давно нравился, однако это ведь был муж, пусть и не такой уж близкой, а подруги. Стоп, охота запрещена! А тогда, после его развода, она с удовольствием обольстила бы нашего красавчика, да вот беда: мужик в таком скверном состоянии, да ещё и с этим своим комплексом... В общем, утешить его была

способна только одна из бывших подруг. Вот она мне и позвонила. Я, кажется, об этом уже начинала рассказывать...

– А ничего себе мораль у молодой советской танцовщицы! – вырвалось у Селифана. Самому стало неловко, посему подбавил иронии. – Как её только за границу выпускали?

– Насчет морали, молодой человек, не вашему бесстыжему поколению нас с Риточкой учить! – огрызнулась Анна Владимировна – и вдруг расплылась в улыбке, едва ли не сочувственной, заговорщицкой. – Да что это с вами? Неужто Риточку ревнуете? Рада за неё, честно. А она тогда жила уже разведёнкой. Не без юмора пояснила мне тем вечером, что каждая девушка должна сходить замуж, чтобы убедиться, стоит ли эта игра свеч. А насчет морали... Если серьёзно, то тогда до нас доказались то ли третья, то ли четвёртая волна сексуальной революции, в Америке начавшейся где-то незадолго до корейской войны.

– Знаете, у меня создалось впечатление, что насчёт Америки речь идёт о шестидесятых...

– Да ради Бога! Хотя лично я на «Лолиту» Набокова ориентируюсь. Вообще же не об Америке речь, а о свободе любовных отношений в нашей стране, замечательной со всех сторон, и спереди, и сзади. У нас тут свои собственные традиции, чего уж там, и двадцатые годы, когда коммунисты не были ещё такими ханжами, как при пожилем Сталине, половой свободы тоже здорово добавили. Но в конце семидесятых наше отечественное распутство совместилось с западной модой – и пошла писать губерния! И что меня до сих пор изумляет, так это тогдашняя смелость наших женщин, очертя голову бросивших наслаждаться любовью вне брака. Аборты ведь оставались фактически под запретом. Читала я, на

Западе именно противозачаточные таблетки подвигли прекрасных дам на развесёлые приключения. А тут мы их ещё очень долго и в глаза не видели. Помню, одной знакомой привезли несколько упаковок из командировки, так побоялась принимать: никто не смог прочесть бедненькой сопроводилку – совсем на другом английском языке была написана.

– Да уж...

– Вам-то что? Проблемы ведь не ваши, мужиков, были. В стране, между прочим, действовали сталинские законы относительно половых отношений, они должны были помочь восполнить население после войны. Вспомнить хоть бы судебную процедуру установления отцовства! Я как-то ходила с подругой в суд, морально её поддерживать, так впечатление такое, будто в Древнем Риме побывала. А Риточка была не худшая из нас, а, напротив, лучше, нравственнее других. Ведь в деле страдающего Алекса она отказалась от собственного амурного интереса, а вот приехала ко мне. Только что могла я сделать, спрашивается?

– Так вы тогда отказались от возможности восстановить отношения с Алексеем Петровичем? Но почему же сейчас...? – оживился Селифан.

У Анны Владимировны глазки заблестели.

– Я бы, кто знает, и не прочь была тогда... Но как вы себе это представляете? Замужем, беременная уже на пятом месяце, живу в квартире родителей мужа, свекровь на меня шипит, а муж мой оказался безумно, по-мещански тупо ревнивым. Вот и тогда, когда мы с Ритой сидели на скамейке у подъезда, он раз десять, не меньше, спускался убедиться, что я там не с мужчиной. И вы, небось, не понимаете, что на пятом месяце я была уже с заметным животом, так что... А сейчас, так это уже совсем другая история. Мы поженились с Лёшей

лет через пятнадцать после тех событий. Тогда у меня и муж уже умер сравнительно молодым, и сына, увы, пришлось поместить в интернат для нервнобольных, а у Лёши был пик неприятностей на работе. Можно сказать, что, поженившись, мы поддержали друг друга. Повторяю, это уже совсем другая история, с другими, уж вовсе не молодыми людьми.

– Хорошо, а после вас Маргарита Львовна связывалась с другими... ну, прежними подругами Алексея Петровича?

– Да, связывалась, конечно же, она вызванивала тех, кого ей удалось установить по записной книжке. Она мне призналась, хохоча во всё горло, что попала нечаянно на старенькую секретаршу кафедры, где работал тогда доцентом Алексей Петрович (или уже был там профессором, не помню), и та на словах возмутилась, однако в душе явно была польщена и взволнована неожиданным предложением. В целом же Риточке было не до шуток. Все дамы, как на грех, оказались, как и я, в стадии замужества, и если бы какая-нибудь из них и захотела вернуться к прежнему любовнику, то вовсе не для того, чтобы его утешать после развода с любимой молодой женой. Риточка позвонила тогда мне специально, чтобы спросить, не возражаю ли я, чтобы она сама этим занялась. Помню до сих пор, как Риточка выразилась. «Придется мне взять на себя эту партию». Конечно же, я не возражала. И с какой стати я вдруг стала бы возражать? Мы тогда помнится, чуть ли не весь вечер проговорили, а мой муж бегал вокруг телефона и переживал. Мне талдычил, что ему должны были позвонить по важному делу, однако я прекрасно понимала, что ревнует.

– У них тогда был роман, выходит! – вскинулся Селифан. – Не пойму я никак, почему вы так спокойно об этом вспоминаете?

– А я не пойму, отчего вы так кипятитесь? Дела давно минувших дней... Мне теперь даже не совсем и верить, что я когда-то жила в той высотке у Днепра, где летом можно было у себя в комнате переодеться в купальник, спуститься лифтом, перейти улицу – и вот тебе пляж. А Риточка и Алекс... Что-то между ними было тогда, в этом я уверена. Несмотря на то, что Алексей Петрович, из-за своих бед стал злым и жёлчным, к Риточке относится с неизменной нежностью, он и говорит о ней с теми же самыми интонациями... Ну, появляются у него особенные такие интонации, когда заходит у нас речь об одной из бывших его любовниц. Типа, вы знаете: вот я с нею переспал, а теперь она в чём-то навсегда мой человек. Психология, вы уж простите меня, петуха без курятника. Поверьте, Аркадий, женщины такие вещи воспринимают намного разумнее.

«Это уж как сказать!» – хотел было он возразить, но промолчал. Вспомнил ведь, что и мать его покойная всегда старалась своих ухажеров приспособить для мужской работы по хозяйству, как бы распространяя на них свою семейную власть. Да и зачем далеко ходить? Была и у него такая бой-девица, как вспомнишь, так вздрогнешь. Не успели они даже и поцеловаться толком, принялась им помыкать: пойдти туда, купи вот это, заставляла возить себя на такси... Тут Селифан обнаружил, что на него Анна Владимировна уставилась вопросительно.

– Извините, Бога ради! Припомнилось кое-что... – и осторожно. – Вы говорили о каких-то служебных неприятностях, даже, как вы выразились, «бедах» Алексея Петровича. Не могли бы вы о них рассказать подробнее?

Хозяйка явно поскучнела. Видно было и невооруженным взглядом, что эта тема не так ей интересна, как

воспоминания о любовных перипетиях прежних лет. Заявила скучно:

– Придётся мне вам рассказать. Уж лучше, чтобы я. Ведь другие, кто в курсе, приврут немилосердно, а сам Лёша не станет с вами вообще говорить об этом – или настоящую фантастическую повесть сочинит. Я же и с врачами общалась, а они со мною были более откровенны, чем с ним.

– То есть и Алексей Петрович может об этих делах здорово приврать? – заинтересовался вдруг Селифан.

– Да уж! После того, как засел мой Лёша над своей философской системой, принялся безбожно фантазировать.словно не философский трактат пишет, а роман. Да что с него взять, с технаря...

– Что-то он говорил и мне о переключениях, вроде как с технического регистра мысли на философский.

– И сколько ему для такого умственного переключения требуется выпить водки, – горько усмехнулась Анна Владимировна, – этим расчётом тоже поделился? А я расскажу, как оно всё у него начиналось, это переключение из уважаемого профессора в стыдливого алкоголика, чёрт бы его, переключение это, побрал. С чего бы начать?

– Быть может, с наследственности?

С таким умным видом спросил Селифан, что сам устыдился. Однако хозяйка, ничуть не удивившись, с готовностью подхватила:

– Конечно, наследственность! Миллионы мужчин и женщин выпивают изредка – на праздниках, на корпоративах, на пикниках, на барбекю, однако зависимость от алкоголя возникает только у сотен. Однако тут о наследственности ничего не известно. Мать Лёши, моя покойная свекровь Сталина Петровна, не пила, ну разве пригубит фронтовые сто грамм на День Победы, а

об отце его, на войне погибшем, она вспоминала, что выпить любил. Однако о том, были ли среди его предков горькие пьяницы, ничего не известно: отец Лёши – сирота, детдомовского воспитания. Сталина Петровна познакомилась с ним, когда он уже был опытным военным лётчиком, отвоевал в Испании, только что вернулся с финской войны. Если боевой офицер в свободное время любит посидеть за столом в компании, никто его пьяницей не назовёт. Знаете, мне вспоминается фильм, ещё советский, однако во многом непривычно правдивый, «Вокзал для двоих». Там красавчик Басилашвили, когда попадает за решётку, начинает курить, хоть раньше за ним в фильме не наблюдалось. Так, я думаю, обстояло и с выпивкой на войне: и непьющие рады были переключиться... Вот, опять! Собственно, и у моего Лёши с чего-то подобного начиналось. Он ведь, после защиты диссертации, долго работал на постройке трубопроводов за границей. Рассказывал ведь вам, небось?

– Было дело, Анна Владимировна.

– Так вот, попал он в арабскую страну, которая после кровавой борьбы освободилась от колонизаторов-французов. И там правители перегнули палку насчёт исламизации. Русский инженер или там офицер не только не мог бы там познакомиться со свободной незамужней женщиной, но и проституткам, как рассказывал Лёша, было запрещено обслуживать иностранцев. Вы удивлены, что он такое мне рассказывал? Ну, не то, чтобы мне лично, а в компании и под хмельком. А что касается алкоголя, то сколько привез с собою, то твоё. И ещё надо было подписать на таможне расписку, что ввозишь спиртное только для личного потребления. Это притом, что сами местные вволю курили гашиш и втихую пили местное вино. А теперь представьте, что из такой добродетельной страны вы приезжаете в отпуск домой.

Да Киев вам покажется раем земным, с добрыми гуриями, фланирующими по бульварам под прославленными каштанами, и с морем разлитым водки и вина!

– С райскими гуриями?

– Ну, ничего не скажешь, с тех пор немало красавиц было из Киева вывезено и в Россию, и на Запад, в чём ничего особенно хорошего я как раз не вижу. Но тогда считалось, что в Киеве самые красивые в Союзе девушки. Меня одна вертихвостка уверяла даже, будто грузины специально приезжают летом на киевские пляжи. У них своё Чёрное море есть, а они сюда едут, чтобы знакомиться с девушками! Вот именно гурии!

Селифан принялся аплодировать. Раскрасневшая Анна Владимировна собралась с мыслями и продолжила:

– Вот так и учился мой Лёша перебирать лишку на счёт водочки. О девушках речь уже шла, так что к этой радости его жизни я возвращаться не буду. Первый развод на него никак не повлиял, если не считать того, что пришлось уволиться из той организации, где занимался постройкой нефтепроводов у арабов. Мало того, что беспартийный, да ещё и разведённый – это был для кадровиков уже перебор. Первый запой у него случился, когда он по глупости женился на той своей несравненной Софочке, а она его неожиданно бросила...

– Почему же Алексей Петрович не вступал в партию, ведь по советским меркам он был из хорошей семьи?

– У нас, Аркадий, об этом речь не заходила. Мы ведь поженились, когда членство в партии стало неактуальным, да и не одна тут уже партия была... В самом деле, почему? Мне самой стало интересно... О чём это я говорила? О мгновенном романе с Софочкой и о не менее скоропалительной женитьбе на этом создании без царя в голове, вот о чём.

– Прошу прощения, Анна Владимировна, опять вас перебиваю. А что потом случилось с этой загадочной Софочкой? Ну, после отъезда в Израиль?

– Не знаю, да и знать не хочу! – фыркнула хозяйка. – Будто не могла расстаться с мужем по-человечески, вот ведь фря, прости Господи! Насколько мне известно, и мой Алексей Петрович дальнейшей Софочкиной судьбой не интересовался. Вы ведь, кажется, хотели услышать о неприятностях, постигших Алексея Петровича?

Глава 15. ИСТОМИН: взгляд Анны Владимировны на Софочку; первые запои; исповедь беспартийного большевика

– Ну, да, конечно, – промямлил Селифан. Хотел было он незаметно достать мобильник и посмотреть, который час, но не потребовалось: на стене тикают кухонные часы. Так-так, час ещё не поздний, время не поджимает, однако вовсе не интересуют его злоключения Истомина, не связанные с госпожой Икс, а загадочная Софочка интригует разве что как её подруга – да и подругой ли она была на самом деле?

– Вижу я, молодой человек, – заявила решительно Анна Владимировна, – что вас больше занимает судьба Софочки. Сейчас я уже не ревную к ней, хоть в первые месяцы нашего с Алексеем Петровичем брака он мне уши прожужжал о ней и своих из-за неё страданиях. Я зла на это воздушное, но бездушное существо, а почему зла, давно для себя сформулировала. И вот каким образом: эта миленькая стервочка своим глупым поступком... Сформулировала, называется! Ну, будто в горах спихнула вниз своей балетной ножкой камень, вызвавший на склоне лавину, смертельный камнепад.

– Или потянула за спуск заряженного и взведённого револьвера, – подхватил Селифан. – Недалекий хозяин не только набил барабан патронами, но и взвёл курок. И вот наследственность, которая при благополучной, размеренной, без особых стрессов жизни, могла и не проявить себя, сработала и... И испортила Алексею Петровичу учёную карьеру.

– С какой иронией вы сказали про карьеру! – неприятно удивилась хозяйка. – По-видимому, вам самому не угрожает никакая наследственность.

– Я весь внимание, Анна Владимировна.

– А я спрашивала вас, Аркадий, нет ли у вас подобной наследственности?

«Настырная, однако. А ведь я начал было ей симпатизировать», – подумал Селифан, вздохнул и улыбнулся с всею возможной приятностью.

– Неужели так трудно, Аркадий, выполнить просьбу пожилой женщины и ответить?

Проигнорировав несомненную попытку подзудить на комплимент, он отчеканил:

– Отца у меня не было. А вот мать моя, покойница, сильно пила. Однако я удался в деда, в отца маминного, кочегара. Степан Яковлевич не пил и не курил, умер своей смертью в шестьдесят.

– А кем работала ваша матушка, Аркадий?

– Проводницей рабочих поездов. Теперь их называют пригородными дизель-поездами.

– Однако не станете же вы утверждать, что скверная привычка напиваться одинаково влияет на карьеру профессора, завкафедрой и проводницы?

– Нет, не стану, – буркнул Селифан. И ведь нашла способ невзначай и как бы не намеренно унижить человека. Ладно, вот тебе ещё кусок печёнки, схавай – и можешь лаять дальше. – Если бы мать уволили, работу уборщицы она всегда бы нашла.

– Гм. А вот Алексей Петрович заведовал кафедрой. И было на ней ещё трое докторов наук, два из них уже профессора, они тоже не прочь были занять эту должность. Кроме возможности руководить, заведывание кафедрой означало ещё и солидную добавку к зарплате. На чём легче всего подловить молодого, элегантного

профессора? Разумеется, на студенточках. Однако, несмотря на внешнее легкомыслие, Алексей Петрович был в этой сфере весьма осторожен. Подражая персонажу анекдота, он мог бы так изложить своё кредо: «Девушки – отдельно, зачёты – отдельно». А вот если своя студентка или аспирантка познакомит с подругой из медицинского, тогда уже другое дело... В общем, тут мой будущий муженёк обезопасился. Зато первый настоящий запой Алексея Петровича тотчас же раздал его врагам все козыри. Ведь признаки запоя скрыть трудно, даже если человек не вынужден отсиживать на работе полный рабочий день.

– Здесь многое зависит от секретаря кафедры, наверное. Ведь с нею шеф обычно общается по телефону, когда сидит дома над своими гениальными трудами. Или делает вид, что сидит.

– Абсолютно верно. К тому же, в отличие от преподавателей кафедры, которых часто проталкивает на кафедру декан, а то и ректор, секретаря как мелкую сошку заведующий кафедрой обычно подбирает себе сам.

– Это вам муж рассказывал, Анна Владимировна?

– И муж рассказывал, и сама я ведь не только в школе мыкалась с этими недоразвитыми, в последние годы до пенсии преподавала в пединституте. Насмотрелась там... Знаете, чисто женский коллектив, научные степени у тамошних дам большая редкость, следовательно, у всех остальных, не остепенённых преподавателей карьера зависит исключительно от расположения начальства. Да, вы правы насчёт лаборантки. Я ещё застала эту старушку, Лионеллу Ивановну. Именно ей, если помните, найдя её телефон среди телефончиков подружек Алекса, позвонила Риточка и предложила согреть его по старой памяти в своих объятиях. Лионелла Ивановна, та стояла за Лёшу горой. Однако в одиночку славная

старушенция немногое могла сделать, и слухи поползли по факультету. Тут ещё следует учесть, что Алексей Петрович рано, в тридцать с небольшим, защитил докторскую диссертацию, а таким людям всегда завидуют.

– Да? Но ведь и они сами дают для этого повод, разве не так? Знаете, в Одессе говорят: «Высувайтесь, высувайтесь, будете иметь тот вид!».

– Конечно, молодой человек! Кроме того, тридцатилетние доктора, как правило, весьма самонадеянны, и жизнь ещё не успела научить их дипломатии. А у Алексея Петровича ещё и хватало смелости называть ничтожества в науке ничтожествами.

– Смелости? Можно употребить и другое слово, Анна Владимировна.

– Можно. Однако согласитесь, что смелость для этого тоже необходима. Сам Алексей Петрович объясняет своё такое поведение забавно. Во всяком случае, неожиданно для меня. Говорит, посмеиваясь, что талантливым людям часто кажется, особенно в молодости, будто все вокруг имеют равные с ними способности, только вот не желают почему-то их использовать. А почему именно не желают? Да ленятся, вот почему. Отсюда и завышенные требования к сотрудникам. И стоило моему Алексею Петровичу в первый раз серьёзно подставиться, как ему все и всё припомнили.

– Подставиться?

– Он никогда не рассказывал о том своём афронте в подробностях. Только пробурчал как-то, что очнулся утром на койке в вытрезвителе, откупился всеми деньгами, оказавшимися в карманах, однако из милиции всё равно послали донос ректору политехнического.

– Телегу они, менты, послали. Тогда такая бумага называлась телегой, Анна Владимировна.

– Да? Вот любопытно мне, почему... В советских вузах деликатные дела насчет соответствия моральным критериям решала тройка: руководство, партия и профсоюз. Вызвали Алексея Петровича на заседание партбюро факультета, а он и говорит: «Я беспартийный, вы моё поведение можете обсуждать сколько угодно, однако взыскание вынести не имеете права. Вот разве что профсоюз...». И в самом деле, его мог наказать только профсоюз, но что мог сделать с ним профсоюз? Исключить? Такому наказанию он только обрадовался бы, потому что профсоюз в вузе ничего уже тогда не решал и для людей ничего хорошего не делал, только взносы собирал. Уж на что бесхарактерный и ничтожный был в то время на факультете председатель парткома, во всём соглашался с деканом, однако и он взбеленился. Говорит: «Мы с руководством факультета позаботимся о том, чтобы беспартийные больше не избирались заведующими кафедрой». Руководство же, то есть декан, оказалось в затруднении. Пошел декан к ректору, который по тогдашнему уставу начальствовал не только над факультетами, но и непосредственно над кафедрами. Тогдашний ректор был человек резкий, самодур такой, впоследствии он и министром просвещения побывал. Ректор вызвал Алексея Петровича, показал ему, не давая в руки, стопку доносов от преподавателей кафедры. Потом сказал будто бы: «С кем не бывает. Вы бы удивились, если бы узнали, какие почтенные профессора попадались на пьянстве. А вот работу с преподавателями на кафедре следует наладить. И если на вас ещё раз придет бумага из милиции, я вас просто уволю за несоответствие моральным требованиям». Алексей Петрович обиделся на ректора и теперь пьянствовал уже, запивая обиду. Вот тут-то и появиться бы снова на его горизонте нашей Риточке... Что?

А это Селифан пытался привлечь внимание хозяйки, глазами ей показывая на происходящее за её спиной. Там же несколькими минутами ранее бесшумно отворилась дверь, а в ней возник и застыл, прислоняясь плечом к боковому брусу, с виду совсем трезвый Истомин. Теперь он встрепенулся и ответил жене:

– А то, дорогая, что на самом деле Иван Трофимович рассказал мне о таких недостойных делишках иных заведующих кафедрой, в сравнении с которыми моя ночёвка в вытрезвителе выглядела детской забавой. И Риточка, было дело, действительно, здорово мне помогла, тут ты права... Вот только не пойму я никак, дорогая, зачем ты сплетничаешь о моих делах с этим пронырливым молодым человеком?

Истомин говорил спокойно, мягким тоном, однако Анна Владимировна вдруг пунцово покраснела. Она ничего не успела ответить, потому что вмешался Селифан:

– Алексей Петрович, вы как раз рассказывали мне о своей прежней дружбе с Маргаритой Львовной, когда вам стало плохо. Я вызвал Анну Владимировну, мы перенесли вас...

– Да вспомнил я уже! Думаю, нам с тобой лучше вернуться в кабинет. А моя дражайшая супруга ещё найдёт случай почесать свой язычок.

Анна Владимировна, с лица у которой уже сошла краска, ядовито улыбнулась:

– И рассказал бы ты, Леша, молодому человеку, почему ты не вступил в КПСС. Если уж мне не рассказываешь...

Поклонившись хозяйке, Селифан вслед за Истоминным проследовал в его кабинет. Тут еле слышно пахло водкой. Судя по всему, очнувшись, хозяин добавил.

– Садись, где прежде сидел, – приказал тем временем Истомин. – Итак, на чём мы, говоришь, остановились?

– Я рассказывал вам о своём детстве, чтобы доказать, что не был диссидентом. Вот на чём. А и правда, Алексей Петрович, отчего бы вам не объяснить, почему вы не вступали в партию?

– Вот вы, нынешние, называете Советский Союз тоталитарным государством, многие теперь приравнивают его к фашистской Германии. Чепуха! Тоталитаризм и фашизм предусматривают железную организованность общества, моя же беспартийность – лишь одна из примет хаоса, который на самом деле наличествовал у нас.

– Хаоса?

– Вот именно, хаоса. В настоящем тоталитарном обществе студент-отличник хорошего социального происхождения, сын погибшего на фронте лётчика, победитель во Всесоюзном конкурсе научных студенческих работ автоматически стал бы членом единственной в государстве, правящей партии. Меня же и в комсомол приняли со скрипом. В школе, правда, принимали формально, но вот в райкоме комсомола, на собеседовании, там мне досталось – и за индивидуализм, и за пижонство, и за модную тогда стрижку «канадку». Однако выдали мне комсомольский билет в обмен на обещание исправиться. Какой душевный подъём я тогда испытал! Прибежал в школу, допрыгнул до пожарной лестницы, подтянулся и залез по ней на крышу.

– А как насчёт обещания? Исправились ли вы, Алексей Петрович? – усмехнулся Селифан.

В ответ Истомина расцвел смущённой, доброй, детской какой-то улыбкой.

– Да уж! Исправишься тут... Как в одной песне моего сталинского детства пелось: «Каким ты был, таким ты и остался...». Беспартийность моя не имела серьёзного значения, пока не вышел из комсомольского возраста. А потом... Я оставался, разумеется, таким же пижоном

и индивидуалистом, как и прежде, это так. Но в игру вступили другие уже факторы, пытавшиеся упорядочить реальный советский хаос. В «Зарубежстрое» меня приглашали в партию, чтобы улучшить статистику. Я же отговаривался тем, что ещё не созрел для такой чести. Попробуй, возрази на такое! А в политехе была совсем иная ситуация: в первую очередь заботились о социальном составе партии, где должны были преобладать рабочие и колхозники, а вот интеллигенцию принимали с большим перебором. То бишь за рукав меня в ряды КПСС никто не тянул. Сейчас об этом забыли, но в те времена преподаватели вузов рвались в партию, чтобы упрочить своё положение на работе. А многие – чтобы иметь возможность завербоваться за границу, всё равно куда.

– У нас на станции одна такая дамочка, мелкая чиновница, написала заявление, в котором требовала квартиру без очереди «как молодому коммунисту».

– А вы откуда узнали?

– Мать слышала, как она в очереди трепалась, в коридоре горисполкома, – пояснил Селифан неохотно.

– На станции, вы сказали? Провинциальная тупость в придачу к глупости сработала! Лев Троцкий такую коммунисточку поставил бы к стенке.

– Удивительно, что с вашими взглядами вы не вступали в партию!

– А вот и не удивительно вовсе, – примирительно улыбнулся Истомин. – ведь одно дело исповедовать взгляды, близкие к тогдашним официальным, и совсем другое – вступать в ряды КПСС. Мне как раз тогда довелось прочесть одну книжку, затрёпанный второй том «Записок о Южной Руси» запрещённого Пантелеймона Кулиша. Запомнилось мне там одно предание, о том, как запорожцы вербовали парубков в гайдамаки. Ну, точно,

как у нас в партию принимали! Запорожец поселялся среди крестьян, а с собой привозил несколько комплектов запорожской одежды, сапог и вооружения. И вот он уговорит какого-нибудь юнца только примерить всё это, однако снимать с себя уже не позволяет: «Ты теперь запорожец, потому что одет по-нашему, по-запорожски! Пойдёшь со мною в гайдамаки!» Ну, точно как наша КПСС: выдавала корочки партийного удостоверения кандидата, а потом уже запрыгивала счастливому их обладателю на шею, словно панночка Хоме Бруту: ты теперь обязан делать то, и то, и то... Я по должности обязан был высиживать на открытых партийных собраниях: вот где были накачки! Я ж беспартийный, и то сижу и сокрушаюсь: и того ведь я не сделал, и того нет на кафедре, и что ж это мы за народ такой ленивый? Когда же сменилась власть, наш секретарь партбюро стал деканом и произносил уже столь же блистательные речи в соответствии с новыми установками... Да что ж это мы с тобой против ночи – да о всякой чертовщине, право слово?

– И в самом деле, Алексей Петрович... – и безразличным вовсе тоном. – Так, стало быть, это Маргарита Львовна помогла остановить ваш первый запой?

– Да, помогла. Заинтересовала собою настолько, что я прекратил пьянствовать. А потом мы с нею расстались по некоторым причинам – а почему именно, это касается только меня и Риты. А не кажется ли вам, молодой человек, что вы несколько уже злоупотребили моим гостеприимством, а?

Глава 16. ЛАДА: радости супружеского секса, маленькие, но ужасные открытия, и на чём сердце успокоилось

– Ты тогда не со мною был, когда был со мною, Аркадий!

– Господи, Лада... Я же пытаюсь работать! – и он жестом отчаяния показал на монитор.

Правду сказать, ничего Селифан не сумел нащёлкать достойного, когда попытался записать услышанное вчера от четы Истоминых. Однако сегодня у него свободная суббота, и после позднего завтрака, как только Лада встала из-за стола помыть посуду, он позволил себе занять общий ноутбук. У Лады, естественно, тоже выходной, и пока Селифан набивал текст, жена время от времени возникала у него за спиной, разведывая, не освободился ли комп. Конечно же, привыкла, что по субботам до позднего вечера квартира и всё, что в квартире, остается в полном её распоряжении. Однако, как оказалось, не только желание войти в «Одноклассники» или «Твиттер» её волновало.

– Повтори, пожалуйста, ещё раз. Я не совсем понял, Лада.

– И нечего тебе ныть, нечего корчить эту твою страдальческую физиономию! Подумаешь, оторвала... От чего оторвала, спрашивается? От каких таких важных дел? А я говорю, Аркадий, что ты, когда у нас с тобою позавчера получился такой замечательный секс... Ведь клёво было, правда? А ты трахался в своих мыслях не со мною, когда на меня набросился.

– Был не с тобой, когда был в тебе – ты это имела в виду?

– Пошляк ты, однако... Но можно и так сказать, – она хихикнула. – Тебе не кажется, что это нечестно, Аркадий, пользоваться моим прекрасным телом, чтобы воображать себя в койке с другой? Обжиматься со мною, думая о какой-то сучке! Извращенец, вот ты кто!

Селифан присмотрелся. Маленькие глазки жены разгорались постепенно и, обычно серо-зеленоватые, скучного такого цвета, уже поголубели и казались больше. Взгляд его скользнул вниз: утреннюю пижаму, в которой готовила завтрак, Лада сменила на коротенький красный халатик, груди под ним ничем не стеснив, на ногах снова оказались домашние туфли на каблучке, и линии её голых ног приняли именно те заветные, смутно возбуждающие его очертания... А вот себя она, это уж точно, сомнений быть не может, сейчас заводит. Как он этого раньше не замечал, что для неё необходимо сначала поссориться? Впервые пробило тут Селифану, что выбрал он для себя не лучшую форму брака...

Тем не менее его уже тоже начало забирать, подзуживать начало. Подыгрывая Ладе, положил руку на её тощенькое, в общем-то, бедро. Однако под его ладонью будто налилось оно сладким соком, и шершавая при первом прикосновении кожа вдруг показалась гладенькой и пленительно упругой, такой, что и не оторвался бы от неё... Вот и не отрывая ладони вовсе, Селифан обхватил жену рукою (под халатиком на ней обнаружили только стринги) и привлек к себе. Охрипшим уже голосом подыграл:

– И вовсе ты сочиняешь, Лодочка, я был только с тобой! С кем же ещё? Да и как оно могло быть, если мы с тобою занимались любовью?

– Противный! Да ты же называл меня чужим именем... – проворковала она и, развернув его на офисном кресле к себе, взяла под мышки и начала медленно поднимать. Халатик она успела расстегнуть, и Селифан, хотел он этого или не хотел (да хотел, сильно уже хотел, чего там!), принужден был уткнуться носом в её стройный, гладкий живот, не обезображенный ни шрамом от кесарева сечения, ни растяжками. Удивительно ли, что, скользя губами вверх по её коже, и здесь поразительно нежной и упругой, он принялся за поцелуи, сперва неохотно, а между грудками её, совсем ещё подростковыми – с немалым уже удовольствием?

– Каким же именем... называл? – это уже на дороге к дивану, не сложенному и всё ещё застеленному с утра.

– М-м-м, – ответила Лада, целиком поглощенная стягиванием с мужа футболки. – А? Госпожой Кисой... Вы что же с нею – в ката и кошку играете?

Вдруг обнаружилось, что она пожелала побаловать мужа лаской, для их общения скорее экзотической, однако, несмотря на её протесты, Селифан высвободился и, надеясь сохранить во время отлучки кураж, помчался в ванную. Уже под душем скользнул взглядом по угловой полке со всяческими кремами и шампунями, а закутываясь в купальный халат, обнаружил и флакон, обеспечивший сегодня чудесное состояние жениной кожи. Ну и дьявол с ним, с ланолиновым шампунем для ванн! Сам тоже хорош: телом чист теперь, а вот о душе такого не скажешь!

Лада ожидала его, растянувшись на раздвинутом их диване в позе «Махи обнаженной». Селифан украдкой вздохнул, припомнив, что у той испанки с грудью как раз всё в порядке: замечательные грудки натурщицы Гойи, белоснежные, изысканной формы, они одновременно и задорно торчат в стороны, и, сладкой тяжести

преисполненные, чуточку свисают, в особенности левая: та словно желает стечь на шёлковую подушку. Он удивился, почему это в отрочестве, когда чуть ли не часами пялился на скверную репродукцию этой картины, вырванную из журнала матерью и приклеенную прямо на обои, не изумительную грудь махи сверлил жадными глазами, а пухлый нежный живот, пышные ляжки, сиянием своим подсвечивающие друг друга, и маленькие, словно детские, ступни. Да уж...

Сухопарая, плоскогрудая, с ногами на тридцать девятого размера, Лада открыла глаза:

– О, да ты у нас совсем молодец... Готовченко, вот ты кто! Прямо как юный пионер.

Интересно, это она на сайте каком прочитала, что партнера необходимо подбадривать похвалами – или сама додумалась? Лада тем временем убрала тонкие свои руки из-за головы (ах, у той махи на картине и руки светились изнутри!), села на край дивана и деловито привлекла мужа к себе. Перед Селифаном оказался её стриженный затылок... вихор на нем торчал совсем мальчишеский, и он чуть было не растерял всё своё вдохновение. Однако тут же плечи её и смуглая от прошлогоднего ещё загара спина показались ему как раз женственными – а там и бёдра, и ноги с покрашенными красным лаком ноготками. Он усмехнулся: Лада не могла сейчас видеть, что он её столь похотливо разглядывает, получается, что подсматривает за ней... Ему требовалось сохранять за собою контроль, чтобы вовремя прервать ласку и уложить Ладу на постель. Он так и сделал через пару минут, а потом довольно долго ни о чём вообще уже не думал.

Очнулся, уже откатившись в сторону. Лада лежала рядом ничком, она, как и он, тяжело дышала, и трепе-

щущее её бедро горячило его влажную ладонь. Неужели на сей раз...?

Она промычала нечто неразборчивое, мягко отвела руку Селифана и принялась перекатываться через него. Он задержал её на себе, прижал, и жаркая влажная тяжесть распростертого на нём тела оказалась неожиданно приятной. Лада чмокнула его (поцелуй пришелся на бровь), скатилась с дивана и оказалась рядом с ним на четвереньках. Покрутила головой, встала на пол, влезла в туфли и постучала каблучками в ванную. Дважды хлопнула дверью.

Селифан снова улегся на спину и уставился в потолок. Любопытно, в самом ли деле Лада получила на сей раз свою долю удовольствия? Или же её крики и стоны суть обычное притворство, рекомендуемое в этих самых «Энциклопедиях молодых леди» – и чёрт бы побрал тех старых леди, которые такую бодягу пишат!

Припомнилось ему, как в четвертом классе ещё, купаясь в озере-карьере и дрожа от холода, увидел, что на берегу, чуть в сторонке от «пляжа», мужик и баба спрятались под одеяло и вроде как борются. Он тут же забыл об этом, потому что на этот раз Петька не выдержал первым и побрёл на берег, стало быть, открыл возможность выбираться, не теряя чувства собственного достоинства, из ледяной воды и для остальных. Однако уже на берегу, когда компания пыталась согреться под солнышком, тот самый мужик подозвал Аркашу с Петькой к себе. Он уже развалился спокойно на гальке, по-прежнему под одеялом, и женщина рядом с ним.

– Вот, пацаны, я вам сейчас докажу, шо клёво оприходовал бабу, – заявил мужик, на соседку по одеялу показывая толстым пальцем, и не поймёшь, пьяный или нет. – Видите: баба-то до чего покраснелась! Прямо,

как свёкла. Значит, ударно я на ней отработал, будь спок. Учитесь, пацаны.

Петька на такое разинул рот и покраснел не хуже бабы, и Аркаша, видать, выглядел не лучше, потому что мужик вдруг рассердился и шуганул мальцов отборным матом. Пьяный был всё-таки, выходит. Аркаша с Петькой от греха подальше смылись, прихватив одежку, на противоположный край «пляжа» и обсудили сказанное мужиком.

Петька тогда предположил, что баба долго не давала мужику, сопротивлялась, оттого и раскраснелась. Аркаша ответил ему важно:

– Если давать не хотела, зачем полезла с ним под одеяло? Нет, это ей стыдно стало. Баба была не против, чтобы хахаль под одеялом её трахнул, а он, вишь, ещё и хвастать про неё начал.

На том и порешили. Когда же Аркаша повзрослел, то и сам стал примечать, что некоторые женщины в конце секса здорово краснеют, а у одной его знакомой не только лицо, грудь, полная шея и плечи становились пунцовыми, у той даже и спина багровела. Однако никак нельзя сказать, что речь шла о чём-то обязательном, о правиле. Поэтому и не имело здесь значения то обстоятельство, что кровь не прилила к лицу, не говоря уж о спине, голой Лады, за которой он проследил взглядом, пока пересекала комнату.

Вот и Лада вернулась. На сей раз не стала перекатываться через него, сбоку залезла на своё место у стеночки, под ковром. Селифан и пальцем не мог двинуть, у него и язык не желал шевелиться, когда принудил себя спросить:

– Ну как, Лодочка, удалось тебе закончить?

– И ещё как... Неужто не слышал, как я тебе подвывала?

– Мне? Я разве кричал?

– Впрочем, тебе я не удивляюсь. Вам, мужикам, хоть замочную скважину подставь, говорят...

– Что за глупости...

– Вот ведь я дура. Постеснялась тебя и не сделала, чего собиралась.

– Чего же ещё? – изумился Селифан и даже голову с подушки приподнял.

– Я собиралась, когда ты от меня отвалишься, постоять ещё пару минут с поднятым кверху задом. Тогда, говорят, больше шансов залететь. Но постеснялась тебя: не захотелось почему-то, чтобы ты на меня в этой позе пялился.

– Глупости, Лодочка, – он покровительственно ухмыльнулся. – Будто сама не знаешь, что эта поза самая популярная у девушек на фотках. Ну, где легкая эротика... Эй, ты о чем это? Зачем тебе – «больше шансов залететь»? Оговорила ты, что ли?

– И вовсе не оговорила. А вот что проговорила, так это точно. Я ведь хотела поставить тебя перед фактом.

– Перед фактом? – остатки сладкой истомы слетели с Селифана, он принялся шарить взглядом по комнате, разыскивая свою одежду. – То есть когда забеременеешь? Но ведь ты глотаешь таблетки...

– Я уже с конца марта экономлю на таблетках, Аркадий. Пора уже заводить мне ребёночка. Маленького человечка, своего собственного. Который меня... любить будет.

Селифан сел на диване, к Ладе спиной повернувшись, поднял с пола футболку и джинсы, сосредоточенно оделся, сунул ноги в домашние тапки и остался сидеть, сторбившись, на краю супружеского ложа. Всю свою мужскую жизнь он страшился зачать нежеланно-

го, случайного ребёнка и платить потом за него алименты. Это во времена его детства на станции люди, как ему тогда казалось, заводили детей вполне бездумно, а взрослый Селифан весьма пессимистически смотрел на возможность своего участия в воспроизводстве народонаселения страны. Хотя... Уж если расписался с Ладой, то и вопрос о ребёнке должен был когда-нибудь возникнуть. Когда-нибудь, но не сейчас же, когда так нехвата...

– Я уж не напоминаю тебе, Лада, что твоё решение некоторым образом и меня касается. Но... Не рано ли собралась? В двадцать четыре-то года... Почему бы ещё не погулять?

– Тебя это не касается, Аркадий. На тебя у меня никакой надежды нет. А почему ты решил, что мне двадцать четыре? Мне уже двадцать девять стукнуло, муженёк.

– Но мы же отмечали твой двадцать четвёртый день рождения... – тупо возразил Селифан. – И когда расписывались, тебе ведь шёл двадцать второй год.

– Ты до того равнодушен ко мне, Аркадий, что ни разу не удосужился заглянуть в мой паспорт. А мне двадцать девять уже, и медлить с рождением первого ребёнка становится опасным. И мне действительно хочется иметь возле себя существо, чтобы меня любило.

– Так заведи собачку, так и быть! Обещаю, что даже ворчать не буду...

Не стоило ему про собачку, ох, не стоило! Лада тут же подхватила с дивана и принялась судорожно одеваться. При этом костерила мужа с экспрессией, которой давно уже в ней не наблюдалась. Еле-еле удалось ему вклиниться:

– А кто с младенцем сидеть будет? Ты же занята полный рабочий день.

Она замолчала почти сразу же. Потом наскоро обозвала его «жмотом и скрягой» и ретировалась в гостиную. Занимать комп помчалась, это уж точно. Однако же и то, что на дельный его вопрос не ответила, тоже ведь заставляет задуматься. Убегает, не отвечая, она только в том случае, если не знает, что ответить. Не иначе, как в её конторе опять ходят слухи о сокращениях или даже само начальство уже намекнуло, что Лада первая на очереди... Двадцать девять! Да какая она тебе Лада? Лада Тимофеевна, вот она кто... Следовательно, потеряв работу, она сможет сама сидеть с ребенком. Может быть, и пузом обзавестись решила, потому что беременных не увольняют. Или теперь уже нет такого закона? Господи, а как же тогда выплачивать кредиты? На какие шиши?

Заныли виски у Селифана, и он снова улегся на кровати, теперь уже сам руки под голову подложив, а ноги в коленях согнув чуток. Не очень-то удобно оказалось так лежать. Он припомнил картину: ну да, натурщицу свою мрачный Гойя наполовину положил, наполовину посадил на пирамиду из подушек, вот она и выдержала в такой позе несколько часов. И какого хрена он к «Махе обнажённой» прицепился? Ведь надо решить, пугает ли его дражайшая супружница или на самом деле завязала с противозачаточными таблетками? Эй, что там стряслось?

Хлопнула дверь, и появилась Лада. Она держала возле уха мобилку Селифана, оставленную возле ноутбука, и, подойдя, сунула игрушку ему, шепнув:

– Тебя какая-то Маргарита Львовна. Голос приятный...

– Ничего себе какая-то? Прима-балерина! – шепотом же огрызнулся Селифан и – громко. – Я слушаю!

– Это Жора вас беспокоит, господин Селифанов. Надеюсь, на сей раз я не встряла в гущу супружеской разборки, и у вас найдётся для меня минутка?

– Здравствуйте, Маргарита Львовна. Премного благодарен вам, что позвонили.

– Вот здорово! Утром я совершенно случайно попала на ваш репортаж, тот, что вы снимали в моей квартире.

– Поставили, значит...

– А вы и не знали? Обычный наш бардак... Но у вас вышло неплохо, у меня такое впечатление сложилось, будто новые фотки в своём альбоме просмотрела.

– Спасибо на добром слове...

– Кушайте на здоровье. И вот я, по дороге на дневной..., дневной спектакль то есть, придумала, чем могла бы отдариться за доставленную мне нечаянную радость. Знаете, Селифан, я так давно не заказывала контрамарки, некому было. Максим и Алекс достаточно богаты, пусть сами выкладывают денежки за билеты, а Владик слишком деликатный... Двух билетов будет достаточно?

– Да! Я вовсе не деликатный! А что идёт?

– «Аида». Я как раз в кассе сейчас, у Клёны Ивановны. Она обещает хорошие места, в партере.

– Блеск! Не знаю, как и благодарить, Маргарита Львовна...

– Знаете, Селифанчик, знаете... Надо просто подойти к третьей кассе перед началом. Сказать, что от Маргариты Львовны... Клёна Ивановна, заткните уши! Вот так... Шоколадку только принесите для Клёны Ивановны. Так принято.

– Огромное вам спасибо, Маргарита Львовна.

– До свидания, Селифан.

Глава 17. СЕЛИФАН: преимущество контрамарок; Радамес и прочие киевские египтяне; Лада как театралка; почему не стоило брать казённый бинокль в антракте

Девушка-капельдинер показала Селифану и Ладе их места в семнадцатом ряду, и Селифан, подождав, пока усядется жена, со вздохом облегчения опустился в мягкое кресло. Он успел устать от нервогрёпки, устроенной Ладой. Конечно же, она причёсывалась и красилась до последнего момента, и вылетели они из квартиры, когда времени до начала спектакля оставалось, что называется, в обрез. Слава Богу, он хоть заранее, наученный горьким опытом, смотался в универсам за шоколадкой для кассирши. Машину Лада не стала брать, опасаясь, что не найдёт в центре, где припарковаться, вызывать такси уже было поздно, побежали на станцию метро... Дребезжал звонок (как после выяснилось, второй), когда оказались на месте. Селифан помчался в третью кассу и, достоявшись (очередь двигалась быстро, ведь билетов уже не было, кроме самых дорогих), порадовался, что оставил Ладу возле главного входа: пожилая кассирша, принимая шоколадку и выдавая карточку с вписанным от руки на верхней строке заветным словечком «Кочергина», одарила его заговорщицкой улыбкой.

Зал бросился ему навстречу, как старый знакомец, признал сразу и фамильярно. Вызывающе несовременный, по-купечески, что ли, роскошный, сусальным золотом в загадочном полумраке отсвечивающий, он постепенно заполнялся. Селифан давненько здесь не бывал,

и ему бросилось в глаза, что зрители одеты, как Бог на душу положит, слишком многие в джинсах и даже в шортах, а иные дамы в таких сарафанах и платьях, будто прямо с пляжа приехали в театр. Как и раньше, много иностранцев, особенно на дорогих местах. А вот и девушка-блондинка в почти незаметном на ней комбинезоне, стоявшая в очереди в кассу перед Селифаном. Однако запомнилась она не цветущими своими телесами, а требовательным вопросом: «А что такое беньюар?». Видно, так и не поняла, потому что сейчас развалилась в третьем ряду партера, обжимается со спутником, будто на скамье в парке. Тогда, быть может, и заговорщицкая ухмылка Клёны Ивановны, обращенная к Селифану, вовсе не намекала на его особые отношения с прима-балериной, а говорила: «Мы-то с вами знаем, молодой человек, что такое ложа бенуар».

Селифан закрыл глаза, прислушиваясь к уютным звукам, наполняющим зал из оркестровой ямы, с его места, к сожалению, совсем не видной. Это музыканты настраивали свои инструменты, невзначай выдавая порой что-то очень похожее на фрагменты додекафонной музыки. А что, если и Шенбергу тоже в опере, под точно такие же звуки пришла в голову его революционная теория?

– Ты чему смеёшься, Аркадий? – подозрительно спросила Лада. – Будь добр, веди себя в театре прилично.

Он объяснил. Лада поджала губы:

– Ты, Аркадий, иногда прикидываешься слишком умным.

Селифан это замечание благополучно пропустил мимо ушей. Тем более, что оркестр умолк, свет начал постепенно гаснуть, и пошлая позолота почти утонула во тьме. Аплодисменты из середины партера и галёрки, и вот она – увертюра славной «Аиды».

Очень уж быстро она закончилась, увертюра. Словно Верди в ней только и хотел обозначить основные музыкальные темы оперы. А вот и занавес поднялся, показалась сцена, забитая шеренгами народа в разноцветных одеяниях. Все они, мужчины и женщины, сурово смотрели в зал. Потом один из них, судя по позолоченной кастрюле на голове, верховный жрец, запел... Но тут Селифан отвлекся на происходящее вверху и справа от сцены, где, собственно, ничего не должно было происходить – исключая разве тот только невероятный случай, если бы в Оперном начался пожар. Однако в этом немислимом, неприступном месте чуть ли не с потолка спустилось кроваво-красное панно, вроде того ржавого, что некогда сообщало «бегущей строкой» городские новости и рекламы на крыше многоэтажки за цирком на Евбазе. И тотчас же по панно побежали строки перевода арии, которую жрец выпевал, как положено, на сладчайшем итальянском.

– Как удобно! – прошептала Лада на ухо мужу.

Смешная! И оптимистка! Селифан попробовал следить за переводом, в результате начал отвлекаться от происходящего на сцене и, хуже того, от музыки. Пока из уст певцов изливалась звучная, однако понятная только чуточку итальянская речь, можно было представлять себе, что за красиво распетой тарабарщиной скрывается прекрасная поэзия арий и реплик. Где уж там... На панно выводились ужасающие любовные и патриотические банальности. Плюнул мысленно Селифан, сосредоточился на музыке и поплыл по волнам уже подзабытой в каждодневной суете душевной услады.

Вот, наконец, усатый верховный жрец (а разве в Египте носили усы?) вслед за упитанным, вальяжным Радамесом в последний раз воззвал к своему египетско-

му богу. Занавес опустился под аплодисменты опытных слушателей, а в зале медленно посветлело.

– Пойдем, Аркадий, купим программу. Вон к той брюнетке совсем небольшая очередь.

Обзавелись программкой. Прогулялись по фойе первого этажа от буфета справа с большим живописным портретом Тараса Шевченко на стене и до буфета слева с таким же портретом Леси Украинки. Будто спрыгнув со стены, со своей черно-белой фотографии в стильной рамке, пробежал красной дорожкой всемирно известный певец, на ходу потрянул седой пышной гривой, приветствуя.

– Ты разве с ним знакома? – изумился Селифан. – Это же сам...

– Откуда? То-то вижу, лицо где-то уже встречалось... Он с тобой поздоровался, не иначе.

– Ну да, видел в ящике и принял за своего знакомого, – буркнул Селифан.

Фойе изменилось к лучшему со студенческих лет Селифана, но вот в чём? Вдруг ему пробило: исчезли назойливые рекламы итальянской кондитерской фирмы «Ладзарелла», вот что. Поделился наблюдением с Ладой.

– Видно, срок договора истёк, – деловито пояснила она. – А толковые были рекламы? Конфеты я едала – супер!

– Неужто забыла? – удивился Селифан. – Тоненькая балеринка и эти самые конфеты. Если бы она к ним действительно прирастилась, растолстела бы, конечно.

– Я, если честно, очень уж давно была в этом театре, точнее, так и вовсе не приходилось бывать. Только вот что я заметила: актёры на сцене были именно толстова-ты. И этого, главного мачо, который и с белой фараоншей, и с чёрной крутит, там называли юным, а ведь ему хорошо за пятьдесят.

– Ты говоришь, Лодочка, о совсем разных вещах. Древние египтяне, судя по их искусству, были худенькими, субтильными, тут ты права. Мне ещё показалось, что на артистах было слишком много всякого разного надето, как для жаркого Египта. Однако ведь артисты – наши соотечественники, а мы не в пример упитаннее древних египтян. Да и нынешних тоже. Я уж не припомню... Тебе доводилось летать в Египет на отдых?

– Да нет, только в Турции побывала... По горячей путёвке. Из турагентства на том же этаже, где и наш офис.

– А что главные партии исполняют люди немолодые и вовсе не стройные, это как раз нормально. Это же опера, а не кино. Тут главное – голос да мастерство пения, а оно совершенствуется с годами. И певцу невыгодна худоба, потому что голосу необходим резонатор. Вон знаменитая Мария Каллас весила сто килограммов, и рассказывают, что муж специально...

Рассказал Селифан байку о том, как муж-адвокат сумел уменьшить вес Марии Каллас на тридцать кило, а там и третий звонок на второе действие. Совершенно инстинктивно попробовал он быстрее добраться до партера, но не тут-то было: фойе спереди закупорили неторопливо вышагивающие мужики в чёрных костюмах, вчетвером едва ли не под руки взявшиеся, будто парни на сельской улице. И болтают громко, не желая смирять свои на плацу выработанные командные голоса, чепуху всякую несут:

– ...ведь и в прошлый раз имелись агентурные данные. И точно такой же слив был в прессу об этих штатовских так называемых семинарах.

– Ничто не ново под луной, Лукьян Павлович. Но есть и разница: теперь и речи нет о тактике ненасильствен-

ных действий, а чему учат? О-го-го, чему там учат! Я бы на месте...

Тут Селифану и Ладе удалось, бормоча извинения, протиснуться мимо чёрнокостюмных крепышей, и не опоздали, слава Богу. Оказалось, что Лада ещё больше Селифана боялась не успеть, потому что воображала, что с началом действия партер запирается. Уже при меркнувшем освещении он присмотрелся – девушка-«беньюар» в крошечном комбинезоне и её спутник на свои места не вернулись. А Селифан, он всю сцену противоборства Аиды и Амнерис просидел, прикрыв глаза и только слушая музыку. Было чудесно, но потом сменились декорации, египетский народ принялся танцами встречать Радамеса-победителя, а Лада зашелестела мужу на ухо:

– А которая из них она?

– Кто – она? – не въехал Селифан.

– Которая нам бесплатные билеты устроила, кто ж ещё?

– То есть контрамарки... Она в этом спектакле не танцует.

Он говорил с полной уверенностью, потому что проштудировал программку. Да и какую партию, ей, приме, здесь танцевать? Хотя... Изображать юных египтянок, счастливо отплясывающих на площади Фив, она могла в те ещё годы, когда была влюблена в чёрного жука Истомина и трогательно пыталась вывести его из запоя. И ещё казалось Селифану, что это не в стиле госпожи Икс – устраивать для себя смотрины жены любовника. А потом, под музыку Верди, потекли мысли Селифана столь прихотливым путём, от прекрасной госпожи Икс, однако, в сторону не сворачивая, что он смутился, когда Лада, опять-таки пристойным шепотком, попеняла ему, что не взял для неё бинокля. Он промолчал, хотя мог

бы сказать, что театральные бинокли здесь древние, с разболтанной резьбой и потёртой оптикой, толку от них чуть, а в залог пришлось бы оставить мобильник. Стоп, в антракте надо будет разблокировать машинку и проверить, нет ли СМС-ки от Жоры, а то и самому звякнуть Жоре, ведь сюжет о Кочергиной и её друзьях вышел в эфир неспроста... Любопытно, однако, что именно на сцене возжелала рассмотреть в бинокль Лада? Не кордебалет ли? Древнеегипетские юноши, равно как и девушки-фивянки, одеты, в отличие от хористов, сообразно климату их полуденной отчизны, так не хотела ли Лада присмотреться к полуодетым и босым танцовщикам поближе? Прямо как в XIX веке, когда петербургский чиновник мог полюбоваться обнажёнными девичьими ножками разве что летом на речке, из кустов подглядывая за купающимися деревенскими нимфами, или вот на балете в бинокль. Ведь доступная бедняге женщина, законная супруга или любовница, представляла перед ним в сорочке до пят и при свете тусклой свечи.

А там, на сцене, уже Радамес-триумфатор мечется между двумя возлюбленными, однако не классический выбор между блондинкой и брюнеткой ему предстоит, а между толстой чернокожей (в гриме – шоколадной) рабыней Аидой и царевной Амнерис, белолицей, куда более стройной и моложе лет на десять. Вот только Аида поёт не в пример лучше... А ведь получается, что Радамес делает худший выбор – точно так же, как принц в сказке о Золушке. Только у старика Фрейда выходило, что принц выбирал смерть, а она оказалась любовью, а у Радамеса вышло всё с точностью до наоборот... Где он об этом прочитал? Или вдруг вспомнилось из давней лекции доцента Владика, деликатного приятеля госпожи Икс?

– Ты никак заснул, Аркадий! Веди теперь меня в буфет.

Он выбрал правый буфет, тот, где на жующих взирает задумчиво усатый Тарас Шевченко. Народу уже побавилось там, и Селифан без особого труда разжился двумя бокалами красного сухого и четырьмя бутербродами всё равно с чем.

– Вот ведь не думала, Аркадий, что ты такой злостный критикан, – заявила Лада, покончив с первым бутербродом. – А по мне, так всё на ять. Спасибо тебе, что вывел меня в театр. В кои-то веки.

– Просто мы мало разговариваем с тобой, Лодочка, – усмехнулся он. – Потому и делаем сюрпризы друг другу. Утром ты мне, а сейчас я, оказывается, удивил тебя. Твоё утреннее заявление, ну, то, касаясь таблеток, ведь не было серьёзным, правда?

Она промолчала. Селифан пожал плечами и был вынужден продолжать:

– Да, опера великого Верди выше всяких похвал. Пусть сценарий простоват, текст его порой наивен и банален, главное – музыка. А музыка «Аиды» гениальна, и меня даже, признаюсь, оторопь брала, когда я пытался понять, во сколько раз она выше того, чем я занимаюсь на работе, и того, что пытаюсь кропать в свободное время. Однако одно дело «Аида» как таковая, как произведение музыки, которое наш квалифицированный оркестр не сумел испортить, и другое дело, как её поставили здесь и сейчас. Главный костюмер свой провал ещё сумел бы объяснить: я-де одевал солистов и хористов не как древних египтян, а как современников Верди, играющих древних египтян – и я бы заткнулся.

– Я же сказала: критикан... Я присматривалась: там были клёвые фасончики. Ты, кажется, не собираешься брать второй бутерброд?

– Ешь на здоровье. Но вот главный декоратор так легко бы у меня не отделался. Ты помнишь этот ужасный задник, вид на ночные Фивы? Перед дворцом или храмом – по пять сфинксов с каждой стороны, везде натканы одинаковые обелиски. Мог бы сказать декоратор, что вырос в тесноте коммуналки, однако я бы такое оправдание его халтуры не принял...

Тут за столиком, выскочив из-за спины Селифана, оказался мужичок небольшого роста – очень пожилой, с лицом в мелких морщинках и с боцманскими усами. Быстро допил остаток вина из принесенного с собою бокала, плеснул в бокал темной жидкости из серебряной плоской фляжки, отхлебнул, крякнул и обратился к Селифану:

– Молодой человек, простите, что вмешиваюсь в ваш разговор с девушкой, однако я в очень близких отношениях нахожусь, в родственных, собственно, отношениях со сценографом этого спектакля. Он, как положено, народный художник, ездил вместе с театром по Европе и в Канаду, везде видели его декорации, однако никуда не пригласили. Вам, что же, неизвестно, что все лучшие художники давно уехали из этой страны? И не стоит ли вам самому задуматься над тем, отчего вы не уехали? Отчего остались и кривляетесь в глупой передаче на продажном канале?

– Не лучший это способ полемики – «Сам ты дурак», – вежливо заметил Селифан. – И, к сожалению, корпоративное чувство локтя заставляет меня...

– Было очень приятно, – Лада заметила церемонно. – Мне нужно посетить дамскую комнату. А ты, Аркадий, возьми мне всё-таки бинокль.

– Очень надеюсь, что ваша девушка желает рассмотреть в бинокль декорации моего родича, чтобы найти в них хоть что-нибудь хорошее... – примирительно за-

явил усач. – Не желаете ли глоток коньяку? Я согласен, что декорации посредственны. Однако ведь время такое наступило. Мы живем, точнее сказать, я доживаю в эпоху, когда торжествуют воры, наглые мошенники и посредственности, не умеющие или боящиеся воровать либо мошенничать.

– Вполне возможно, вы и правы, – улыбнулся обзванный ни за что ни про что посредственностью. – За предложение спасибо, но мне ещё сегодня работать. А теперь мне пора идти: надо же выполнять поручение. До свидания.

Усатый старичок кивнул, а Селифан, в душе посылая его подальше, отправился в гардероб. Там стояла летняя тишь да гладь, да Божья благодать. На биноклях сидела только одна старушка, настоящий седой одуванчик, в строгой форме и с белым пухом, светящимся вокруг круглой головы. Однако неудачно выбрался за биноклем Селифан: старушка как раз ужинала. Подойдя всё-таки поближе, увидел он, что гардеробщица ест нечто ярко-красное, а сделав ещё пару шагов, рассмотрел, что отрывает вставными, несомненно, челюстями куски от тушки не то крольчонка, не то жирной крысы. Заприметив Селифана, старушка повернулась к нему, улыбнулась кровавым ртом и приветственно подвигала кончиком запачканного алой кровью крючковатого носа:

– Вы что-то хотели, молодой человек?

Глава 18. **ВЛАДА ЧЕРНЯК: астраханская версия финала «Аиды», три Т-72А ставят точку в конце интервью, странное предложение банкира**

Жора сладко зевнул и спросил лениво:

– Итак, водил жену в оперу, повышал совместный уровень культурки? Ну-ну...

Шёл обычный трёп, позволяющий убить время в засаде. Подстерегали Владу Черняк, которая могла выскочить на рассвете из подъезда, чтобы в облике девушки с веслом побегать, набираясь здоровья, по аллеям Парка Славы. Могла вылететь в неглиже, а могла и продряхнуть до полудня. Сорокадвухлетняя звезда непритворно взбалмошна и непредсказуема, однако Жора всё-таки надеялся, что удастся застать диву врасплох. Тогда Селифан перекроет ей путь и успеет спросить, правда ли, что она сняла квартиру для своей двоюродной сестрицы-старлетки только на два месяца, подсунет ей микрофон, а Вован увековечит всю сцену для благодарных зрителей программы «В гостях у звезды».

Только половина шестого утра, они прикатили сюда на казённом пикапчике минут десять назад, всем ужасно хотелось спать, и Селифан, надеясь перебить дрему болтовней, ответил с нарочитой любезностью:

– Примерно так, шеф. Чтобы отдохнуть от нашей халтуры собственноручного изготовления.

– Бунт на корабле, дружище? Тебе не нравится мой гениальный замысел? – притворно нахмурился Жора.

– Конечно, не нравится! – ухмыльнулся Селифан. – Я просто поставил себя на место Влады. В кои-то веки

женщина решит подумать о собственном здоровье, натянет майку и спортивные трусы, чтобы побегать на свежем утреннем воздухе, а тут к ней пристанет идиот какой-то в костюме и при галстуке... Это в полшестого утра! Перехватит – и давай допрашивать о всяких неприятных пустяках. И ещё, Жора: припомни, что ты почувствовал сам, когда тебя в последний раз застукали на улице без макияжа? Да Влада пошлёт меня – вот и всё тебе интервью.

– Это ты так полагаешь, что пошлёт, потому как сам ты далеко ещё не «звезда», Аркадий Селифанов. Влада же будет рада любому случаю пропиариться.

– Ты не понял, Жора. Мне не нравится, как мы с нею хотим поступить. Мне Влада симпатична, знаешь ли. Настоящая современная, обалденно свободная женщина. Родила ребёнка без мужа, не побоялась. Теперь спит с теми, кто ей по душе, и в загс с ними ходит разве что через раз. Содержит себя сама, насколько мне известно.

– И офигенно красивая. Шикарная баба, – вздохнул Вован. – Признайся, Селифан, что у тебя на неё и стрелка компаса указывает.

– Да уж, Вован, что тут скажешь? Лицо ещё можно намалевать, но тело у неё от папы с мамой, удивительное тело, длинные красивые ноги... Помните ли, ребята, старый клип, середины ещё девяностых, где Влада в чём мать родила лежит в ручье, а вокруг водяные лилии? Чего она там при этом мяукала, другое дело, но до чего же красиво струилась по ней вода!

– Да тебе тогда не больше пятнадцати было, Селифан! – и Жора расхохотался. – Признайся, что под этот её клип ты неправильно обращался со своей пиписькой, озорник!

Селифан в ответ расхохотался Жоре в лицо. Смотрел он тогда в ящик из-за плеча пьяной матери, а полови-

ну экрана заслоняла кудлатая голова её очередного уха-жёра, тот ещё матерно комментировал клип. Какие уж там недозволенные манипуляции с пиписькой? А ведь интересно, неужели уже тогда он начинал мечтать о ТВ?

– Кончайте собачиться, мужики, – рассудительно заявил тут водитель-хиппи. – А то ещё рассоритесь на пустом месте.

– Тоже мне нашел пустое место, хиппарь! – прикрикнул в шутку Вован. – Сама Влада Черняк! Ну почему же, почему на моём одиноком пути не встречаются такие женщины?

– А я вам говорю, оставьте эту тему, давайте о другом. Вон Селифан в оперном побывал. В нашей ведь тусовке такие подвиги нечасты. А что давали?

– «Аиду» давали. «Аиду» Верди киевского разлива.

– Верди до конца никакой постановкой не испортишь, – убеждённо заявил водила. – Там такая музыка, живая будто... И почему ещё мне нравятся оперы Верди? А в них не бывает хэппи-эндов, вот почему. Оперы, а к жизни ближе, чем голливудские фильмы.

– Однако же ты и сравнил... – прыснул Вован. – Кое-что с пальцем.

Жора, ослабившись, похлопал Селифана по плечу, прокашлялся и заявил, как не в чём ни бывало:

– Ты, Вован, всё-таки на дверь подъезда посмотривай, чтобы... Не дай того Бог, ещё пропустим. А я пока расскажу кое-чего насчет хэппи-эндов у вашего Верди. Вообще же я на такие темы предпочитаю трепаться по телефону, перед собою имея включенный комп с поисковой системой «Google» наготове. На такие высокоинтеллектуальные темы, я имею в виду. Однако «Аида» – дело другое. Есть у меня, что о ней и экспромтом сказать. Я эту байку услышал некогда в Харькове, куда меня занесло, помнится, на спортивные соревнования. Вече-

ром вдруг вырубился в том городском районе свет, делать было абсолютно ничего, кроме как сидеть в тёмном номере на дюжину коек и чесать языки. И вот дошла очередь до одного мужика, и он рассказал, как учился в Астрахани, кажется, в рыбном институте.

– А ты сам каким видом спорта тогда занимался, если не секрет? – прищурился хитро Вован.

– Да я и не скрываю вовсе... Спортивным ориентированием. Так мужик рассказал, что в Астрахани есть Театр драмы. И при советской по-своему культурной власти туда, в Тмуторокань эту, по разнарядке отправляли на гастроли всяческие театры, в том числе и оперные. Однажды привезли из солнечной Молдавии «Аиду», и астраханцы дружно набились в зал. И вот уже последний акт заканчивается, главный герой и эта самая Аида...

– Радамес, – подсказал Селифан.

– Точно, Радамес! Радамес и Аида, обнявшись, прежалостно поют о том, как умрут от голода в темнице. И тут вдруг со страшным грохотом рушатся декорации, стены этой самой тюрьмы. Сцену и половину зала заволакивает пылью, в зале кричат и хохочут, а артисты, смертельно бледные от перепуга, исправно продолжают петь, ещё теснее цепляясь друг за друга. Вот!

– Здорово! – восхитился водила-хиппарь. – Это ведь прямо по Пушкину получилось:

Темницы рухнут, и Свобода
Вас встретит радостно у входа...

– Не помню такого... – насутился Жора. – Это разве из Пушкина?

– Эх, мужики! Не в тех вы, салаги, школах учились!

– Вот ведь не ожидал от тебя, Жора, что притчами

заговоришь, – это Селифан встрял, – А они, эти артисты, не научены были импровизировать. Им надо было прекратить жалостную арию, подняться с камня и уйти, за руки держась, со сцены.

Вован подхватил:

– Выйти, говоришь? Выбежать, на одной ножке подпрыги... Хлопцы! Атас! Это она! Красотулечка наша!

И первым, подхватив камеру, выскочил из тачки. За ним – Жора с воплем: «Снимай всё!». Селифан, поправляя на ходу прическу, стартовал последним, однако обошёл коллег и успел перехватить эстрадную диву перед тем, как она должна была повернуть на дорожку к подземному переходу. Стоял, не пропуская, и только улыбался бессмысленно, пока не притопал Вован и не начал снимать. Тогда уж, на легко подкрашенное с утра (слава Богу!) личико «звезды» уставившись:

– Здравствуйте, Влада. И уж извините, что к вам в такое время и не предупредив. Это передача «В гостях у звезды»...

– Да уж узнала я, кто... – она так и не поздоровалась. Улыбнуться в камеру и не подумала. – Неужели вы – и договорились с Игорем? Ничего себе, даже не знаешь, как зовут моего продюсера... Так пошли вы...

– Пойдём мы, пойдём, куда денемся, Влада Васильевна... Но и вы ответьте, пожалуйста, на один-единственный вопрос. Скажите, правда ли это, что вы сняли для своей племянницы, начинающей певицы, Лаймы Мир, квартиру на два только месяца?

Гладенькое личико дивы исказилось. Она подбоченилась, словно Одарка в «Запорожце за Дунаем», и переспросила, чётко на сей раз выговаривая:

– Я сняла квартиру – на два месяца – для кого? Повтори!

– Для своей двоюродной сестры Лаймы... – и ахнул. – Неужели?

– У меня нет никакой двоюродной Лаймы, – отчеканила она. – Заруби это себе на носу!

– Будто бы из Черновцов. Говорит, что вы ей протезируете...

– Херня. Все знают, что я киевлянка. Вот ведь сучка приبلудная!

Жора значительно кашлянул за спиной Селифана. Однако тот и без подсказки успел сообразить, что нужно теперь сказать.

– Дорогая Влада Васильевна, – заговорил проникновенно. – Вы ведь прекрасно знаете, что мы вырежем из этой записи всё, что не понравится вам или вашему уважаемому Игорю. Однако только что мы с вами вышли на сенсацию! Около вашей тусовки появилась самозванка. Новость тотчас же подогреет к вам интерес. Фанаты вострепечутся! Рейтинг подпрыгнет! Я сейчас, сходу, припоминаю только самозваного брата-близнеца Стаса Пьехи. Но кто такой Стас Пьеха в сравнении с вами?

– Мне пиара и без того достаточно, – махнула дива холёной ручкой. Но тут же призадумалась. – Не хотелось бы решать с маху. Вы свяжитесь всё-таки с моим продюсером.

– Обязательно, Влада Васильевна, обязательно! Теперь последнее. Вы ведь согласны, что мы имеем право сообщить это нашим зрителям? – он набрал воздуха и проскандировал. – На самом деле вы, Влада Черняк, не снимали ни для какой Лаймы Мир никакой квартиры!

Дива пожала плечиками, гордым подбородком приказала Селифану посторониться и побежала трусцой в сторону подземного перехода. Вован, естественно, по-

вёл камерой вслед за нею, а Селифан получил, наконец, возможность вытереть пот со лба.

– Нет, я балдею, – заявил Вован, укладывая камеру на сиденье. – А ноги, ноги какие! Умереть и не встать! Такого ведь не подделать, хлопцы!

– Можно подумать, что и на ноги не найдётся пластического хирурга. Какая разница такому мяснику, где ему подрезать и зашивать? – это Жора проворчал, думая явно совсем о другом. – Теперь моя работа пошла, ребята. Но сперва, Вован, я посмотрю, что тебе удалось здесь снять. И сделай, чтобы не забыть, панораму высотки.

– А я свободен, шеф? – осведомился Селифан. – Хотелось бы всё-таки придавить щеку.

– Давай, театрал, только мобилку не выключай. За тобою ещё, если я правильно просекаю ситуацию, сегодня к вечеру голос «за кадром».

Тут Вован принялся Жоре что-то своё операторское объяснять, однако их голоса заглушил внезапный рёв дизельных движков, а обочину заволокло вонючим дымом. Селифан выскочил из машины: три танка нагло пёрли по асфальту, заставляя тачки обывателей прижиматься к обочине, люки были открыты только у механиков-водителей.

– Т-72А, – определил Вован. – И чего они тут потеряли в такую рань?

– К парламенту пошли, – предположил Жора. – На дорожное полотно теперь всем наплевать. Что ж, и мы по коням, парни?

Водила-хиппарь подбросил Селифана к станции метро, и через полчаса он, зевая во весь рот, писал записку Ладе, чтобы не будила и завтракала одна. Из вязкого, тягостного сна вырвала уже опостылевшая синкопа мобилки. Взглянув одним глазом на будильник (половина

одиннадцатого – рановато для Жоры!), щёлкнул неверным ногтем по надписи «Ответ».

Голос банкира Вячеслова разбудил его окончательно:

– Почему вы не отвечали мне по переговорнику?

– Был на работе... О-о-о! Только что заснул... Здравствуйте, Максим Лукич.

– Через четверть часа Лёня вас заберет.

И сразу же отключился. Селифан чертыхнулся и побрёл на кухню проверять, остался ли кофе.

Холодный кофе не помог. Как только Селифан убедился, что Лёня везёт его в квартиру-«бункер», он улёгся на сидении и задремал.

– И чем это вы ночью занимались? – вместо приветствия поинтересовался банкир.

Селифан сообщил. А также о том, что передача о четвергах у Кочергиной вышла в эфир.

– Так ведь вроде решено было не выпускать. Что же изменилось?

– Новая установка поступила, будто бы из кабинета министров. Развлекать народ всеми способами. Отвлекать то бишь от происходящего. Неужели, Максим Лукич, положение столь скверно?

Банкир помолчал, пристально разглядывая сбрасывающего с себя остатки дрёмы собеседника. Усмехнулся:

– Я вот одну пословицу у Даля нашёл и всем повторяю: «Утёк не славен, да пожиточен». Те, кто сейчас уезжают, сделали правильный выбор. Только драпать надо за границу, а не в провинцию: на местах народ куда беднее, следственно, и злее. А вы будто сами не видите, что происходит, Селифан?

– Я? Да мне головы некогда поднять! Вот, бегаю за Владой Черняк... А зачем вы меня хотели видеть, Максим Лукич?

– Дело в том, что я не могу уехать, потому что потеряю тогда бизнес. И личная для меня опасность возрастает: под шумок врагам легче от меня избавиться. А вы у меня прошли пару тестов, сначала на честность, потом оказалось, что вы не попытались подбивать клинья к прекрасной нашей Леночке.

– А разве должен был? – неприятворно изумился Селифан.

– Вы же получили от меня поручение помочь ей в случае кризиса. Да любой бы на вашем месте не упустил бы такого случая и непременно стал бы назначать свидание или приглашать на ужин!

– Эх, проворонил, что называется...

– Или слишком увлечены нашей великолепной Марго... Так или иначе, решил я расширить данное вам поручение на случай внезапного своего переселения на пажити небесные. Вот, держите, – и он подвинул по столу к Селифану электронный ключ и пластиковую карту, обмотанную полоской бумаги. – Теперь вам придётся спрятать здесь всю нашу великолепную четвёрку с жёнами и детьми... Детей, впрочем, в Киеве ни у кого нет. Спрятать, чтобы мои друзья спокойно пересидели любую заварушку. Вы тоже с ними, понятно.

– А что за кредитка?

– Там сумма в евро, на случай, если придётся всех вывозить. Не беспокойтесь, это из личных моих денег, не банковские. Снять половину следует сегодня-завтра, пока банкоматы не выключились, а банки не прекратили платежи. А остальное можно будет получить и за горбом, карточка почти универсальная.

– Ничего себе!

– Разумеется, вы возвращаете мне евро, счёт из банкомата и карточку, если вдруг всё наладится, а мои личные опасения окажутся беспочвенными.

– Голова кругом идёт...

– А теперь вернёмся к прерванному интервью. Или вы уже передумали писать свой... э-э-э... сценарий?

– Если вы правы насчёт обстановки, то сочинять любовные истории вскоре станет одним из самых безопасных занятий...

– Так вот и расскажите мне, как это вы в весьма раннем возрасте ухитрились потерять невинность. А то раздражали-раздражали, да так и не рассказали.

– Кто из нас двоих даёт интервью? – огрызнулся Селифан.

Глава 19. СЕЛИФАН: баба Лиля как злой Монтекки; оппозиция Жулька / Джульетта; весьма необычное празднование 9 мая у тёти Зины

– Вы неплохо рассказываете, – признал неохотно Вячеслов – и с притворным увлечением. – Так это ж удобно для вас как писаки: наговорить сейчас, обращаясь к сочувствующему вам всею душой интеллектуалу-собеседнику, а потом вставить в сценарий!

– Было бы чего вставлять, – пробурчал обозванный писакой. Впрочем, он уже перенёсся в прошлое. И кто знает, может быть, и пришла уже пора оживить воспоминания, некогда донимавшие тягостным стыдом, взглянуть на них – из сегодняшнего уже дурдома – трезвым взрослым взглядом. – Вы, надеюсь, не забыли, что мы с матерью жили на маленькой железнодорожной станции, снимая флигель у хозяйки двора?

Кое-что о любви между мужчиной и женщиной Аркаша уразумел, наблюдая посещения матери ухажёрами, хотя, конечно же, его выставляли из флигеля в самые завлекательные моменты. То есть ревность мучила его страшно, однако ж и любопытство сквозь злые слёзы пробивалось. Одно он твёрдо усвоил – это, что такая любовь не живет без перебранок и даже драк. Да ведь и у бабы Лили то же самое: как придёт к ней тот толстый поклонник, так всенепременно поссорятся и наорут друг на друга.

Вот любовь у собак куда больше пришлась ему по душе: Полкан и отпущенная с цепи Жулька гоняли, под-

жав уши, по двору, играли всячески, притом даже улы-
бались друг другу по-собачьи, а если Полкан, пёс-здо-
ровяк себе на уме, и показывал, будто хочет куснуть
подругу, так только в шутку. Однако одна из их игр
удивила Аркашу и обозлила до невозможности Жульки-
ну хозяйку, бабу Лилю: она принялась лупить Полкана
по спине черенком от лопаты. Пёс посматривал на неё
виновато, но с Жульки не слезал. Где-то через месяц
у Жульки выросло большое брюхо, а потом она снова
похудела. Аркаша болел тогда, от температуры у него
путалось в голове, поэтому пропустил мимо ушей, если
мама чего о сучке и говорила. Однако весной, как толь-
ко стаял снег, история любви Полкана и Жульки напо-
мила ему о себе.

Была в том дворе его детства заповедная, запретная
зона. Аркаше не позволялось заходить в узкий тупичок
между соседским забором и выходящей на него стеной
той половины большого дома, в которой жила сама хо-
зяйка, баба Лиля. Видно, потому запрещалось, что отту-
да можно было заглядывать через окна в комнаты хо-
зяйки, где Аркаша так и не побывал. А запретный плод
сладок. Да только ли какой-то там плод? Он прекрасно
помнил, что и в сказке ведь родители говорят царевичу:
«Можешь расхаживать по всем комнатам дворца, вот
только в эту каморку ни ногой». Конечно же, и Аркаша
осмелился в конце концов нарушить запрет.

Он догуливал тогда последний вольный день, даро-
ванный ангиной. Мать была в рейсе, ушла ещё затемно.
Аркаша дождался, что и баба Лиля побежала на работу,
постукивая по льду подошвами меховых своих ботинок,
«румынок». Вот хлопнула калитка. Аркаша замотал шею
шарфом, накинул куртку и вылез под весеннее солныш-
ко. Пересёк двор, рассеянно кивнув Жульке, замаха-
вшей умильно хвостом. Осторожно отставил в сторону

проржавевшую дверцу от кабины и проник на вражескую, даже заминированную, быть может, территорию. Игра то была, игра, и мины опасался понарошку, однако не на пустом же месте игру придумал: под узким прямоугольником серого забора, перекрывающим тупичок со стороны улицы, давно приметил он груды бурых от застарелой ржавчины ребристых коробок с фрицевскими противогазами. Пристально потому смотрел под ноги – и, не удержался, ахнул: из-под пластов грязного, полупрозрачного льда высовывались маленькие собачьи тельца. Показались они Аркаше совершенно плоскими, из одной кожи, и если бы не были похожи на Жульку, словно уменьшенные копии, можно было бы принять их за выброшенные кожаные перчатки.

Он попятился, выбрался из тупичка и поставил на место дверцу. Подошёл к Жульке, присел возле неё на корточки, принялся гладить по шелковистой чёрной голове. Она в ответ пыталась лизнуть его руку. Заплакал Аркаша, вдруг сообразив, что не откроет он бедной сучке никакой тайны: ведь явно на её глазах баба Лиля утопила щенят-несмышлёнышей, ещё слепых, в ведре для угля и выплеснула вместе с грязной водой в тупичок. Потом, хлюпая носом, он рассказал Жульке о Ромео и Джульетте. Ему жаль было враз потраченной на тайный поход в видеосалон несчастной своей заначки, жалко не съеденных школьных завтраков, но и фильм оставался ещё ярок в памяти. Вдруг осознал тогда Аркаша, что любовь дворовых собак завершилась куда страшней и беспросветнее, чем у киношных красавца и красавицы.

А одной из следующих вёсен, когда заканчивал, отвлекаясь на всяческие хвори, шестой класс, начали мучить Аркашу соблазнительные сны и другие признаки неприятности, подаренной ему природой: оставаясь внешне довольно-таки инфантильным мальчиком, фи-

зиологически он превращался в мужчину. Однако именно мучиться, страдать от такового дисбаланса Аркаше пришлось недолго. Помогла, чёрт бы её за то подрал, одна из маминых подруг, тётя Зина, тоже проводница, помоложе только.

Первого мая, в бывший праздник, Зинка пригласила маму на пикник за городом и предложила взять с собою паренька, «чтобы у тебя копошился под рукой». Компания собралась не лучшая для Аркаши: бабы-проводницы, все как одна, разведённые, в большинстве своём больше похожие на маму, чем на стройную красавицу Зинку, да их забубённые ухажёры-железнодорожники. Однако он впервые в жизни попробовал настоящий шашлык и выдудлил чуть ли не литр кока-колы. А пока хозяева машин пьянствовали и лапали баб, где не положено, он залазил по очереди на водительские места то «лады», то «газели», то «запорожца» и наигрался до упаду. Однако был в той сумасбродной маёвке момент, запомнившийся ему навсегда: тётя Зина, в очень открытом цветастом сарафане, проходила мимо – и вдруг повернулась, чтобы выmaterить очередного остряка. Смуглая её спина с родинкой под лопаткой оказалась перед самым носом у Аркаши, и его впервые не во сне, а наяву стыдно передернуло, да так, что пришлось спрятаться за «Газель».

А там и правильный праздник наступил, День Победы. У матери сутки выдались рабочими, однако она оставила для Аркаши поручение. Надлежало забрать у Зинки мамину игрушку, электрическую плойку для волос: подруга выпросила попользоваться, да так и забыла принести. Аркаша решил сходить к тёте Зине до обеда, когда пьяных на улице ещё немного. Умылся, причесался, надел чистую рубашку. О школьной форме тогда все давно забыли, и он носил в школу костюмчик, ему уже

тесноватый. То, что нет у него выходной одежды, Аркашу не смущало, мешало ему только, что рукава куртки стали коротки.

Главная улица нарядно пестрела красными флагами, из окон, распахнутых по весеннему тёплому времени, гремели военные песни и марши. Это в домах заходились от крика телики, у всех сегодня переключенные на московское ОРТ.

А вот и двухэтажная на два подъезда домина для VIP-персон станции. Фартовая Зинка, на зависть всем подругам, после второго развода отхватила здесь отдельную однокомнатную с настоящей ванной и газовой плитой. Сегодня Аркаша надеялся всё это увидеть, а вдруг и газ тетя Зина позволит самому зажечь...

– Здорово, шкет! Замечтался, что и своих не узнаешь? – это он чуть не налетел на празднично приодетого, в чёрной кожаной куртке, мужика. Пахло водкой, табачным дымом.

Что-то там пробормотал Аркаша в ответ, однако мужика рассмотрел только со спины, когда потопал тот дальше по тротуару. И в самом деле, знакомец. Бывал у матери, вот только, как зовут, не вспомнилось. Обернулся к дому, поискал глазами, где может быть окно тети Зины, если у неё восьмая квартира во втором подъезде и на втором этаже? И вот, совсем не там, где вычислил, увидел женский силуэт в окне. Причёска, как у тети Зины, но она ли, не успел определить, потому что занавеска задёрнулась.

Рядом с нужной дверью из стены торчала кнопка электрического звонка, но позвонить не удалось: проводки из кругляша выдернуты. Только стукнул согнутым пальцем под прибитой гвоздиками чёрной восьмеркой, как дверь подалась вовнутрь.

– Тебе чего, Аркаша? – тётя Зина стояла в дверях в том самом открытом сарафане, что на маёвке.

– Да мать послала за пloidкой, – солидно пояснил он. – Ой, здравствуйте, тётя Зина! С праздником Победы вас!

– Ага. А Глашка разве не в рейсе сегодня?

– Ну да.

– Что ж, заходи.

Она посторонилась. Аркаша протиснулся мимо, на него пахло приторно-сладкими духами, лёгким перегаром – и чудесным запахом её разгоряченного тела. Он сразу догадался, чем тут занимались, тем более, что в комнате стоял тот же сладковатый дух, что и в их с матерью жилье, когда его впускали в дом после очередного визита ухажёра. Огляделся: на диване смятая, не застеленная постель, круглый столик посреди комнаты накрыт на двоих, закуски разорены, водки в бутылке осталось пальца на четыре... Он вздохнул.

– Видела я тебя, парень, в окне. Ты маршировал, как настоящий солдат.

– Так ведь марш играли...

– Да, «Прощание славянки». Хочешь, выпьем с тобой за Победу?

Аркаша кивнул. Выпитое почти не отразилось на тётя Зине, разве что движения стали суетливыми.

– Я тебе в свою рюмку... Не побрезгуешь?

Водка обожгла ему во рту и в горле всё, что только можно было обжечь, с огромным трудом заставил себя не закашляться. Почти тотчас же комната перед глазами расплылась, в ушах зашумело. Да устоит ли он на ногах?

А тётя Зина уже поставила рюмку, легко скривилась и церемонно промокнула губы белым платочком. Подняла на него свои зелёные русалочьи глазищи:

– В первый раз, что ли? В первый раз в первый класс...

– Огненная вода!

– Да ты остряк, Аркаша! – и, не переставая хихикать, перегнулась через стол и лёгкой рукой ощупала ему лоб. – Вот беда ведь какая, уже угри пошли. До чего же мне жалко, что такую мордашку, как у тебя, прыщи испохабят!

– Откуда прыщи?

– Да оттуда, что в возраст такой пришёл. Девки снятся тебе, правда? Трусея бывают мокрые утречком? Нет, говоришь? Не ври тёте Зине. Думаешь, я не видела, как ты от меня на шашлыках за тачку ховался? Хочешь, дам поцеловать свою родинку на спинке?

Красный, как помидор, Аркаша совсем потерялся и кивнул. Она вдруг перестала хихикать, с серьёзным видом обошла стол и обняла сзади за шею. Потом отстранилась и заявила:

– Пожалуй, я тебя сперва помою. В колонке осталась горячая вода. Такая жалость, у меня здесь в ванной не газовая колонка, а такой системы, что топится дровами, словно печка. Но всё одно не в пример круче, чем мыться в лохани, а воду греть в выварке, ведь правда? Пошли, кавалер. Только вот что. Ванная у меня крошечная, раздевайся прямо тут и вешай шмотки на стул.

Раздевался он спиной к тете Зине, а когда, в одних трусах уже, повернулся к ней, ахнул – и на ней остались только трусики, узенькие, чёрные, ажурные.

– А ты бы хотел, чтобы я сарафанчик свой заляпала? Марш в ванную.

Само купание скорее успокоило Аркашу: тетя Зина мыла его почти точно так же, как мать, сколько он себя

помнил – вот только не в корыте с серой мыльной водой сидел, а в большой ванне, эмалированной, будто лучшая мамина кастрюля для борща, и поливала его тётя Зина не из кружки, как мама, а тёплой водой из душа. Мать тогда, тоже в трусах и лифчике, запрещала смотреть на себя, он и сейчас не смотрел на тетю Зину, хоть и безумно хотелось. Зато облупившийся от масляной краски участок стены напротив, на большую лягушку похожий, запомнил навсегда.

Услышал, как она бормочет:

– Был бы свой такой у меня, купала бы каждую субботу...

И ещё несколько слов неразборчиво. Он переспросил и в ответ услышал:

– Я не тебе... А теперь встань и повернись ко мне.

– Здесь я сам, тетя Зина, – решил он на бунт.

– Сам так сам... Только не жалей ни мыла, ни воды.

И после обязательно помой, понял?

– После чего?

Она промолчала. Энергично вытерла его полотенцем и отвела в комнату, а там давай, будто в шутку, командовать. Они отодвинули стол под стену с фотками в рамках, а постель сняли с дивана и положили на пол. Приказала:

– А вот теперь отвернись, – повозилась за спиной и уже снизу, с полу, позвала. – Давай ко мне, кавалер.

– Почему на пол, тётя Зина?

– Потому как в первый раз это надо делать на твёрдом. Неужели в школе вас не научили? Да ты, кажется, побаиваешься меня...

Через час Аркаша прикрыл за собою дверь Зинкиной квартиры и услышал, как щёлкнул за спиной замок.

Спускаясь по лестнице, он втягивал голову в плечи, опасаясь наткнуться на какого-нибудь соседа или соседку – ведь непременно на лице написан весь полученный сегодня nepозволительный опыт, и не скроешь, что проник он в их, взрослых, запретные и постыдные тайны. Задумавшись над возможностью притворства, о том, удастся ли вернуть на свою похабную теперь рожу утраченное выражение мальчишеской неискушенности, он только на полпути уже домой вспомнил, зачем приходил к бедовой Зинке. Хлопнул себя по спасённому от прыщей лбу и повернул назад.

Вот и чёрная восьмёрка на двери. Постучал под нею согнутым пальцем, и через пару минут дверь приотворилась.

– Чего тебе ещё, Аркаша? – это Зинка в том самом цветастом сарафане, но теперь эта скудная одёжка показался ему тюрьмой для её восхитительного тела. – Хочешь сказать мне что-нибудь хорошее?

– Да забыл я, что мать послала за плойкой, – развёл он руками.

– Что ж, заходи.

И поскольку он колебался, Зинка втокнула его в свою крошечную прихожую и заперла дверь.

– Соседки, – прошептала на ухо, обдавая водочным перегаром и щекоча его щёку пышными душистыми волосами. – Жуткие сплетницы! Всё не могут мне простить, что я простая проводница. А ты не бойся, миленький, я никому ничего не расскажу.

– Спасибо тебе большое, тётя Зина... Зиночка.

– Вот когда догадался, наконец! А плойку сам возьми, вон она висит на вешалке, прямо перед тобою.

И Зинка действительно ничего маминым подругам не рассказала, по крайней мере, пару месяцев придер-

живала свой розовый язычок. А затем... Неприятности, связанные со слишком ранним любовным взрослением Аркаши, закинули его сначала в школу-интернат в другом конце области, а потом, после восьмого класса, в областное училище культуры, где тоже пришлось жить в общежитии. А проводя каникулы на родимой станции, чувствовал он себя матросом, выброшенным на берег с палубы разбойничьего брига, а всех девиц мирного селения считал своей законной добычей.

Глава 20. ГОСПОЖА ИКС: Максим Лукич в роли психоаналитика; глупое, бессловесное счастье; возникает ключевое слово «навсегда»; неожиданный каприз Маргарет

– И какого же рода постигли вас неприятности? – спросил банкир с таким видом, будто его это действительно интересовало. – Вы так обтекаемо высказались. Хотя... насчёт «разбойничьего брига», вот это знакомо прозвучало.

– Странно было бы, если б Аркаша... то есть я... не принялся бы в той ситуации корчить Печорина. Ещё и потому, что ему нелегко приходилось и в интернате, и в общаге. А мои неприятности? Зачем они вам? Я ведь сознательно не желаю вспоминать о них, чтобы не замутировать милый образ восхитительной Зинки. И кто знает, не вторую ли Зиночку искал потом подсознательно всю свою жизнь?

– А вам не кажется ли, что столь внезапно вспыхнувшая ваша страсть...? Слова-то, слова какие, прямо из одной обоймы с Печориным... А вдруг ваша страсть к нашей прекрасной Марго тем и объясняется, что вашему подсознанию пригрезилось, будто вы нашли наконец-то новое воплощение провинциалочки-проводницы, предохранившей вас от юношеских прыщей? То же выражение лица, разрез глаз, походка... О бархатистости кожи Марго судить не стану по незнанию предмета и по природной скромности, а вот о том, что у неё под левой лопаткой красуется родинка, могу присягнуть:

наблюдал её, родинку эту, неоднократно в театральный бинокль.

Селифан охнул. Как же он сам не догадался? С невольным уважением буркнул:

– Вам, Максим Лукич, надо было в психоаналитики идти.

– Так ведь умный человек, он себя в любой сфере покажет, – скромно заметил банкир. – В особенности, если уже обзавёлся фундаментальными знаниями.

– Вот только – или почудилось мне? – вы с пренебрежением говорите о Зинке, и всего лишь потому, что... не принадлежит к вашему кругу общения.

– А вы поверили, небось, Киплингу? Мол, Джуди О’Треди не хуже, чем знатная леди... Чепуха эта. Ну, разве что в самой нежной юности не хуже, а позднее жизнь, и в первую очередь тяжкий труд, от которого бедной Джуди О’Треди никуда не скрыться, разводит их по разным этажам. Да вы припомните хоть свою очаровательную проводницу: говорит неправильно, матерится, одевается вызывающе и безвкусно, пьёт водку, а не шардоне. И я могу себе только представить, в каком состоянии были у неё руки... Важная деталь: перед вашим визитом принимала любовника. Видно, осталась им недовольна, зато отыгралась на вас. Цинична, да ещё как! Много ли вы знаете молодых женщин, которые решились бы развратить подростка? И статья такая есть! Вот именно: она, ваша восхитительная Зиночка, запросто схлопотала бы срок, для этого вашей матери достаточно было бы написать заявление в милицию!

– Мать предпочла подбить Зинке глаз... И вы забываете, что именно в провинции не любят выносить сор из избы.

– И вот ещё, чуть не забыл, – и этим своим баритоном:

Ты подошла ко мне развратною походочкой
И тихим голосом сказала мне: «Пойдём».
Ну, а потом, спойвши меня водочкой,
Ты завладела моим сердцем, как рублём.

– Какие глупости! – возмутился Селифан.

А Максим Лукич внезапно улыбнулся лучезарно:

– Ну, ладно. Сегодня я не только ваш психоаналитик, но и добрый гений, нечто среднее между папой Карло и Санта Клаусом. Звонила мне Маргарита Львовна, просила передать вам, что ждёт вас сегодня у себя дома в любое время. В любое время! Вот ведь счастливец...

Селифан выпрыгнул из кресла и бросился бежать.

– Эй! Кредитку забыли!

Он прибежал, схватил кредитку и ключ, сунул в карман, кивнул, прощаясь – и вдруг с размаха уселся снова в кресло. Заявил, сверля глазами улыбающегося по-прежнему банкира:

– Почему же вы, Максим Лукич, не сказали мне сразу, зачем потратили столько драгоценного времени на болтовню?

– Во-первых, сейчас мы с Лёней вас подвезём – ведь вы по-прежнему без машины, не так ли? Поверьте, что если бы я вам сразу сказал, тогда, по мобилке, вы ещё метушились бы в пробках. Во-вторых... Ну, прикиньте сами: неужто такой уж для нас обоих бесполезной оказалась ваша исповедь? Вы уяснили, на каком психологическом основании возникло ваше чувство к нашей общей знакомой, а я... Я ещё раз убедился, что вы, при всех ваших недостатках, порядочный, искренний человек. А для меня это актуально.

– Нет, Максим Лукич, сейчас вы у меня не отделаетесь комплиментом – и сомнительным, если вдуматься. Наши с вами встречи случаются столь прихотливо, что я не знаю, удастся ли мне ещё раз расколоть вас на интервью. У меня к вам осталось два очень важных вопроса. Вы ответьте на них, пожалуйста, а Маргарита Львовна... Если она чуть ли не неделю выдерживала характер, наказывая меня неизвестно за что, спокойно подождёт ещё десять минут.

– Звучит разумно, – согласился банкир и тут же усмехнулся. – Я имею в виду насчёт Маргариты Львовны.

– Итак, госпожа Икс..., то есть Маргарита Львовна говорила мне, что между вами ничего не было. В интимном смысле, я имею в виду. Вы не могли бы объяснить, почему между вами так вышло?

Максим Лукич помрачнел. Спросил сквозь зубы:

– А вы не боитесь задавать такие вопросы аккурат перед свиданием с Маргаритой Львовной? К тому же я, как помнится, подвёл вас к правильному ответу в прошлом интервью. Если в двух словах, то для меня беседовать с нею было куда интереснее, чем заводить роман. Да и, правду сказать... Разве не с кем мне было, вы уж извините, трахаться? Правда, присутствовал ещё и такой важный для меня, а скорее всего, и для неё момент. Этический, что ли. Я тогда помог ей поселиться в неплохой квартире – и в хорошем месте, чтобы на своих двоих бегала в этот свой Оперный. Если бы Марго сделала первый шаг к интиму, или, того хуже, я сам полез бы к ней, это объективно означало бы, что она расплачивается своим телом за оказанную мною услугу! А для меня лично это было неприемлемо, потому что недостойно Марго, да и меня тоже – хоть вы и держите меня за какого-то сексуального монстра. Или за секс-террориста.

Есть один шоумен, он так себя представлял в Москве на каком-то корпоративе.

– За монстра – упаси Боже! И ещё у меня такой вопрос: как по-вашему, было ли что-нибудь между Истоминым и Маргаритой Львовной? Его жена предполагает, что было...

– Есть основания? – прищурился банкир.

– Скорее психологические...

– Так засуньте их сами знаете куда! Я так понимаю, что Алекса вы не стали спрашивать об этом и не горите желанием снова с ним пообщаться. Тогда спросите прямо у Марго, то есть она ответила бы правду, если её спросить. Вот только зачем вам знать правду, Селифан? Сложное у вас положение, хоть разорвись: писателю нужна суровая правда, а любовник предпочел бы сладкую ложь...

– Боюсь, что сценарий придется засунуть туда, куда вы сказали... А теперь мы можем ехать?

Банкир кивнул. Впрочем, прокатиться с ветерком не удалось. Попутные машины еле ползли, а когда Лёня выставил мигалку и проехал вперёд по встречной полосе, оказалось, что улицу закупорила толпа демонстрантов. Были это сплошь подростки лет четырнадцати-пятнадцати, одетые скорее бедно и с любопытством поглядывающие по сторонам. За кого они, с тыла не определишь: все транспаранты и лозунги повёрнуты вперёд.

– Вот что, Лёня, – промолвил Максим Лукич, – снимай-ка ты мигалку.

Здоровяк-водила, сегодня непривычно молчаливый, кивнул и выполнил распоряжение. Банкир продолжил столь же раздумчиво:

– Вопрос в том, куда именно их ведут, этих несчастных петеушников...

– Куда ж ещё, – вскинулся Селифан, – как не к телецентру? Будут блокировать или даже захватывать. Так мне и работу недолго потерять... И разве они несчастные? Занятия прогуливают, столицу, как-никак, увидят. А полдня в автобусе, ночёвка в какой-то школе – это ли не приключения?

– Я и забыл, что вы из таковских, Селифан.

– Да разве поймёшь теперь? Мать определила меня в училище, а заканчивал уже колледж.

– Вот что, Лёня, сворачивай вправо при первой возможности. Боюсь, они наглухо перекроют улицы вокруг телецентра.

Свернув за угол, Лёня вдруг выехал на тротуар, остановил «мерс», снова выключил блокировку дверей, вышел и принялся обходить машину, наклоняясь и приглядываясь.

– Что он там делает? Пинает ногою шины? – изумился Селифан.

– Смотрит, не прилепили ли нам подарочек, – безмятежно пояснил Максим Лукич. – Ведь почти въехали в толпу, а в городе полно оружия. А вы и не заметили, что тачка стояла возле «бункера» не на обычном месте? Вот ведь штука, на обычной нашей стоянке как раз под днищем оказывается люк, канализационный или чёрт его знает какой. И что мы с Лёней потолстели, этого тоже не углядели? На нас бронешилеты. Кучу денег на них ухлопал – кевлар!

Селифан только головою покачал. Вернулся Лёня, молча кивнул банкиру, сел за руль, с памятной Селифану чудесной сноровкой вдруг, чуть ли не мгновенно выехал на угол Фундуклеевской и Тимофеевской, разблокировал двери. Максим Лукич улыбнулся Селифану и сделал ручкой, блеснув белоснежной манжетой, Лёня шутки ради взял под козырёк, однако вместо улыбки

скорчил такую гримасу, что Селифан вдруг понял, что этот бывальщый, защищённый кевларом, бронёй и пулестойким стеклом огромный мужик напуган, смертельно напуган.

Пожал плечами Селифан, помахал и сам вслед длиннющей чёрной уродине на колесах, и тут же забыл и о ней, и о тех, кто внутри. Сердце у него сладостно сжалось, когда оказался у двери подъезда. Дважды ошибся, набирая на домофоне номер квартиры, и вот...

– Я слушаю.

– Это блудный Селифан. Это я пришёл, Маргарита.

– Наконец-то!

Домофон мигнул красным.

– Сезам, откройся! – воззвал Селифан, соединив перед собою ладони.

В чёрной стальной двери тихонько загудело, и он толкнул вперёд ручку. Госпожа Икс повисла у него на шее, как только дверцы лифта разъехались на седьмом этаже («Милый ты мой, куда же ты исчезал так надолго?»), тёплая, высокая волна подхватила и понесла их. Они до того влипли друг в друга, они так боялись снова потерять друг друга в пространстве, что предпочли шагать четырьмя неуклюжими, переплетёнными ногами и орудовать четырьмя неловкими и жадными руками. Тотчас же, не успели они и в квартиру попасть, невероятное, никогда ранее в жизни не испытанное торжество исполненного желания овладело Селифаном, и не отпустило его, даже когда, расслабленные и обессиленные, они вынуждены были разомкнуть свои тела и откатиться друг от друга. За высоким окном уже темнело, и это обстоятельство глупо улыбающийся Селифан воспринял как очередную радостную весть. Вскоре, однако, ему удалось преодолеть душевную инерцию, он поискал глазами возле кровати будильник, не без затруднений рас-

шифровал расположение стрелок и осведомился тревожно:

– Когда тебе на работу?

Она тоже не сразу поняла, потому что некоторое время с такой же глупой улыбкой не сводила с него своих сияющих глаз. Он тотчас же забыл, о чём спрашивал, и, поскольку ни на что иное, даже руку к ней протянуть, не оставалось уже сил, принялся ею любоваться. Не сразу сообразил: стоило бы прислушаться, что проистекает из её милых уст, сейчас очаровательно припухших. А вот чудесные глаза её, днём фиалковые, сейчас потемнели... О!

– ...напрасно напугала тебя этой своей подготовкой. Чёрт с ней, с моей каторжной работой! Не сталинские ведь времена, когда за опоздание сажали в тюрьму. Тем более, нынче в Киеве такой бардак, такое делается! Девочки, из спальных районов особенно, рассказывали невероятные вещи на репетиции.

– Нет, я не стану покушаться на твоё время... Мне чрезвычайно стало дорого... Да что там дорого? ...драгоценно всё, что связано с тобой, с твоей личностью... Когда мне сматываться? Скажи – и я со скрежетом зубным...

– Завтра дневной спектакль, милый. Достаточно, если ты уйдешь в полночь, чтобы дать мне выспаться. Ты не представляешь, как я жалела, что тебя тогда выставила!

– Тогда ты сама следи за временем. У меня не получается.

– Знаешь ли, я готова взбунтоваться. Я всегда представляла своё сознание как закрытую на молнию дорожную сумку с кошками внутри, а те пытаются выдраться на вольный воздух. Сперва – профессия, её обязанности, потом уже свобода и любовь – и ни до свободы, ни до любви никогда руки не доходили! Хватит!

Селифан, с прежней дебильной улыбкой, следил, как мило шевелятся её губы. Потом силы начали возвращаться, он сумел поднять руку и погладить по розовому плечу. Она тоже ощутила, небось, что может пошевелиться, но предпочла зарыдать. Он изумился, но больше всего тому, что и плачет она красиво, лучше не бывает.

– Сама не пойму, отчего... Слёзы сами льются. Вот нос покраснеет, и ты больше не станешь так хорошо на меня смотреть. Я сейчас перестану... А почему приходится хныкать? Пришёл, исчез, явился снова и будто бы навсегда... Это радостные слёзы, дружок. Сейчас, перестану, сейчас...

Госпожа Икс соскочила с кровати и, как была и продолжая хлюпать, побежала в ванную. Селифан проследил за её ретирадой всё тем же глупым, по-собачьи привязчивым, радостным взглядом, откинул голову на подушку – и вдруг уснул. Ему казалось, что на пару минут только, и никаких снов не увидел, однако, когда раскрыл глаза, в окне было уже темно, а Госпожа Икс, умытая, подкрашенная и в розовом пеньюаре, сидела рядом на кровати. Радостно всплеснула она руками, убедившись, что Селифан проснулся. Носик у неё не покраснел, вот только глаза немного, однако ей это только шло.

Селифан приподнялся на локте.

– Тут прозвучало «навсегда». Подписываюсь обеими руками! – заявил, чувствуя, как силы возвращаются к нему. – Мне бы сейчас аэрозоль с краской, бесстрашно написал бы на этой вот стене: «Навсегда!».

– Тогда лучше в гостиной, – деловито заметила она. – Боюсь, что имея это твоё «Навсегда!» перед глазами, я не смогла бы засыпать по-человечески. И вообще, пора нам с тобою кончать с детством. Ведь даже кобыле командарма Будённого было понятно, что ничего не бы-

вает «навсегда», а я всё-таки не кобыла, а заслуженная артистка.

– А почему не народная?

– Да нет, я заслуженная... А с чего бы это ты так удивился? До народной мне ещё танцевать и танцевать...

– Утром у Влады Черняк брал интервью. Вот она народная.

– У нас и у этих твоих «звёзд» все эти звания и награды по-разному на весах тянут.

– А-а-а... «Вот муза, правду наблюдая, сидит, и на весах у ней...».

– Был у нас администратор, замечательный старичок, прекрасно пел романсы под гитару, так он у Пушкина вот что нашёл:

Блажен муж, иже
Сидит к каше ближе.

Селифан не сразу сообразил, причем здесь каша. Припомнилось ему, что их водитель, хиппарь Славик – такой же заслуженный деятель культуры, как и Маргарита. Это Жора выдвинул идею его награждения званием как ветерана коммерческого телевидения, провёл со смефуёчками через профсоюз и добился поддержки руководством канала. Однако вряд ли Маргарите понравилось бы, если бы узнала о таком своём коллеге. Уж лучше ругнуть Владу Черняк...

– Да чёрт с нею, с Владой и с её покровителями! Я о нашем «навсегда» хотел ещё сказать. Послушай! Если «навсегда» и не бывает, оно зато чувствуется.

– Согласна, что чувствуется. Как смешно ты сказал, милый! Я ведь о том, что «навсегда», первая ляпнула. Хорошо, пусть у нас всё будет навсегда, пока будет. И пока чувствуется.

– Замечательно! Ты знаешь, а ведь сегодня днём (как давно это было!) Максим Лукич предположил, что я так безумно в тебя втрескался, потому что подсознательно нашел в тебе свою первую женщину, которую безуспешно пытался обрести снова всю жизнь. Представляешь?

– Стоп! А откуда Максим узнал о твоей первой женщине? А ну, колись! – прикрикнула Маргарита.

Селифан удивился слегка: уж если они так близки стали, что несколько часов подряд составляли одно неразрывное существо, то разве может одна половинка оногo существа рывкaть нa другую? Однако Маргарита, хоть и несколько напряжённo, продолжала ему улыбаться, и он принял её нажим как проявление милой ревности, а ревность предусмотрена правилами любовной игры.

– Странновато вышло у нас с твоим богатеньким Буратино: вместо того, чтобы рассказывать о своих отношениях с тобою, он ловко вытацил из меня ту давнюю историю.

– Хорошо ещё, что Максим, а вот Алексу ты лучше никогда и ничего не рассказывай, – поджала она губки, и Селифан тотчас же решил, что о том, была ли у неё связь с нахалом Истоминым, спрашивать не будет ни при какой погоде.

А Маргарита вдруг взяла его за руки и улыбнулась ослепительно:

– Уж если ты Максиму рассказал, то мне тем более о своей первой любви рассказать обязан.

*Глава 21. СЕЛИФАН: о Зиночке снова, теперь
Маргарите – и не понять, зачем*

Мать прихватила Аркашу с собой на пикник-маёвку, и у него не оказалось там сверстников: одни только материны подружки-проводницы да их, так сказать, приятели. Увязался, впрочем, и муж одной из подруг, но он сразу опьянел и принялся приударять за всеми бабами подряд.

Шашлык, пусть полусырой и подгоревший, а ещё безбожно пересоленный, приятно тяжелил желудок, налить ему водки не позволила мать, которую все запросто называли Глашкой, а одна из её подруг, толстая тётя Паша, пожалела: «Надо было прихватить для паренька красненького». Зато Аркаша залился кока-колой, досыта наигрался с рулями и передачами оставленных в нескольких шагах от костра машин, а больше подсматривал из-за капота «газели» за взрослыми. Прятался он только от двух женщин: первым делом от матери, потому что она на людях вообще не любила, чтобы попадался ей на глаза, а ещё от тётки Зины. Уж очень было клёво на неё смотреть, на тётю Зину, но он предпочитал любоваться ею исподтишка, предполагая, что его пристальное внимание едва ли ей понравится.

Компания расположилась на берегу безымянного ручья, узкого и неглубокого, по щиколотку, в нём можно было разве что, разувшись, побродить, да ещё побрызгать друг на друга. Чем подвыпивший народ и занялся, предварительно раздевшись, будто на настоящем пляже, только тётя Зина осталась сидеть под берёзой. К

ней подходили мужики, чтобы вовлечь в общее веселье, один так даже силой поставил её на ноги и попытался сдернуть сарафан. Всем им тётя Зина что-то коротко объясняла, и на лице одного из мужиков, отходивших от неё, после такой отповеди Аркаша с изумлением увидел отчуждённое и даже брезгливое выражение. Сам он быстро понял, что там не так с тётей Зиной, однако переживаемая красавицей таинственная бабская месячная хворь только прибавила ей загадочности в его глазах.

Очень хотелось Аркаше, чтобы тётя Зина легла под берёзой, руки за голову закинув, в общем, как «Маха обнажённая» на картинке из «Огонька», и он представил её так лежащей, и будто смотрит она на него зелёными своими глазищами, как смотрела карими та девочка-женщина. Тут же испытал пониже живота ощущения до того странные, столь необычные, что волосы зашевелились на голове. А тем временем тётя Зина лениво поднялась на ноги, сбросила босоножки и, подняв повыше полы и без того короткого сарафана, направилась к ручью. Компания уже снова расселась вокруг костра, мужики разливали очередную бутылку. Аркаша не мог отвести глаз от смуглых бёдер тёти Зиной, одновременно очаровательно угловатых и округлых, его бросило в жар, и мгновенно постигнул он замечательное, судьбоносное сходство между нею и собой. Он ведь тоже всегда долго присматривался к очередной игре, вошедшей в моду на школьном дворе, а когда решался, наконец, и сам поиграть в «зозку» какую-нибудь или в «ножичка», оказывалось, что в моде уже новая игра! И ещё тётя Зина точно так же далека от своей компании, как он от школьных товарищей, они с нею сами по себе, она такой же «позорный индивидуалист», как и он!

Тётя Зина уже проходила мимо «газели», однако остановилась и обернулась, чтобы огрызнуться на замечание своего приятеля. У Аркаши зашумело в ушах, он не расслышал ничего из ими сказанного – ведь обнажённая, невероятно соблазнительная спина с чудесной родинкой под правой лопаткой оказалась в полуметре от его жадных глаз! Внезапно ему безумно захотелось по малому делу, и напрасной оказалась попытка это самое дело остановить... Сильнейшая судорога, мгновенное сладкое изнеможение – и тут же жестокий стыд: в штанах стало горячо и мокро. Из последних сил сорвался с места Аркаша и укрылся за высоким салоном «газели».

Прекрасный облик тёти Зины растаял, он принялся чуть ли не ползком, заслоняясь машинами от компании, выбираться к ручью выше по течению. Пока нашёл подходящее место за чахлыми кусточками, допетрал, что с ним приключилось. Первая догадка была вполне идиотская – будто у него невероятным образом, вроде кары за подсматривание, случились месячные, как у тёти Зины. Однако недаром же Аркаша прочитал всю районную детскую библиотеку, да ещё из взрослой – всё, что разрешила суровая пожилая библиотекарша. Подслушал в своё время и анекдот о том, «чем поллюция отличается от иллюзии», только ни черта не понял. И всё-таки, снимая штаны, испытал большое облегчение, убедившись, что трусы испачканы не кровью и не мочой, а иной, неизвестной и незнакомо пахнущей, жидкостью. Пришлось застирать и штаны, так что, пока трусы и штаны подсушивались на солнышке да на ветру, Аркаша сидел с голой задницей на корточках, беспокойно озирался (совсем как Полкан, когда тот отваживался справиться большие дела прямо посреди двора) и размышлял о том, что с ним произошло.

Представлялось очевидным, что отныне жизнь его расколота на две половинки – до сегодняшнего постыдного происшествия и после, что с детством покончено, и начинается, вот так вот, с бухты-барахты, сложнейшая взрослая жизнь. А ведь книги опять наврали, опять подвели! Где они, усы и борода, где они, налившиеся силой мышцы, где он, быстрый рост? А что про любовь книжки врут бессовестно, в этом он давно убедился... И сколько ещё низких открытий ему предстоит?

Начало темнеть. Потом услышал он свое имя. Кричала мать, уже пьяная, и задорная веселость её крика ничего доброго не предвещала. Аркаша быстро натянул сырые трусы и брюки. Над ним не смеялись, потому что Ларискин муж, тот уписался по-настоящему, и рядом с ним никто не хотел садиться. Только тётя Зина скользнула взглядом по Аркаше, будто невидящим. Она уже пьяна была, однако, в отличие от Аркашиной матери, держалась прекрасно.

Через два дня Аркаше приснилось, что вокруг водят хоровод девицы в старинных вышитых рубахах и с венками на головах, а одна стоит рука об руку с ним, но отворачивает от него лицо. Когда её подружки допели похабную песню и разбежались, та девица рывком повернулась к Аркаше и оказалась тётей Зиной. Она обняла Аркашу, вместе с ним, как была, в рубахе до пят, упала на траву – и с ним повторилось случившееся на маёвке. Сразу же проснувшись, он обнаружил, что запакостил трусы и простыню.

А там и 9 мая приспело. С пустяшным поручением матери отправился Аркаша к тёте Зине, роскошествовавшей, на зависть подругам-проводницам, в отдельной однокомнатной квартире. Она открыла ему дверь, и её телу было всё так же тесно в сарафане, но под глазами у неё голубели нежные тени. Аркаша задохнулся от

глупой ревности, ведь он знал, от чего появляется такое. Вычитал где-то.

– За Глашкиной плойкой пришёл, говоришь? Так входи, – сказала тётя Зина, или что-нибудь подобное она сказала.

У Аркаши шумело в ушах, и догадывался он, что не столь и важны её слова, но существенно выражение её лица, необходимо каждое мгновение пытаться распознать, что говорит её тело. Он был абсолютно уверен в том, что лучше неправильно, в свою пользу, прочесть эти знаки и оказаться в глазах тёти Зины смешным и нахальным мальчишкой, чем не разгадать её невысказанного желания – ну, хотя бы обнять его, как в том сне.

Вот почему, когда налила ему рюмку водки, он пережил горькое разочарование: вообразил ведь, будто она откупается этим своим угощением, перед тем как ткнуть ему мамкину плойку и выставить. Из-за этого разочарования и важное в жизни событие, первую выпитую рюмку водки (дешёвое вино они с ребятами уже пробовали), пережил как-то смазано, наспех. Однако тётя Зина предпочла не мучить его неизвестностью, которая, как пела вчерашним вечером из радиолы у бабы Лили писклявая певица, «хуже обидной правды». Она решила его помыть, и когда разделась, чтобы не забрызгать свой сарафан, до чёрных кружевных трусиков, Аркаша, ни жив, ни мёртв, позволил себе поверить наконец, что сегодня, вот-вот, произойдет нечто, в сравнении с чем глотнуть впервые водки – суцая чепуха.

Тётя Зина мыла Аркашу совсем не так, как раньше мать в корыте: та орудовала, постепенно раздражаясь, мочалкой, а тётя Зина намыливала и гладила мягкими своими ладонями, будто ласкала. Или и вправду ласкала? Ему одновременно хотелось, и чтобы руки её касались его вечно, и чтобы разрешилось, наконец, то напря-

жение, которое из-за медленной этой ласки постепенно накапливалось в нём. Мать, когда купала его, тоже раздевалась, до трусов и лифчика, но запрещала смотреть на себя. Тётя Зина, та не запретила, но он сам не решался второй раз взглянуть на неё, хоть хотелось неудержимо. Перед его глазами всё стояли её груди, вовсе не отвислые, как у матери, а выступающие двумя нежными полушариями, как у «Махи обнажённой», и ему безумно хотелось, чтобы она снова и снова проводила по его груди и животу намыленными своими ладонями и чтобы он в это время открыто и смело наблюдал бы, как подрагивают, нависая над ним, её умопомрачительные груди с тёмными, набухшими сосками.

Но не сбылась эта его маленькая и как вскоре выяснилось, слишком уж робкая мечта. Тётя Зина облила его шумной струей из душа, велела встать в ванне, и он самостоятельно закончил мытьё в том секретном месте, где решил управиться сам. Ещё и потому повернулся он носом к стене, что творилось в паху чёрт знает что, и было неизвестно, не рассердит ли такое дикое зрелище тётю Зину.

Однако не рассердило её это безобразие, а насмешило, как ни странно. И веселое её хихиканье заразило и Аркашу, когда они, голые, словно в бане, принялись переставлять мебель, но вот когда снова серьёзная тётя Зина вдруг упала навзничь на постель, которую стащили они с дивана на пол, и велела ему отвернуться... Дурносмех замер в груди Аркаши, потому что он догадался, в чём дело: легкая возня за его спиной означала, что тётя Зина исполняла таинственный женский обряд, чтобы остаться совсем, необратимо и невозвратно, голый – а вот зачем, о том боялся и подумать.

Потом она позвала его, скорее нетерпеливо, чем... Но это стало не важно теперь, как мог бы прозвучать её

голос, потому что Аркаша уже повернулся, и увиденное поразило его до глубины души. Уж теперь не оставалось никаких сомнений, что тётя Зина решилась совершить с ним то взрослое женское деяние, которое мальчишки в школе называли непонятым словом «давать», – и одного осознания этого факта хватило бы, чтобы остолбенеть. А тут ещё открывшаяся перед ним картина... В одно мгновение рухнула догадка, построенная на неудачном, ошибочном наблюдении над женским устройством бабы Лили! У женщин вообще нету впереди отростка, подобного мужскому, вот оно что... Рассыпались в прах фантастические картины соединения мужчин и женщин, мерещившиеся ему, оказалось, что и обнажённые женщины на картинках вовсе не прятали свои отростки между ног, убирая их назад – что такая хитрость возможна, Аркаша додумался в своё время проверить на себе, перед зеркалом...

Тут тётя Зина позвала его снова и даже, кажется, трусишкой назвала, а он на ватных ногах двинулся к ней. Она приподнялась навстречу, помогла ему, и Аркаша вдруг испытал такое слияние своего неловкого и худого тела с роскошной тётей Зиной, которое ему и не снилось, и в мечтах такого не мог себе представить. Снова оказался он на краю пропасти, снова новое, немыслимое ощущение, нарастая, вылилось в разум отнимающую судорогу... Мелькнуло даже и такое в голове Аркаши, что помирает, но испугаться не успел. Когда очнулся, тётя Зины рядом не было. В ванной шумела вода. Потом шум прекратился, несколько раз стукнуло, и в поле зрения Аркаши слева от ножек стола, покрытых пылью и паутиной, появились ноги и низ живота тётя Зины, всё остальное закрывал таз у неё в руках. И ярко-красный лак на её ноготках, и её стройные и одновременно очаровательно-пухлые икры, и в особенности

то, что ей не видно, куда именно он сейчас смотрит – вместе это замечательно подняло Аркаше настроение, но тут тётя Зина брякнула тазиком об табурет (слышно было, как плеснулась вода) и заговорила. Теперь уже не шумело у него в ушах, и стало ясно, что она словно бы подсмеивается – над ним, так уж точно, но, возможно, что и над собой.

– Кончай разлёживаться! Вставай, помою.

Аркаша, глаз не поднимая, послушно поднялся. И тут же оказался у табурета, а тётя Зина, не слушая возражений, принялась отмывать в тазу его мужское хозяйство с такой спокойной уверенностью в своем праве, будто ей теперь оно принадлежит – однако, кто знает, не так ли теперь и обстоят дела?

– Это был только первый урок, Аркадий – тебя ведь Аркадием кличут? – говорила между делом, и по-прежнему посмеиваясь, тётя Зина. – Сейчас мы перетащим постель на диван, лады?

– Ты прости меня, тётя Зина, – отважился он открыть рот, – что я это в тебя...

– А я тебя за несмышлёныша держала... – ахнула она. – Ты ж обо мне печёшься, будто настоящий маленький мужчинка. Да ты не бойся, у меня ещё безопасное время. Нет, это же надо!

В этой галиматье он ничего не понял, однако постарался запомнить сказанное, чтобы разобраться на досуге.

На диване они улеглись рядышком и принялись разглядывать друг друга, при этом тётя Зина еле удерживалась от смеха, а он впервые открыто уставился на её удивительные груди. Тётя Зина захихикала и положила его руку на свою правую грудь, у него снова зашумело в ушах, и еле расслышал:

– Позволяю тебе гладить меня и целовать, где тебе захочется, – и опять захихикала. – Смотри только, глазки мне пальцами не выткни!

– А ты разреши мне, – еле выговорил он, – у тебя на спине... родинку твою поцеловать.

– Молодой, да ранний, – непонятно удивилась она, однако послушно улеглась ничком.

Потом, когда провожала она его до входной двери, обнимая сзади на прощанье, трудно им было таким манером пройти в тесной прихожей мимо вешалки, и Аркаше поневоле пришлось ткнуться носом в висячую на плечиках серую Зинкину форму. Тотчас же ударила ему в ноздри та же вонь, что и от материной надоевшей шинели – вонь пыльных, скрипящих от старости вагонов, переполненных немывтыми человеческими телами. Смущился Аркаша, ведь этот унылый запах мог оказаться предвестием, ничего хорошего в будущем им с Зиной не обещающим.

И как в воду глядел! Ему так больше и не удалось попасть на заветный Зинойкин диван. Напрасно подстерегал её после смены, напрасно унижался, часами простаивая под её окном. Тётя Зина избегала его и даже не пожелала объясниться. А там и две другие тётки из маминых подруг начали делать ему авансы настолько недвусмысленные, что и до него дошло, и он в отместку Зинойке пошёл на поводу сперва у одной, потом у второй. Надо ли говорить о том, что в их жалких объятиях испытал он только бледную тень пережитого с Зинойкой? Однако женское население станции было слишком невелико, чтобы можно было долго хранить в тайне такие соблазнительные происшествия, и возмездие не заставило себя долго ждать.

**Глава 22. МАРГАРИТА: дискуссия о вульгарности
Зиночки; хорошая хозяйка, а пёс на улице; кое-что о
Жориной коммуналке, и сам он как ангел-спаситель**

Глазки у госпожи Икс горели. Она уселась напротив рассказчика, не замечая, что её розовое плечико вылезло наружу из розового пеньюара. При этом перебирала ногами, будто ей не терпелось побежать. В действительности же не могла дожидаться, чтобы самой вставить словцо. Но вот Селифан замолчал.

– У неё, у бесстыжей этой, была родинка на спине! Так вот почему ты чуть не просверлил мне сегодня спинку!

Селифан покраснел, чего давно уже за собою не помнил. Пробормотал:

– Та ведь ты говорила, что тебе приятно... Мурлыкала даже.

– И вот... Ты вёл себя с ней, несмотря на малолетство, довольно... ну, предприимчиво, что ли. Откуда это у тебя, как думаешь?

О чём это она? Какая ещё там предприимчивость? Да бабы всегда вертели им, как хотели! Его всегда выбирали, а не он... Однако надо было отвечать, и он пробормотал:

– Я всё-таки много читал. Лишнее тоже, наверное. Да и фильмы тогда пошли уже очень откровенные...

– А что, если эта твоя напористость – наследственная? От отца или деда, а?

– Я не знал своего отца, – чопорно заявил Селифан. – А мать о нём как в рот воды набрала.

– Извини, ты мне не говорил раньше, – она в раскаянии бросилась к нему, и он смог наконец поцеловать то розовое плечико. – И ещё...

– Да спрашивай о чём угодно! – вскричал он, готовый уже проклинать свою неуместную откровенность.

– Вот ты всё время говорил: у неё, у этой твоей феи-проводницы, пухлое то, пухленькое это. Так значит, она толстая была – а я разве толстая, скажи?

– Так... Чтобы сразу исключить какую-либо двусмысленность, ты, конечно же, не толстая, и сама прекрасно это знаешь. А вот Зинка... Нет, она тоже не толстая. Это мать моя покойная была полной, настоящий колобок, особенно в этой своей серой шинели. И тётя Паша, соблазнившая меня уже после Зиночки, эта шалава оказалась такой тучной! Я едва не утонул в ней, как в бадье с тестом.

Маргарита фыркнула. Он на всякий случай извинился и продолжил:

– И Зиночка вовсе не толстая, нет! Просто я сам был тогда костлявым, и мне безумно нравились эти её прелестные припухлости на тех местах, где они у женщин и обязаны быть.

– Постой, дружок... Так ты, наверное, недоедал?

– Витаминов мне уж точно недоставало... А что поделаешь? Зарплата у матери небольшая, да и ту съедала инфляция, и ещё хозяйке бабе Лиле за квартиру вынь да положь... Мать крутилась, как могла. Помню, они с подругами покрывали безбилетников, «зайцев», те им платили, какую-то мелочёвку, а проводницы делились с ревизорами. Мешки с картошкой в служебном купе перевозили, да мало ли чего...

– Бедненький... Значит, не толстая она была, эта твоя Зинка. Но ведь она казалась тебе вульгарной, правда?

Селифан задумался. Если он уже столько лишнего успел ей выболтать, то есть ли теперь смысл вообще скрытничать? И странно, что госпоже Икс так хочется унижить Зиночку... Однако ответил честно:

– Зиночка не казалась мне вульгарной. Может быть, я просто не замечал в ней вульгарности. То есть слово такое я знал, конечно, но как его было применять на нашей станции? Вот это ты могла бы утверждать, что в большинстве своём зрители в шести первых рядах партера твоего театра на следующем спектакле не будут вульгарными...

– Куда хватил! От силы в первых трёх.

– Ладно... А на станции таких джентльменов и дам можно было увидеть разве что в окнах СВ вагонов. Хотя не только, наверное... Ещё с дюжину учителей и инженеров (не всех!), некоторых из жён начальства, библиотекаря ещё, я знаю...

– Но ведь везде есть телевидение... Ой, кому я это говорю!

– Но и в ящике как было отличить вульгарное от невульгарного? Одна эта толстая певица-брюнетка с манерами буфетчицы чего стоила... А эта их примадонна так называемая – ну разве она не вульгарна? К тому же тогда на ТВ началась уже духовная штатовская оккупация, а это ведь и пропаганда их жлобства. Вспомни хоть бы кадры девиц, которые засовывают палец в торт, а потом облизывают.

– Б-р-р... Долой американских девиц!

– То есть я признаю, – заявил Селифан, когда высвободился, наконец, из объятий расшалившейся госпожи Икс, – что в сравнении с тобой бедная проводница Зиночка могла выглядеть вульгарной, да только в сравнении с тобой любая...

– Да я не комплиментов жду от тебя, милый! – вскричала госпожа Икс и кулачком по собственной коленке стукнула. – Я желаю понять, почему ты посмел увидеть во мне новое воплощение этой самой Зинки?

– Это не я! Это твой приятель-банкир придумал, а я и сам удивился, когда услышал. Вот! У вас похожи разве что родинки на спине, а всё остальное...

– Это тебе Максим сказал о родинке у меня на спине? – вскинулась она.

– Ну да, он хорошо рассмотрел твою родинку в театральный бинокль. А что?

– А то, что вы, мужчины, готовы хвастаться и тем, чего не было. А ты продолжай, милый.

– Да? Ладно... А хоть бы то взять, что Зиночка смуглая, а ты белокожая... М-м-м... Она была премоило скуластенькая, и глазки такие треугольные... Зелёные они были у неё, глаза, а у тебя фиалковые, как у Лиз Тэйлор. Она тёмная шатенка, а ты блондинка...

– Согласна, что уже не помню, сколько лет я блондинка. Но когда-то я тоже была шатенкой, милый. Продолжай.

– А что мне продолжать? В общем, никакого сравнения с тобой не выдерживает.

Он умолчал о том, в чём соглашался с Максимом Лукичём в глубине души: обе его нечаянные женщины на самом деле очень похожи. Уж не говоря о том, что если жива сейчас Зиночка, если не зарезал её какой ревнивый поклонник, то и в возрасте они сейчас примерно одним! Пусть глаза у одной зелёные, а у другой синие, их слишком многое роднит на том уровне бабской химии и физики мягкого тела, где почти ничего не значат слова. И разве не с одинаковой безоглядностью бросились обе ему навстречу, чёрт его знает, каким инстинктом руководствуясь, и Бог его знает, на что надеясь?

Растрогался Селифан, но не ко времени. Потому что тут опустила госпожа Икс глазки и произнесла небрежно:

– А твоей жене надо бы решиться на пластическую операцию. Нос поправить.

– Где ты её видела? – у него и челюсть отвисла.

Она усмехнулась, по-прежнему не поднимая глаз.

– Где, где? Да в зале, конечно. Не утерпела, пошла разглядывать вас из директорской ложи. Удивилась ещё, что у тебя, у красавчика, такая... обычная, что ли, жена. И если уж вспомнили мы о вульгарности...

– Вот ведь как...

– Извини, милый, если тебе это неприятно. Но раз уж мы заговорили о неприятных вещах, хочется уж вывалить перед тобою всё разом и на этом покончить... Вы так сыгранно смотрелись, слитно. Видно было, что у вас общие, семейные интересы.

– Да уж, интересы! Два невыплаченных кредита, за тачку и за хату! Вот такие интересы...

– Каждый мужчина, очутившись в твоей ситуации, принимается уверять, что его с женой не связывают никакие чувства, – отчеканила Маргарита Львовна. – Впрочем, рассказывай.

– А разве я тебе не рассказывал? Да я перед тобою наизнанку выворачивался!

– И в самом деле, напрасно, я, наверное, на тебя надела, – тут она, будто невзначай, глянула на настенные часы. – Ах! Тебе давно пора, милый! Я звякну тебе после спектакля, хорошо?

Вот так оказался Селифан на ночной улице, и стальной, хорошо смазанный Сезам с довольным чавканьем закрылся за ним. Он отодвинул манжету с запястья, где вот уже полгода как не было часов, хмыкнул и достал мобильник. «01.23»... Просто замечательно!

Шарить по карманам бессмысленно: и без того вспомнил, что на такси до Харьковского массива не хватит... И почему было Маргарите не оставить его у себя? Можно попроситься на ночёвку к Жоре, в комнату, которую тот снимает здесь недалеко, на Владимирской, в одной из последних на этой улице коммуналок. Сорок комнат, выходящих в один бесконечный коридор, два туалета, кухня и ванная на всех. До советской власти – бордель, в двадцатых – коммуна студий ИЗО. Стены коридора и кухни расписаны были знаменитым украинским художником-монументалистом, а после его расстрела фрески заштукатурили. Но как-то оно, наверное греет, когда каждый день поутру переминаешься с ноги на ногу в очереди возле туалета, а рядом под штукатуркой, полусбитые, дремлют шедевры. Спать придётся на полу, зато Жора выделит подушку. У него две подушки, хоть живёт там один: жена и дочь остались в Мукачеве. Подушка – это хорошо, но вот разговоры... Хватит ли у него сегодня сил на ночные разговоры с Жорой?

Улицы пусты. В голове промелькнуло: «В такую погоду хорошая хозяйка и собаку из дому не выгонит». При чем здесь погода? Ведь прохлада скорее бодрит. Он выходил уже на угол, когда вниз по бульвару пробежал, постоянно оглядываясь, долговязый человек в очках, а за ним, через полминуты, и тоже молча – здоровяк в камуфляже, омовской маске и с АКМ-ом на плече. Селифан отступил в тень, постоял, постоял и вышел на бульвар. Вдруг поймал себя на том, что непроизвольно откладывает звонок Жоре, хоть и надо бы поторопиться, пока зануда не заснул. В чём дело? И тогда он вспомнил о полученной сегодня утром – а как давно это было! – от любезного банкира кредитной карточке. Нащупал её, бумажкой с паролем обмотанную, в кармане, рядом с пустой рабочей. На месте. Ближайший

банкомат, как вспомнилось, на углу бульвара и Владимирской. Очень хорошо: если не удастся снять денег, ближе будет к Жоре.

Проходил уже мимо Владимирского собора, когда за спиной, снизу, где-то уже с Евбаза, твякнула короткая автоматная очередь. Селифан вздрогнул, но не остановился, только прибавил шагу, а когда впереди заревел дизельный двигатель, попробовал укрыться за столбом. Одолевая подъём, БМП-1, та, что с пушчонкой, выпустила тучку выхлопных газов, заскрежетала передачей и покатила бульваром, не жалея асфальта. На башне её теснились пять корявых звёздочек. К чему бы это? «Хорошо ещё, что фонари горят, – подумал он и тут же усомнился. – А в самом ли деле хорошо?».

Банкомат на стене бывшей Первой гимназии призывно мигал отверстием для приёма карточек. Селифан поднялся по ступенькам, позволил щели затянуть вовнутрь новую карточку – и вспомнил, что за проверку счёта в банкоматах других банков берётся комиссия. Решил не проверять... Выбрал «русский», «евро», «пятьдесят», нащёлкал номер с бумажки. «Счёт?». Да, конечно, ведь придётся отдавать... Выползла банкнота приятной расцветки, за ней карточка, счёт пришлось самому вытягивать из щели. Посмотрел сумму остатка на счету – и невольно присвистнул. Тут же решил вернуть карточку Максиму Лукичу: мало ему банковских кредитов, не хватало ещё, чтобы на нём повисли в добавок и такие деньги...

Всё ещё переваривая сумму, доверенную ему филантропом-банкиром, достал из особого отделения бумажника несколько визиток, найденных в почтовом ящике. Так фирмы, зарабатывающие на извозе, обеспечивают клиентов для своих такси. Вернул мобильник в рабочее положение и принялся названивать. Не звонкие голоса

услужливых женщин откликались ему, но только длинные гудки. И только когда набрал номер фирмы, незатейливо названной «Твоё такси», услышал капризное:

– Ну, кто там ещё...

– Я в центре, мне нужно на Харьковский массив. Мой номер 096...

– На хрена мне ваш номер, я уже легла, только вот забыла выключить... Заказы не принимаются, отхлынь!

– Но почему, скажите Бога ради?

– А ты проспал весь день, что ли? Или кайф ловил с утра?

– Вроде того...

– Счастливчик... Вчера вечером на Ленинградской площади танк гонялся за «мерсами» и «джипами» и давил их. Напоследок раздавил такси вместе с таксистом, старенький «фиат», и спрятался в лесу за Быковней.

– Танк? Гонялся?

– Почём купила, так и продаю... Таксисты забастовали, вот что. До девяти утра. Пойду-ка я сон досматривать...

Да уж... Счастливые, конечно же, часов не наблюдают, но на экран ящика иногда стоило всё-таки посматривать. Хоть на картинку, ведь милая чудачка вырубил звук. Видно, обстановка здорово изменилась. А это значит, что всё городское хозяйство начнёт постепенно... Он чертыхнулся, не додумав. Деньги с карточки, вот что необходимо вытащить в первую очередь! Селифан снял уже пиджак и прикидывал, как превратить его в мешок, когда затрещал мобильник. Появился номер Лады. Господи, а ведь он практически забыл о её существовании...

– Да!

– Ты где? – и зевок.

– На работе, где ж ещё... Только что вернулись в зону

покрытия. Мне жаль, что ты из-за меня до сих пор не спала...

– Да спала я, Аркадий! Меня мобилка разбудила, пикнула, что я, мол, могу тебе позвонить.

– Таксисты бастуют. Я попрошусь переночевать к Жоре.

– Очень тебе советую завтра... – снова долгий звонок, – то есть сегодня уже попасть домой. Есть о чём переговорить.

Та-а-ак... Селифан недоуменно смотрит на свой пиджак с вывороченными рукавами, приводит в порядок, напяливает снова. Осматривается и наконец-то набивает номер Жоры. Долгие гудки, но не успевает система отключиться, как Жора кричит:

– Ты не мог раньше отозваться? Весь день тебе названивал, как дурак! Работа стоит!

Селифан просится переночевать.

– Знаешь, подруга...

– Ну, тогда извини.

– Да ты дослушай сперва! Подруга хотела вечером приехать, да побоялась. Там, на Виноградаре, убеждены, что тут, в центре, чёрт знает что делается. Даю тебе полчаса, у меня уже глаза слипаются. Твоё счастье, что засиделся допоздна...

Тут Селифана осеняет идея.

– Жора, хочешь заработать двести евро? Нужно взять большую сумку, старую, какую не жаль, но крепкую и подъехать сюда... Да чего там, пешком подняться на угол бульвара и Владимирской, к университетскому «Жёлтому дому».

– Перед получкой бы не хило... Хотя, какая там получка? Во время революции правительство обижается на население и, желая отечески наказать, первым делом прекращает всякие там получки. Ладно, жди.

Революция... Какая ещё революция? Жора появляется неожиданно быстро. Он на велосипеде, к багажнику привязана сумка.

– Не фигу себе! Да краше в гроб кладут! – заявляет Жора, присмотревшись, и продолжает балагурить. – Впрочем в такое время встретить приятеля живым, и то приятно. А если он ещё и халтурку обещает... Жаль, что у меня не ночует сегодня Вован с камерой... Э, ты куда? Грабить банкомат я не подписывался!

Не слушая его, Селифан открывает молнию на сумке, ставит себе под ноги и снова начинает священнодействовать с банкоматом. Как и просил Максим Лукич, пытается снять половину суммы. Банкомат не выдаёт, требует набить сумму, кратную пятистам. Пожалуйста... После немалой возни, автомат соглашается выдавать евро порциями по две тысячи. Ладно, пойдём этим путём... Наконец, деньги сняты, и сумка наполовину заполнена. Селифан облегчённо вздыхает, закрывает молнию, пожимает плечами и снимает ещё тысячу в гривнах. Эти банкноты суёт в карман.

– Если это не грабеж, то что же? – встречает его Жора внизу. – Уж от кого, от кого, а от тебя, нашего джентльмена, не ожидал. Сумки мне не жаль, однако давай договоримся, что сегодня мы не встречались.

Селифан снова достаёт из кармана карточку, показывает:

– Карточка, настоящая. Видишь, «золотая», – и рассказывает всю историю. Потом спрашивает, работает ли сегодня ночной отдел гастронома в Доме Морозова. Бутылка бы не помешала...

Жора берёт из его рук банкноту, привязывает сумку к багажнику, садится в седло и исчезает за углом. Селифан, чувствуя себя дурак дураком, разводит руками и плетётся следом. Странно пустой выглядит стоянка на-

против университета – без дорогих иномарок и суесящихся гаишников. На перекрёстке мигает жёлтым светофор. Ночной отдел светится изнутри, дверь открыта, но Жоры внутри уже нет. Селифан вдруг чувствует жуткий голод, покупает на закуску несколько банок консервов и крекеры.

Жора ждёт его у своего подъезда, сумка вроде на месте. Селифану стыдно, что посмел плохо подумать о товарище, и он в отместку себе решает, что безопаснее места для чужих денег, чем под железной кроватью у Жоры, ему не найти. Вот уже постелено Селифану на полу, а коньяк разлит в чашки разного размера. Селифану как гостю достаётся большая, с красивой и почему-то белокожей китайкой под ивами. О, не даром она белокожа! Это ведь госпожа Икс в китайском одеянии, улыбается, но грозит пальчиком. Он подносит чашку к губам – и ставит на стол. Укладывается на полу, и хотя Жора пересказывает безумно интересные новости, засыпает сразу, как только голова касается подушки.

Глава 23. ИСТОМИН: толстушка Лина нарушает гармонию; телефонное признание старого стилиста; горе вам, в детстве не гулявшим в Ботсаду

– Лина, можно мне позвонить по вашему телефону?

Кудрявая толстушка Лина, продолжая критически рассматривать вихрастый затылок сидящего в парикмахерском кресле Жоры, кивнула, и Селифан придвинул к себе простой телефонный аппарат.

Его только что постригли, и он, как и всегда после стрижки, резко не понравился себе, когда Лина с помощью добавочного зеркала показывала ему уже обработанные виски и затылок. Как и всегда после стрижки, ощущал он сейчас неясную обиду и одновременно – смутную надежду, что волосы опять вырастут, а уши не будут нелепо торчать. И чтобы заглушить эти не вполне справедливые в отношении полненькой парикмахерши чувства, положил он позвонить Истомину отсюда, из её миниатюрного, на одно кресло, салона, снова сэкономив на покупке одноразового мобильника.

А в парикмахерской они оказались, потому что утром Жора убедил его, что революция революцией, а работать надо. Вот во время прошлой революции, Оранжевой, действительно, бюджетникам месяц не платили зарплату, однако выгадали вовсе не те, кто побежал из Киева сломя голову! А Жора не мог закончить сюжет без него: надо было прочитать текст на фоне телестудии, а ещё лучше – той престижной высотки, где сняла квартиру авантюристка, выдающая себя за двоюродную сестру блистательной Влады Черняк. Зубы пришлось почи-

стить, выдавив пасту на палец, бритву Жора ему позаимствовал, равно как и тесноватую в плечах рубашку, однако причёску решительно раскритиковал. Считая, что с такими дико отросшими волосами нельзя показываться перед камерой, он затащил приятеля к своей парикмахерше или, как её отрекомендовал, стилистке...

– Здравствуйте, Алексей Петрович! Вас беспокоит Селифанов из передачи «В гостях у звезды». Я бы хотел у вас кое-что уточнить...

– Нашёл время! Положить трубку. Немедленно!

Селифан выполнил приказ. Через минуту раздался звонок.

– В самом центре поселился, приبلуда бердичевский... А что это возле тебя щёлкает?

– А это жена решила меня постричь, Алексей Петрович. Посадила на кухонный табурет, обмотала мне плечи фартуком и давай работать большими чёрными ножницами – знаете, из набора ножей для кухни? – и подмигнул Лине, а та радостно вылупилась на него. – И я не бердичевский приبلуда, мы из Донбасса.

– Ладно. Что там у тебя? Мне ещё кофе допивать. Эту чашку придётся вылить. Простыл кофе из-за тебя.

– Алексей Петрович, были ли вы в свое время любовником Маргариты Львовны?

Лина восторженно захихикала, однако из трубки доносилось только сиплое дыхание Истомина. Наконец, старик отозвался:

– Хотел было я задать тебе вопрос, не стыдно ли спрашивать о таких вещах при жене? Да слышу теперь, что она у тебя такая же бессовестная приبلуда, как и ты. Вот уж, поистине, ни стыда, ни совести...

– Так, значит, между вами ничего не было?

– Отчего это ты так шибко обрадовался? А? Ладно, вот теперь расскажу. Тем более мне это легче. Оттого, что не наблюдаю твоей нахальной физиономии.

Тут Лина оставила свое рабочее место, подскочила к Селифану и прижалась ухом и тугой щекою к телефонной трубке с другой стороны. Она держалась поодаль, чтобы не прикасаться к нему, однако всё равно едва не вогнала его в краску: вспомнилось, как во время стрижки невзначай задевала его то пышным бедром, то грудью.

– ... моя Аня, возможно, подслушивает за дверью. Да уж ладно.

– Это было, когда Маргарита Львовна пыталась помочь вам во время первого вашего запоя?

Жора, не достриженным оставшийся сидеть в кресле, присвистнул.

– И не смей свистеть мне тут! Да, тогда я пережил кризис после второго развода. Это когда мы с Софочкой разбежались. Вот тогда Рита, если коротко, попыталась меня утешить. Странно, что я об этом рассказываю... Дело в том, что сам не знаю, правильно ли будет сказать, что мы были любовниками.

Лина сделала большие глаза, а Селифан неприятно удивился:

– Как может быть такое?

– Да вот так и может... Мы были готовы переспать, да только у меня ничего не вышло. То есть мы решились стать любовниками, легли в одну постель, но... Слов нет, Риточка пыталась мне помочь, но безуспешно. Я оделся, да и поехал домой. Любопытно мне, считает ли она, что мы всё-таки были близки? Вот только я никогда её об этом не спрошу. Почему ты молчишь, приبلуда? Хихикаешь там небось?

Лина вздохнула, Селифан пробормотал:

– Да что тут скажешь, можно только посочувствовать...

– Вот-вот. Несмотря на деликатность умницы Риточки, я чувствовал себя как оплётанный. Она названивала мне, предлагала встретиться. Я как-то отбрехивался. А вскоре привязалась ко мне в кабаке одна цыпочка, тоже пьяноватая, и вот с нею у меня замечательно получилось. Но я не стал снова экспериментировать с Риточкой, оказался умнее. А в чём умнее, схватываешь?

– Ну...

– А то. Если ты предпочитаешь иметь с женщинами лёгкие, ни к чему не обязывающие отношения, то делай, как я. Выбирай для этого таких баб, которые к тебе тоже легко относятся, и не будешь иметь никаких неприятностей. А Риточка тогда что-то так на меня посматривала... Будто слишком серьёзно воспринимала наши отношения, сечёшь?

– Все вы, мужики, скоты.

Лина это прошептала, однако Истомин, старый хрен, расслышал.

– Скажи своей супруге, что лучше быть скотом, чем говорить пошлости. Однако заболтался я с тобой.

Короткие гудки. Селифан опустил трубку, но глаз не поднимал. Он видел, что Лина отступила немного, однако не уходит, ждёт, что он скажет. Выручил его Жора:

– Ничего не поделаешь, ведь девушка права относительно твоего... ньюсмейкера. В самом деле, исповедует философию общества потребления, хоть, как ты говорил, и сочувствующий большевикам.

– Жорик, какой ты умный!

– А кстати, что про нынешний бардак варнячают коммунисты? – спросил Селифан, наблюдая, как движутся на ходу под коротким белым халатом прельсти-

тельные округлости Лины, возвращающейся на своё рабочее место.

Вот любопытно, было ли такое в жизни этой компанейской девушки, чтобы мужчина, которого она себе выбрала и допустила до ложа, уже лежа на ней, оказался несостоятельным? Лежа на ней, ой-ёй-ёй! Острая боль пронзила вдруг Селифана, едва не заставив застывать вслух. Ревность не к Лине, которая только что вертела перед ним задом, так, на всякий случай вертела... Нет, он обманывает себя, потому что безумно ревнует и к Лине, к ней тоже! И к тем бесчисленным женщинам, которых уже не увидит на улицах этого прекрасного города или в компе, если завтра именно он зазевается и поймает шальную пулю или если не увернётся от гусениц. Но госпожа Икс... Как посмела она втрескаться в этого чванливого фанфарона? Что тогда позволила ему, и как именно пыталась помочь в той гротескной ситуации? О Господи! Нет, лучше этого вообще не представлять...

Жора, заново обмотанный салфетками, уже молчал, ожидал ответа. Селифан много раз выслушивал его филиппики против нынешних коммунистов, поэтому, решил, что не ошибётся, обозвав их ещё раз бандой чиновников во главе с партайгеноссе. И заработал поощрительную улыбку Лины, напомнив старый анекдот:

– Пора, пора Ленину возвращаться из своей Швейцарии!

Но вот и Жора подстрижен. Селифан нащёлкивает в «Контакты» своего мобильного телефончик Лины и за чем-то целует у неё руку. Жора проталкивает приятеля в дверь, а сам задерживается ещё на несколько минут в крошечном салоне под вывеской «КЛЮ. САЛОН КРАСОТЫ». Селифан пытается вспомнить, что было здесь перед этой парикмахерской, и не может. А в старину лавчон-

ка какая-нибудь. Табачная, или цветочница гвоздики продавала для бутоньерок. Селифан, сам удивляясь неожиданно проснувшись в нём археологическому любопытству, осматривается.

Вон на билборде, дебильно неуместном среди застройки позапрошлого столетия, блондинка с прямыми длинными волосами говорит по мобильнику. И под билбордом такая же блондинка проходит, с похожим мобильником возле спрятанного ушка. Выходит, не так уж и опустел центр, как пугали в пересказанных Жорой новостях. И тут пришла ему в голову совершенно дикая мысль: а что, если вся эта последняя заварушка тем как раз и объясняется, что старый город не смог дольше выносить издевательств над ним наших скоробогачей и решил вообще избавиться от надоедливого и пакостного человеческого племени? Словно моллюск, пытающийся вытолкнуть песчинку, застрявшую между створками его раковины... Сначала город предупреждал, прихлопывая по ночам балконами пьяных хулиганов и насылая помрачения на головы депутатских сынков, чтобы вообразили себя гонщиками на «Формуле-1», а вот теперь взялся за дело всерьёз...

– И в мыслях не покушайся – забито! – это, наконец, выплюнула Жору, звякнув стеклянными дверьми, запущенная четырёхэтажка с полусбитой лепниной на фасаде.

Селифан не сразу сообразил, куда он клонит, чём, как ни странно, обидел Жору.

– Пренебрегаешь, квартирант за секс услуги! А ведь классная девочка...И не без юморка, хоть по ней и не скажешь.

Селифан попытался заказать такси по телефону. Однако, судя по всему, забастовка продолжалась, несмотря на то, что уже за десять утра. Не стовариваясь,

пошлёпали они на Лукьяновку пешком. По дороге Жора принялся объяснять, как Лина ухитрилась прийти на работу, даже не догадываясь, что в городе что-то не то творится.

– Так она, говоришь, на работу пешком ходит? – думая о своём, переспросил Селифан.

– Снимает конурку здесь неподалёку, – кивнул Жора и погрозил вдруг пальцем. – Но адресочка тебе не дам, и не жди!

Оказалось, что у толстушки вчера был выходной, и она полдня проспала, а полдня кофейничала и играла. Потом позвонила подружке...

– Постой, а на чём же она играла наедине? Только не впаривай мне, будто на скрипке.

– Да на компе шпилила, в «Спайвиледж-кроникс», тьфу... Детство. Ну, позвонила подружке и давай ей про игру, не дала и рта раскрыть. А потом в постельку и заснула сном невинности.

– Здорово! А вот до чего я додумался, пока она с тобой об этом щебетала.

И Селифан изложил другу свою идею о городе, выживающем жителей. Тут же засомневался, а стоило ли? Ещё украдет... Однако Жоре идея не понравилась.

– Ты у нас покамест не настоящий сценарист, а только прикидываешь, с какой бы стороны взяться за дело. Поэтому и не знаешь ещё, что в наше время невозможно придумать новый сюжет. Дома столько раз уже напали на людей, собственные тачки избавлялись от них тоже, да и насчёт города... Был такой фильмец, «Сайлент-хилл», но лучше проверить. А мне вот что пришло в голову... Да ты не слушаешь, друг ситцевый!

– Извини, Жора... Запыхался я с непривычки.

– Мне пришло в голову, что уж если на улицах постреливают, а мы вынуждены по ним шляться, хорошо

бы вспомнить, как учили нас в армии вести себя под обстрелом.

– А ты разве служил в армии?

– Поймали меня как-то, ещё в родимой глубинке, и отвезли на сборы. Вроде бы надо перекачываться по земле, а также передвигаться перебежками.

– Это ты, салага, в кино насмотрелся.

– А ты разве служил, что салагой обзываешь?

– Отгарабанил два года... Но поскольку забрали меня из училища культуры, то и служил я в дивизионном клубе. Однако курс молодого бойца прошёл, и по тревоге хватал автомат и поступал вторым номером к гранатомётчику.

– И от тебя никакой пользы, дружище, если в клубе... Стой!

Это впереди звонко лопнул выстрел. Селифан на мгновение замер, потом схватил Жору за плечо и толкнул за ствол старого каштана. Укрылся и сам.

– Вроде бы не свистело... А ты не слышал? – и когда Жора помотал головой, отпустил его плечо. – Значит, не в нашу сторону... Пошли дальше потихоньку.

Потихоньку? Не стовариваясь, ускорили они шаг. Жора предложил спуститься по Толстого, по бывшей трамвайной колее. И правильно: если случилась бы опасная встреча на узкой проходной аллее к бульвару, между ботаническим садом и университетским двором, оставалось бы только разворачиваться и удирать, подставляя спину под пули.

Селифан усмехнулся:

– Мимо богатого места идём, Жора. Там, с другой стороны забора, в яру, всегда валялись груды бумажников и кошельков. Карманники, поработав в троллейбусах, избавлялись тут от улик, просто перебрасывая через забор.

– Куча пустых кошельков – неплохая метафора для нашего городского бюджета, а? Да тебе полезно пугаться время от времени, я вижу...

– Ну, Жора, я же хотел тебя развеселить. А ещё и себя.

– Место не шибко весёлое. Это ведь здесь трамвай сорвался с тормозов, и все люди погибли, на этом спуске? Трамвайный маршрут сняли тогда, а рельсы до сих пор ржавеют.

– А кто тебе рассказывал?

– Кто-то из наших, не помню уже.

– А мне хиппарь наш, Славик. Выходит, что тебя обманули, Жора. Этот маршрут закрыли только в конце восьмидесятых, через тридцать лет после катастрофы. Интересный был маршрут, эта «восьмёрка». На конечной трамвай не разворачивался, просто упирался в тупик, водитель переходил в другой конец вагона, а там вторая кабина. Народ называл такие двусторонние трамваи «тяни-толкаями». Только очень уж старые они были. Славик рассказывал, что однажды «тяни-толкай», на котором он ехал, встал, не доехав до остановки у вокзала, баба-водитель открыла свою дверь и пошла подбирать детали, выпавшие из двигателя.

– Да ну! Так-таки прямо и выпали? А по мне, дружище, это просто безобразие, что они нас постоянно в своё дерьмо носом тычут!

И тогда лицо Жоры исказилось в гримасе не то отращения, не то отчаяния. Во всяком случае, вынудил он Селифана спросить участливо:

– Кто – они, Жора? Во что – носом тычут?

– Да местнорождённые эти, коренные киевляне, вот кто! Мы хуже их, мы тут чужие – потому, видишь ли, что я в детстве не ходил гулять с няней в этот их Ботсад и не наблюдал, как из нутра старого трамвая сыплются детали движка! Ненавижу этих пижонов!

Селифан ещё раз присмотрелся к приятелю. Проблема, конечно же, есть, да ещё какая! – если даже более чем благополучный Максим Лукич, фактический владелец «Дзета-банка», никак не может забыть о том, что в Киеве приезжий. Есть тут и ему над чем подумать, и о чём сказать, тоже бы нашлось. Однако, судя по всему, Жора просто боится. И это вполне нормально. Ненормально, что он сам не боится идти в ту сторону, где четверть часа тому назад стреляли. И неизвестно кто. А Жору хорошо бы отвлечь...

– Забей на это. Ты вчера так интересно рассказывал о танке, о том, что разбойничал на Дарницкой площади. Повторил бы мне сейчас, а то я вчера отключился не по делу...

– Ладно. Только если ты думаешь, что сумел стать одним из них, то напрасно надеешься. А про танк? Выяснилось, что вовсе то был не танк, а бронированный тягач, какой-то сапёрный мостоукладчик.

– Ещё один «Тяни-толкай», право слово... А как же тогда он ухитрился за «мерсами» гоняться?

– Так и не гонялся, оказывается, не гонялся! А за углом, со стороны проспекта Мира, в засаде сидел. За универмагом, значит. Как увидит «мерс» или просто дорогой «джип», так и таранит. Или борт подставляет, а потом уже давит.

– А зачем они были экипажу, такие подвиги? Как думаешь, Жора?

– Зачем же ещё, как не страху нагнать? Их товарищи на Майдане бунтуют, требуют отставки президента и правительства, а эти пугают. Забыл сказать, что эти самые, в камуфляже и омоновских масках которые, расстреливают на нецентральных улицах спутниковые

антенны, и мне уже совсем непонятно, нахрен оно кому нужно. Вот доберемся до Инета, посмотрим, что пишут о киевских партизанах европейские СМИ. Не удивлюсь, если обвинят во всем армию и эсбистов.

Кивнул Селифан и принялся по новой обзванивать диспетчеров такси. И – чудо чудное, диво дивное! – такси удалось вызвать.

A handwritten signature in black ink, appearing to be the name 'Marty' or similar, written in a cursive style.

Глава 24. РУСЛАНОВ: свидание на Евбазе; киевские Журдены, а также о торговле новейшим антиквариатом

После съёмки, непривычно и даже неприлично затянувшейся (Вован капризничал, вот почему), Селифан тотчас же разблокировал мобильник. Увы, госпожа Икс не звонила – да и когда было ей звонить, если дневной спектакль только что начался? Зато здорово отметился попытками связаться третий дружок загадочной красавицы, третий её четверговой приятель – препод Владислав Николаевич Русланов. Почему же не воспользовался подаренной банкиром рацией прямой связи – из деликатности, что ли? Он ведь и раньше напоминал о себе – делать ему там нечего, или студенты забастовали, как во время Оранжевой революции? Селифан нервничал ещё и потому, что не очень-то понимал общую обстановку. Руководство канала распорядилось продолжать все уже запущенные программы, и подчеркнуло, что поддерживает законного президента и назначенное им правительство. Позиция-то понятная, но оставалось неясным, приведёт ли она к успеху. А Селифану очень было важно, чтобы получка была, как обычно, переведена на его счёт второго числа.

Однако съёмка закончена, с Жорой договорено созвониться вечером, а если, не дай того Бог, покрытие вдруг исчезнет, то встретиться у него в коммуналке. Ничто не мешает звякнуть сейчас Русланову. Тот отозвался тотчас же:

– Наконец-то, Аркадий! Нам с вами нужно немедленно увидеться. Иначе исповеди Максима и Алексиса об их прекрасных чувствах к очаровательной Маргарет не сольются в вашем романе в действительно гармоничное единство.

– О! И вы ещё помните... Точнее, откуда вы знаете о каком-то ещё романе? Теперь о сценарии для сериала, собственно?

– Так мне Маргарет все уши прожужжала... А что?

– Да неактуально как-то, Владислав... э-э-э, Николаевич.

– Лучше вы меня называйте Владиславом, как я вас – Аркадием. Очень мне нравится эта интернетная манера: и демократично, и уважительно. А насчёт актуальности... Музы, быть может, и молчат, когда говорят пушки, однако же борзописцы строчат, разве нет?

– Ну да.

– Простите, Аркадий. Я как-то не подумал, что вы можете обидеться.

– Ладно, проехали. И кто же мы тогда, телевизионщики, если не нынешние борзописцы?

– Вот-вот... А я ещё брякнул, не подумавши – и тут же испугался, что вы подумаете, будто я о вашем сочинении так сказал.

– Всё в порядке, Владислав. Давайте адрес.

– Прощения прошу, но к себе домой не могу вас пригласить. Семейные обстоятельства не позволяют. Если надо будет, я потом объясню. Предлагаю вместе пройтись по маршруту моей ежевечерней прогулки.

– Так ведь... небезопасно сейчас!

– И ничуть не опасно, Аркадий! Я ведь живу, если по киевским меркам, практически в двух шагах от вашего канала. Давайте встретимся на углу Дмитриевской и

Бульварно-Кудрявской. Здесь ведь совсем тихо. Неужто вам из вашей студии не слышна здешняя тишина?

– Даже так... Это с Лукьяновки-то? Что ж, согласен.

– Через четверть часа. Идёт?

Издали распознал Селифан своего бывшего препода. Тот торчал на углу, чуть выше перехода, расфрантившись не ко времени: белый костюм, бежевые остроносые полуботинки, и постоянная составляющая униформы для лысых – шляпа, лёгкая, летняя. И уже выйдя на Бульварно-Кудрявскую, рассмотрел Селифан на шее у Русланова голубой шёлковый платок. Будто не на деловое свидание собирался, старпёр пижонистый!

Подавил Селифан мгновенную неприязнь и, на светофор внимания не обращая, пересек непривычно пустынную Бульварно-Кудрявскую. Разглядев его, Русланов гостеприимно растопырил руки, а затем с лёгким полупоклоном прикоснулся к полю шляпы. «Любопытно, кем он сейчас себя воображает?» – подумал Селифан и кивнул в ответ.

– Прежде всего хотел я вас окончательно убедить в полнейшей безопасности нашей совместной прогулки, – зачастил Русланов. Попытался взять Селифана под руку, а затем просто подтолкнул его в сторону подъёма по Бульварно-Кудрявской. – Вчера тут даже по спутниковым антеннам никто не стрелял. Ну, разве что уже после вечерних новостей, когда, заслышав о новом приколе, некоторые неблагополучные подростки, из тех, что ездят на трескучих скутерах, которые раньше назывались мотороллерами... Что творится с языком! Так вот они палили по спутниковым из малокалиберной пневматики, но без особого успеха...

– А у вас у самого спутниковая тарелка, Владислав? – заинтересовался вдруг Селифан.

– Нет, у нас кабельное ТВ. Однако это преимущество временное. Если компания кабельного загнётся, придётся вставлять в гнездо «ящика» проволоку вместо антенны... Будем тогда разгадывать шарады на экране: у дома слишком толстые стены, и окна квартиры выходят в противоположную сторону от вышки... О чём это я? – ведь и вышка тогда отключится.

– Хотели успокоить меня, Владислав, а получилось, что ещё больше напугали. Ведь для вас эти движущиеся картинки развлечение, а я за их счёт живу.

– Правда? Я давно не заглядываю в зомбоящик, разве что за новостями, и то только в последние дни. А сейчас мы с вами поднимемся до Гоголевской и по ней выйдем к Павловскому парку.

Не только Бульварно-Кудрявская пуста, но и магазинчики, густо усыпавшие первый этаж углового дома, закрыты, а на витринах белеют металлические шторы.

– Красавец! – дернул Русланов подбородком направо, остановился и задрал голову. – Нет, я понимаю, что его надо с той стороны улицы рассматривать, а приятнее всего смотреть со двора: там всё скромно так и достойно... Однако ж фасад – какая богатая, самоуверенная какая эклектика! И я представляю, до чего тошно было этому домине-аристократу без конца глядеть на мелкую суету Евбаза.

– Ну уж нет! Во всяком случае, вы сильно преувеличиваете, – Селифан даже сбегал назад, на угол, будто больше ему делать нечего. – Если этот роскошный дом и вынужден был, как вы говорите, бесконечно созерцать демократическую и шумную толпу на Евбазе, то не фасадом своим, по мне так весьма безвкусно декорированным. А вот, вы подойдите, посмотрите сами. В сторону цирка, на месте которого и был Евбаз, он выходит

вполне слепой, гладкой боковой стеной – брандмауэром собственно.

– Не вижу необходимости бегать туда-сюда, – проворчал Русланов, несколько озадаченный напором спутника. – Прошу меня простить, но я живу на Евбазе с самого своего рождения и прекрасно помню, куда какая стена тут выходит. И позвольте вам заметить, что фасад углового дома отнюдь не всегда смотрел на газон и дебильное здание банка, как сейчас. Здесь, как и на каждом уважающем себя киевском базаре, стояли так называемые павильоны. Помнится, торговали в здешних сараях стройматериалами (толем, линолеумом), столярной фурнитурой, ещё всякой хозяйственной мелочёвкой.

– Вот и замечательно, – согласился Селифан и заставил себя улыбнуться. – А я тут рядом, по киевским меркам, на Лукьяновке, вот уже несколько лет, как работаю. Когда едешь туда-сюда, одно дело, а вот когда ходишь пешком, поневоле присматриваешься к архитектуре, а мне это занятие, разглядывать старинные дома, всегда нравилось.

– С самого детства, наверное?

– В детстве мне нечего было рассматривать, Владислав. Я родился на станции в Донбассе. Железнодорожный узел и посёлок вокруг, собственно. В войну там всё здорово разбомбили, и немцы, и наши постарались, а как после войны отстраивалась провинция, это всем хорошо известно. Хотя теперь могу сказать, что одно из чудом сохранившихся паровозных депо было построено в стиле модерн.

– В Киеве тоже есть такие депо и пакгаузы, – проворчал Русланов. – Знаете, что меня всегда удивляло?

– И что же?

– А дурацкая приверженность дореволюционного железнодорожного начальства к стильным постройкам. Почему грязный, весь в дыму и саже, паровоз должен был проезжать не иначе как под изящно выгнутой аркой? А насчёт вашего депо... Расскажу-ка я вам анекдот. Как любителя архитектуры, он вас рассмешит. У меня был знакомый, коренной киевлянин с высшим образованием, и вот этот, так сказать, интеллигент здорово изумился, когда ему сказали, что Киевский вокзал построен в стиле модерн. Если угодно, в стиле сецессион – или в югендстиле, коли вам удобнее, ещё арт-нуво.

– Это у Мольера горожанин удивляется, что всю жизнь, о том не зная, говорил прозой?

– Не очень-то, вижу, рассмешил вас мой анекдотец... А вот тут я всегда делаю первую остановку.

Чудак приставил ногу и встал лицом к противоположной стороне улицы. Селифан увидел, что он уставился на действительно очень симпатичный фасад дома в четыре этажа. Ну, разве что несколько испорченный застеклёнными по-дурацки, кто во что горазд, балконами. Селифан сказал об этом. Русланов кивнул и сделал несколько шажков выше по улице.

– Особенно же он отсюда хорош.

Селифан – за ним, и сразу же в ноздри ему ударил густой смрад.

– Там два мусорных контейнера за забором. Иногда пованивают, – пожал плечами любитель архитектуры.

Селифан не поленился удостовериться, заглянув через каменный забор. На заднем плане там стояло старое здание. Тоже модерн, но строение облицовано чёрной керамикой, какое-то мрачное, и уж, во всяком случае, сильно запущено. Сразу за забором – не только два контейнера, но и куча зловонного мусора. А из-за кучи вы-

совывалась нога в потрёпанном ботинке, сером носке и задрывшейся штанине. Одна почему-то.

Селифан поднялся ещё выше, к въезду во двор и вернулся к мусорной куче. Оказалось, что испугавшая его нога принадлежит бомжу. Мужик просто подогнул под себя правую ногу, однако, хоть и в неудобной позе, спал сладким сном.

Двинулись дальше. Селифан чувствовал себя неловко, и как раз пытался понять, почему, когда его бывший препода спросил:

– Заметили, что я не подошёл к бродяге, а остался у забора? – и, когда Селифан кивнул в ответ, пояснил. – Я обеспечивал вам свидетеля на случай недоразумения. После истории, случившейся с одним моим коллегой, я подавляю в себе благородное желание помочь, если вижу такую картину. Коллега вот так же фланировал улицей и наткнулся на лежащего под столбом мужика. А у коллеги тесть недавно перенес инфаркт, и он подумал, а не кондрашка ли и этого хватило. Присел на корточки возле лежащего, и не успел распознать запах перегара, как его взяли под белые руки. А это, оказывается, патруль ментов проезжал мимо, и они решили, что коллега вознамерился обокрасть пьяного. Отвезли в отделение и давай ему дело шить. Еле беднягу знакомый адвокат вытащил. И вообще влетел моему коллеге благородный его порыв в копеечку, уж не вспоминаю о пережитой им невзгодке.

– Меня бы они не тронули, – похвастался Селифан. – У меня ведь журналистское удостоверение. Четвёртая власть! Я всегда могу сослаться на выполнение профессионального долга.

– Все эти удостоверения только для мирного времени. Да и менты – где они сейчас? Помнится, и во время Оранжевой революции они просто исчезли с этих улиц.

Да что мы всё о грустном да о грустном... Вот на этом углу можно и посмеяться. Эта серая громадина когда-то была школой, и с той стороны Тургеневской видна ещё надпись. Теперь в здешнем околотке не нужны школы: детей для них нету. Если же местные обыватели и заводят ребёнка, то в обычную школу по месту жительства его не отдадут. А тут, вот видите, антикварный салон. Так просто не войдёшь, надо звонить – видите кнопку? Они тут давно, эти дельцы, и за все эти годы, уверен, и пуговицы не продали. Только вывеску сменили, раньше была уморительная: «Современный антиквариат». Здорово, правда?

– Ага... Почему же вы думаете, что ничего не было продано?

– Потому что я был внутри. Мне по некоторым причинам понадобилась срочно ширма, а там в витрине уже несколько лет стоит... Да вон она, видите? Вот ведь беспечные какие, у них даже металлических жалюзи нет...

– Издалека смотрится ничего.

– Вот и я так подумал. На безрыбье, мол, и рак рыба... Двух сотен баксов, думаю, не жаль. Как раз были с собою. Позвонил, открыли два вполне симпатичных мальчугана, в стиле нью-йоркских яппи, знаете? Показали мне эту ширму, смотрю: фанера, бумагой обклеенная, а на бумагу рисунок нанесен типографским способом.

– Да уж... Нет, это не Рио-де-Жанейро.

– Вот именно, Аркадий. Далеко не Рио-де-Жанейро. Однако на всякий случай, а правду сказать, так больше из вежливости, спрашиваю, сколько. И чуть не падаю – четыре тысячи баксов! Не прошло и месяца, как я нашел прекрасную китайскую ширму из настоящего дерева, с ручной росписью, чуть ли за треть этой цены.

– А нет ли на вашей ширме белокожей китаянки в традиционном костюме? – вдруг заинтересовался Селифан.

– Белокожей, говорите? Забавно... Нет, у людей там желтовато-кремовые лица, а у драконов тёмно-зелёные. А вы сами, как вы относитесь к настоящему антиквариату, Аркадий? Если это не секрет, конечно...

– Какой там ещё секрет? Никак я к антиквариату не отношусь, Владислав Николаевич. Вот к двум кредитам, за квартиру и за машину, к ним я очень трепетно отношусь, это да...

– Гм... А вот на меня распространяется всегдашнее преимущество коренных киевлян: на жизненном старте у них, как правило, есть хоть какая-нибудь жилплощадь. Возвращаясь же к «Современному антиквариату», скажу, что эта странная торговля чуть ли не почкованием распространилась по улице. А именно, сейчас мы с вами стоим перед витриной магазинчика, коему вывеска «Современный антиквариат» подошла бы куда больше.

Селифан глянул ещё раз – нет, он не ошибся: витрина защищена стальной ролетой. Русланов любезно заметил:

– Вы все равно ничего хорошего там не увидели бы. Политика такая у них, что ли – выставлять на витрину всякую дрянь? А на самом деле это лавчонка очень даже неплохих итальянских подделок под антиквариат; наверное, лучше было бы сказать, имитаций. Ведь за настоящие вещи тут ничего не выдают. Вот только цены за свои подделки заламывают такие... Право же, больше, чем ещё несколько лет тому назад в Киеве просили за настоящий антиквариат. Я, впрочем, купил здесь лампу в стиле модерн – ну очень уж мне оказалась по сердцу! С искусственной патиной, это же надо. И у девушки, что её, лампу, то есть светильник, собственно, держит, точно такая прическа, как у той, со стаканчика для ка-

рандашей начала века, тоже бронзового. Был такой у меня в те времена, когда антиквариат копейки стоил, да только мы свои копейки тратили зачем-то на еду да на штаны, чтобы задницу прикрыть... Погибла та вещица, родителями моими и в военные годы сохранённая, в моём несчастливом браке.

– А можно спросить, Владислав Николаевич?

– Валяйте, Аркадий. Ведь это вы берёте у меня интервью, а не я у вас. Почему же тогда не прихватили с собою оператора?

– Потому что для сценария. Вы забыли, Владислав Николаевич.

– Беда мне, напрасно шею мыл... Так спрашивайте же, не томите, Аркадий.

– Договорились. Скажите, откуда у вас деньги то на натуральную ширму, то на тысячную лампу? Вы ведь, это мне запомнилось, сейчас не в нашем с вами национальном университете читаете, где двойные ставки.

– Да, в другом уже месте. А подрабатываю я редактированием. Всё меньше остается людей, по-настоящему владеющих литературным языком. Я, разумеется, не доживу до того времени, однако в будущем такие знания будут стоить больших денег. Хе-хе.

– А почему вы ушли с нашего факультета журналистики?

Глава 25. РУСЛАНОВ: о двух доцентах – Бахтине и Русланове; тени славного киевского прошлого, витающие над Гоголевской; значение имени Селифана

Они проходили теперь мимо обычных для центра Киева магазинчиков и аптек, да только сейчас закрытых. Впереди слева нависал уже, как предупредительно напомнил Русланов, голубой дворец «Общества по распространению начального образования», выстроенный, видать, для того, чтобы внутри удобнее было рассуждать о необходимости распространения начального образования. Селифан хохотнул и счёл нужным осведомиться, почему Владислав Николаевич не ответил на вопрос.

– Это почему я ушёл из университета? Да были причины не отвечать, Аркадий, как же без них, – тотчас же, будто дома ещё подготовился, что ответить, заговорил Русланов. – Несколько довольно важных причин. Наиболее серьёзная вот такая. Вы ведь пришли спрашивать меня о моих отношениях с Маргарет, а вопрос о том, где я сейчас работаю, не имеет к ним отношения... Вот ведь, надо было как-то по-другому сказать...

– Я не согласен. Здесь всё ко всему имеет отношение.

– Мы с вами сегодня достаточно коряво выражаемся, Аркадий, однако по сути вы правы. Я и сам так думаю... Давайте постоим: тут, на перекрестке, я всегда отдыхаю. Да, вторая причина та, что придётся раскрывать свой настоящий возраст, а мне это неприятно. Я ведь намного моложе своих лет выгляжу и, само собой, хотел бы, чтобы меня на эти года и воспринимали. А это ведь вполне естественное желание – правда, Аркадий?

– Ну, да... Наверное.

– Я мог бы промолчать, но уж если вы знаете даже о двойных ставках, то осведомлены, возможно, и о том, что в нашем с вами, как вы изящно выразились, университете доцента, кандидата наук отправляют на пенсию в шестьдесят пять. Я же в своё время, в отличие от Максима и Алексиса, пренебрёг защитой докторской диссертации.

– А разве...?

– Вы хотите напомнить мне, что таковский подвиг не каждому по зубам? Бюрократическая сторона защиты, да, она усложнилась с советских времен неимоверно, а вот научное значение докторских здорово снизилось. Теперь каждый, одолевший выпускные экзамены в педагогическом, может и докторскую защитить – в особенности, если купит уже готовый текст.

– Об этом и у нас наслышаны... И всё же – почему вы не защитились, Владислав Николаевич?

– Да защитился я, защитился! Своевременно защитил кандидатскую, что даёт в университете возможность спокойно преподавать. Правда, до определенного возраста, как видите. А докторская... Я, когда задумывался об этой возможности, уже имел поводы, чтобы трезво оценить свои возможности в науке. Больно признаваться, но я из тех, кто способен накапливать знания, а вот создавать новое знание – нет. Я всю жизнь был скорее полигистором, чем исследователем.

– А Максим Лукич и Алексей Петрович?

– О, эти оба не без Божьей искры... Вон Алексис, хоть и проспиртовался насквозь, до сих пор пытается что-нибудь новое придумать. А у меня ещё две причины были: одна зряшная, вторая скорее серьёзная. Первая. Я всем отвечал, пока меня ещё об этом спрашивали: если уж

Михаил Михайлович Бахтин так и умер доцентом, то мне тогда сам Бог велел.

– А... Нет, чтобы оглянуться и посмотреть, сколько вокруг докторов и профессоров, которым однох..., которым до лампочки, кем умер Бахтин – академиком или бакалавром.

– Бакалавров тогда, в СССР, не было. Однако же вы, стало быть, знаете о Бахтине, а вот Алексис, философ самозванный, боюсь, что нет. Кстати, то, над чем сейчас мозгует Алексис, называется теперь философией наивности, лет десять тому назад в Москве и сборник под таким названием вышел. Я же и в самом деле всегда питал к Бахтину глубочайшее уважение, ведь это был не человек, а какая-то шкатулка с бесчисленными секретами. Идеи из него так и били фонтаном! Но, помнится, меня покорибил развязный мемуар одного покойного уже литературоведа. Этот фанфарон в монографии обсуждал вопрос о том, врут ли на Москве или не врут, что он, такой-то, при встрече с Бахтиным упал перед ним на колени. Представляю, как смутился Михаил Михайлович! А литературовед тот прославился не этой глупостью, а заявлением в печати, будто при советской власти ему жилось лучше. Он раздражал меня ещё и тем, что писал каким-то искореженным языком. Раньше-то его правили, а в последних книгах совсем распоясался. Уж если ты болгарин, а пишешь на русском, козёл, так хоть не обгаживай огород, в который тебя пустили! И погиб нелепо: жил в Переделкино, вышел прогуляться вдоль железной дороги и попал под поезд электрички. Это в семьдесят девять лет!

– Ну, если жил в Переделкино, то при советской власти уж точно не нуждался, – заметил Селифан холодно. Он злился потому, что как раз пытался вспомнить, чем именно прославился этот Бахтин. А вот о Переделкино

под Москвой был слышан. – Это же элитный поселок. За границу, небось, ваш учёный без конца ездил за государственный счёт.

– Насчёт этого не знаю, не знаю... Но советская власть рухнула, когда мужику было уже больше шестидесяти, и ничего удивительного, что для него всё лучшее осталось в прошлом. Однако докторскую этот литературовед защитил, хотя и пытался встать перед доцентом Бахтиным на колени, а я вот нет. Была и другая причина, более серьёзная.

О Бахтине Селифан слышал только на давней лекции препода Русланова. Период радостного накопления знаний, если и мог бы он таким похвастаться, пришёлся бы у него отнюдь не на университетский Институт журналистики даже, где учили, как ему теперь уже казалось, не столько знать, сколько уметь – при этом учили люди, или сами никогда в журналистике не работавшие, или знавшие о нынешнем её состоянии только понаслышке. Вот в пристанционном детстве, когда одолевал он книжные запасы районной взрослой библиотеки, обязательно принялся бы расспрашивать этого чудаковатого старичка о загадочном властителе дум Бахтине... Если бы преодолел застенчивость, конечно.

– Да вы же не слушаете меня, Аркадий!

– Извините, Владислав Николаевич, задумался о Бахтине.

– Вот оно что... А я уж подумал, что вам, человеку молодому, мои рассуждения о хворях до лампочки. Если короче, то ещё в том возрасте, когда преподаватели высшей школы начинают мечтать о докторской степени, заметил я, что свежеиспеченные доктора наук практически все через месяц-второй после защиты неизбежно сваливаются: кого инфаркт хватит, кого радикальное обострение язвы желудка, а кого инсульт – и даже на-

смерть... Ей-богу, был бы я технарём, как наш Алексис, непременно запатентовал бы это открытие! Причём со временем заметил я, что талантливые претенденты на докторскую степень, которым вроде бы нечего бояться, заболели точно так же.

– За компанию, что ли?

– Да нет, Аркадий. По моим наблюдениям, талантливым людям труднее защищать докторские, чем бездарям. Вот, кстати, и Бахтину не удалось. Дело в том, что кандидатские идут потоком, на них никто не обращает внимания, а вот докторская – уже иное дело. Пропуск, хоть в хреновенькую, да всё-таки ещё в элиту.

– Элита? У нас элита – это те, кто так себя называет.

– Вы это где-то вычитали, готов поклясться!

– Или услышал. Вы правы, мне самому такое не выдумать, Владислав Николаевич. Скажите, а вот с этим угловым домом связаны ли какие-либо исторические воспоминания?

– С этим вот как раз нет. А напротив, где теперь торчит никому не нужный банк, стоял домик, в котором жил Чалый, автор интересной биографии Шевченко, своего доброго приятеля... Тьфу ты, а ведь я перепутал! Чалый жил вон там, ниже по улице, а здесь стоял дом Павла Игнатовича Житецкого, личности интересной, но по-своему трагической. Был он избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук, а вот в родном Университете святого Владимира так и не довелось ему преподавать. Что ошибся я – как раз не удивляюсь: ведь какие ассоциации может вызвать этот бетонный гроб на месте снесенных старых домишек? Я думал как-то: а если лопнут все эти банки, разве удастся употребить на что-нибудь путное сии обезобразившие город помпезные сооружения? Впрочем, продолжим экскурсию, Аркадий.

Они пересекли сперва Бульварно-Кудрявскую, затем Гоголевскую, прошли немного вверх по Гоголевской, и там Русланов остановился – как отметил Селифан, спиной к действительно никакой бетонной коробке очередного банка.

– Вот этот, не угловой, а следующий сразу за ним, к нему плечом прижавшийся, вот этот дом № 15 всегда заставляет меня встать вот здесь и склонить голову. Там жил (в бельэтаже, как я думаю) замечательный русский филолог Николай Павлович Дáшкевич.

– Дáшкевич, вы сказали? А почему же не Дашкевич, с ударением на втором слоге? – небрежно спросил Селифан, по второму разу рассматривая четырёхэтажку. В другое время прошёл бы мимо, и внимания не обратив.

– Потому что Николай Павлович сам настаивал на таком произношении своей фамилии, – улыбнулся Русланов.

– Только не вешайте мне лапшу на уши, вам-то не мог он этого сказать!

Русланов явно смутился. Произнес несколько чопорно:

– Да разумеется! Как я ни стар в ваших, Аркадий, глазах, я никак не смог бы общаться с Николаем Павловичем, разве что с помощью медиума. Мне рассказывал о нём в начале семидесятых старейший тогда профессор нашего университета Александр Аристархович Лазаревский. Он-то закончил Университет святого Владимира в 1910 году, через два года после смерти Николая Павловича, и был в том же году принят в профессорские стипендиаты.

– Куда принят?

– Тогда так называлась аспирантура. Александр Аристархович не смог или не пожелал ответить, почему

Дашкевич настаивал именно на таком произнесении своей фамилии. Однако я кое-что прочёл с тех пор о Потебне, и если по аналогии... В общем, Потебня, когда учился в польской гимназии, упорно протестовал, если его называли на польский манер – Потэбня. Возможно, что и Дашкевич просто не хотел, чтобы его принимали за поляка.

Селифан пожал плечами. Кто такой Потебня, он помнил смутно, но информировать об этом препода не счёл нужным.

– В этом доме Дашкевич и умер в конце русско-японской войны. Вот он и учился в нашем с вами университете, и был его ординарным профессором. Научная карьера Дашкевича началась блестяще, он был избран действительным членом Петербургской академии наук ещё сравнительно молодым. Однако с началом века Николая Павловича настигла психическая болезнь, и с нею он так и не справился. И по списку работ видно: с начала столетия до самой смерти ни одной серьёзной публикации, а о том, что напечатано было сразу после его кончины, возможно, уже его друзья позаботились.

– «Возможно?» Неужели этот ваш всезнающий Лазаревский не знал этого точно? – прицепился Селифан, сам не зная зачем.

– Вам, Аркадий, Александр Аристархович непременно бы понравился, – широко улыбнулся Русланов, – и вы бы, конечно же, придумали, как его пригласить на свою гламурную передачу. Я запомнил его милым маленьким старичком, с длинными седыми усами и типично профессорским выражением лица.

– Умным?

– Я бы сказал, что и безгранично доброжелательным. Конечно же, Александр Аристархович знал, сам ли Дашкевич издавал свои последние работы, в благой момент просветления то есть, или его друзья и коллеги.

Знал – и сказал бы мне, если бы я его спросил. Но мы с ним разговаривали так давно, что я даже не помню, спрашивал ли его об этом. Да и не Дашкевич меня тогда интересовал, о Дашкевиче речь зашла лишь потому, что Лазаревский, как и он, жил на Гоголевской, только в самом начале. Дом этот, хоть теперь и зажат между двумя громоздкими новодолами, стоит и сейчас. И хоть это и совсем недалеко, отсюда не видно, потому что в конце спуска. Квартира на втором этаже, и Александр Аристархович рассказывал, что снял её в начале первой мировой войны и что она была ему явно не по карману, но он привык и решился не съезжать до последней возможности. А там и революция, после которой жилищный фонд был национализирован. Так семья Александра Аристарховича осталась в этой прекрасной по тем временам квартире, и их не уплотнили, потому что Александр Аристархович уже во время гражданской войны был избран профессором нашего университета. Правда, после Великой Отечественной войны, когда его обвинили в преподавании в университете при немцах (дело тёмное, правду сказать), ему пришлось заново защищать кандидатскую диссертацию, и он, уже чуть ли не в семидесятилетнем возрасте, второй раз в жизни получил диплом профессора без защиты докторской, *honoris causa*.

– Понятно.

– Рад, что вам понятно, Аркадий. Меня привёл к нему Павлик, последний аспирант Александра Аристарховича, а мой тогдашний приятель. Помнится, орнамент в подъезде напомнил мне фрески Софии Киевской, а тусклая медная табличка на двери «Профессоръ Александръ Аристарховичъ Лазаревскій» (причем резчик работал по старой ещё орфографии) преисполнила почтения. Теперь такие таблички вышли из моды...

– Грабителей нынешние профессора боятся, небось? – оживился Селифан. Ему вспомнилась дурацкая табличка на двери самовлюблённого Истомина.

– Да и тогда, если задуматься, они больше подходили профессорам-медикам: те, как правило, имели частную практику дома. Но я могу представить себе, до чего же приятно было молодому, тридцатилетнему профессору любоваться этой табличкой на входной двери квартиры, на аренду которой он еле-еле наскребал денег!

– Да уж, Владислав Николаевич. Это и я могу себе представить... Он ведь не коренной был киевлянин – я правильно догадался?

– Да, родился в Златополе, за чертой оседлости. Отец его был аптекарем в Умани.

– Вот оно как... – выдохнул Селифан.

– Языковеды, те знают, что такие, библейского происхождения, фамилии получали либо закончившие курс в семинарии, либо выкресты. Фамилия, разумеется, переходит к потомкам. Александр Аристархович был человек русской культуры, нам бы с вами столько для неё наработать, сколько он успел за свою долгую жизнь.

Селифан промолчал. Русланов присмотрелся к нему внимательно, прищурившись, и вдруг широко улыбнулся. И, не гася приятнейшей этой улыбки, произнёс:

– А кстати, пора вас просветить насчет вашей фамилии и происходящего от неё прозвища. Я, конечно, и тогда, в тот четверг у Маргариты Львовны, когда вы вели съёмку, помнил его значение, но не счёл нужным... Сильфан – от латинского *silvanus*, лесной. Ваши имя и фамилия как бы подсказывают вам, что радость вы обретете в глуши лесов. Но вы им не верьте! И уж, во всяком случае, не старайтесь подтвердить такое моё толкование.

Глава 26. РУСЛАНОВ: всё ещё не о Маргарет, зато о своих добром и злом ангелах; второе явление учебно-боевой БМП; лукавая доля двусмысленного Павлика

– Так вы меня за антисемита приняли? – ненатурально удивился Селифан. – Так вот, пусть вам будет известно, я не таковский.

Однако Русланов остался при своём мнении. Заявил непреклонно:

– Теперь мало кто признается публично в антисемитизме, ибо сие не политкорректно. Откуда же тогда берётся столько пещерных комментариев в Инете? Однако такое отношение к евреям, каковое отразилось на вашей, ничего тут не скажешь, выразительной физиономии, недостойно современного культурного человека. Да хоть бы иудеи и распяли Христа – вам то что до этого, ведь вы не веруете ни в Бога, ни в чёрта, ни в птичий грай?

– Не собираюсь ни в чём вас убеждать, – пробурчал Селифан. Баста, хватит ему подстраиваться под старого пижона! Наверное, в этой своей поганой передаче незаметно для себя приучился заискивать чёрт знает перед кем. А сейчас лучше переждать, а потом спокойнее, этак уважительно. – К сожалению, Владислав Николаевич, моё время сегодня очень ограничено. Должен признать, что, рассказывая об этом старом профессоре и о каком-то Павлике, вы ненужно затягиваете интервью.

И тогда Русланов неожиданно развеселился. Чуть ли не тыкая Селифану пальцем в живот (то есть устремлял

он туда указательный палец, оставаясь на пристойной дистанции), понёс совершеннейшую уже дичь:

– Я вас поймал! Вы не пишете никакого романа. Ну, сценария там, без разницы. Тот же сценарий сериала должен быть толстым, одна страница на минуту экранного времени. Для этого его насыщают деталями, мелкими подробностями нашей жизни. Вам же детали не нужны!

– Вам виднее, – ухмыльнулся Селифан. – Не пишу, так не пишу. Согласен.

– Или начали писать и не расписались ещё. Текст ваш ещё не ожил, не потянул вас за собою, а вы пытаетесь сварганить его побыстрее, словно это квартальный отчёт.

– Потянул за собою? – заинтересовался Селифан, и тут же наставил ухо. Где-то внизу и справа, а если точнее, то на Фундуклеевской, возник шум.

– Да! Бог его знает, какими на самом деле получились эти строки у Тициана Табидзе, а вот Пастернак перевёл таким образом:

Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут
Меня, и жизни ход сопровождает их...

– За столб! Укройтесь за столб!

Сам он спрятался за толстым стволом старого каштана, и с бессильной злобой наблюдал сейчас за бээмпэшкой, резво выкатывающейся на перекрёсток. Хорошо, если бы повернула на Бульварно-Кудрявскую... Нет, прямо нацелилась сюда по Гоголевской. На всякий случай перестал выглядывать из-за дерева. Лёгкий лязг гусениц и рокот движка сначала усилились, потом начали отдаляться, смолкли, а вот вонь сгоревшей солярки осталась.

Русланов стоял уже на тротуаре, скрестив руки на груди, провожал машину взглядом. Когда Селифан попытался оттолкнуть его снова за столб, усмехнулся:

– Те, кто внутри, смогли бы увидеть нас сейчас, только развернув башню. Фактическое отсутствие заднего обзора – один из недостатков БМП-1, вообще-то, замечательной боевой машины.

– А вы не заметили, были ли у неё на башне пять звёздочек? – и вдруг до него дошло. – Вы, что же, Владислав Николаевич, в армии служили?

– Да уж, проездил два года на командирском месте такой же стальной птицы-тройки. Служил лейтенантом после университета. Была такая заморочка в советское время. Командирский голос не выработал, филонил, как только мог, однако трусливо так, с осторожностью, чтобы под офицерский суд чести не загреметь. Зато потом легче оказалось поступить в аспирантуру. Никогда не забуду, как рыдала моя сокурсница Томочка, когда я оказался зачисленным, а она – нет. Это с равными-то баллами, и красные дипломы у обоих. Уже много позднее я узнал, что дело было не в том, что я Родине отслужил, а в Томочкиной пятой графе.

И Русланов одарил бедного Селифана таким взглядом, будто именно он отвечал за несправедливости брежневской национальной политики. Тут же, слава Богу, сменил пластинку:

– Я вот только не пойму, Аркадий, для чего ребята здесь раскатывают, зачем портят гусеницами и без того скверное дорожное покрытие? И почему механик-водитель задыхается под броней? Ему ведь достаточно откинуть люк и подтянуть выше сидение, чтобы высунуть голову и удобнее вести.

– Ну, патрулируют там...

– Пугают обывателей, скорее. Если бы патрулирова-

ли, десант сидел бы на броне. И командир торчал бы снаружи. Ещё заметил я, что это учебно-боевая машина. Ну, не из тех, которые в мирное время, покрашенные, смазанные и заправленные, с боекомплектom, стоят в парке на боевом дежурстве и выезжают с полком только на большие учения... А такие, как эта, каждый день трудятся на полигонах.

– И что же из всего этого следует?

– Боюсь, что вскоре мы об этом узнаем. А покамест гадать просто бессмысленно. Знаете, – вдруг улыбнулся, – мне внезапно захотелось оказаться дома, за толстыми стенами. Поэтому и я не прочь поскорее закончить нашу беседу. И для этого готов отказаться от эквивоков. По мне, так всё, что я тут трындел о Лазаревском и о Павлике, важно и для вас, ибо позволит вам правильно оценить то, что я сочту нужным рассказать о своих чувствах к Маргарет. Потому как я начинаю думать...

Тут странную для этого времени суток тишину нарушили слабенько, однако верно вызваниваемые звуки начала «Маленькой ночной серенады» Моцарта.

– Извините, – Русланов явил собеседнику свою сторбленную спину и извлёк мобилку из грудного кармана. Послушал-послушал и отозвался этак и сварливо, и нежно разом. – Как это – где я? Мы же договаривались, что я использую для интервью маршрут моей обычной вечерней прогулки... Да брось! Что это значит – опасно? Ладно, я лучше сам тебе перезвоню.

Спрятал мобилку Русланов и повернулся к Селифану. Попытался сосредоточиться – и вдруг растерянное его лицо осветилось улыбкой:

– А ведь из нашей квартиры нельзя было услышать, как здесь рычала бээмпэшка. Где-то прячется, ревнивец, поблизости – значит, беспокоится обо мне! Говорит, что часа два тому назад такой же лёгкий танк проезжал

по Большой Подвальной, а там по тротуару шла обколотая девица, шаталась, орала. Танк дал по ней очередь, не попал и поехал дальше. Впрочем, зеркальные витрины разбил. Это его друг из окна наблюдал. Уж эти мне его друзья...

– Моралисты хреновы! – выпалил Селифан, мгновенно оценивший теперь и значение голубой шёлковой тряпки на шее препода.

– Кто, вы сказали?

– Те, кто в БМП катаются. Ну, если в наркоманку пуляли...

– А... Знаете, я теперь уже за него беспокоюсь, за Симона. Давайте, Аркадий, будем заканчивать поскорее.

– Ну, а я, собственно, никуда пока не тороплюсь, Владислав Николаевич. Вот вы хотели рассказать мне о профессоре Лазаревском и об этом, как его, о Павлике. А зачем это, собственно? С какой целью, если не секрет?

– Потому что для меня эти коллеги, оба, кстати, давно покойные – вроде ориентиров на жизненном пути. Пример Александра Аристарховича – позитивный, на правильный путь указывает, Павлика же – совсем наоборот. Если в двух словах, то Александр Аристархович был одним из первых и любимых учеников знаменитого академика Владимира Николаевича Перетца, с десятков лет прослужившего профессором у нас в Киеве в Университете святого Владимира. Я потому именно упрасивал Павлика привести меня домой к Лазаревскому, что хотел выспросить у старика об академике Перетце. Тот умер в ссылке, лишённый всех званий и степеней, а тогда уже вроде и был реабилитирован, однако у нас его имя всё ещё оставалось под запретом, а книги – в спецхране. Перетца ругали за формализм, а я тогда увлекался русским формализмом – вот и надеялся распросить старого Лазаревского.

– И что же ваши надежды – исполнились? – небрежно осведомился Селифан. Он всё ещё переваривал информацию о дружке Симоне.

– Да где там... Как и большинство наших надежд, Аркадий, накрылись... вот дьявол, не могу на ходу придумать эвфемизм. Мудрый старик так ничего мне толком и не сказал, зато мы с ним сыграли в четыре руки на пианино. Что-то для начала весьма простенькое... И я понимаю Александра Аристарховича: тогда на каждом курсе чуть ли не официально числилось по два сексота, откуда ему было знать, что я не провоцирую его? Зато потом, когда он навёл, очевидно, справки, стал со мною более откровенен. Отмечу, что Павлик был очень недоволен моим сближением с его научным руководителем, однако разве не сам был виноват, что не научился в детстве играть на пианино?

– Я вот тоже не умею, – чопорно заявил Селифан. – Какие ещё частные уроки музыки? Матери на учебники не всегда удавалось наскрести.

– В отличие от вас, Аркадий, – не смутился ничуть рассказчик, – Павлик был из обеспеченной семьи. Из провинциальной, тут ничего не скажешь, однако по тем временам весьма обеспеченной. Помню я времена, когда считалось почётным похвастаться, что пришёл в Киев босиком, однако что-то давненько уже не слышал я такой похвальбы.

– Я не хвалился, – честно ответил Селифан, которого выпад старпёра отнюдь не рассердил. – Я и сам жалею, что не научился азам игры на фоно, хоть попозже и возникла такая возможность. Однако в училище культуры поступив, я попал в группу аккордеониста.

– Замечательно! Итак, академик Перетц сумел воспитать в Киеве целую когорту блестяще подготовленных филологов, чуть ли не тридцать полноценных профессо-

ров! Разумеется, Киев оказался слишком тесен для такой толпы честолюбивых гениев науки, они и разъехались по всему свету, а Александр Аристархович оказался одним из немногих учеников Перетца, оставшихся в Киеве. Конечно же, и то удивительно, что он выжил во время всех чисток и так называемой «ежовщины», у нас тут весьма свирепой. Я такие рассказы слышал о тридцать седьмом годе – волосы на голове поднимаются! Правда, его младший сын погиб на фронте, а старший был арестован в тридцатые годы, но вот его удалось выкупить.

– Было и такое? – удивился Селифан.

– Чему вы удивляетесь? Если уже и в нашем весьма нежизнеподобном кино показывают, как чекисты по мелочам обкрадывают людей во время арестов... Но нас с Павликом беспокоил иной вопрос, вопрос скорее академический: а сумел бы Александр Аристархович сделать более яркую научную карьеру, сумел бы добиться большего в науке, если бы покинул родной город в начале двадцатых, как его друзья? На это вопрос я и тогда отвечал себе и сейчас говорю: да, конечно! Но тем симпатичнее для меня выбор Александра Аристарховича: он остался в Киеве и принял ту судьбу, которая у него здесь сложилась. А Павлик сделал из уже состоявшейся судьбы профессора Лазаревского другой вывод. При первой возможности он перебрался в Москву, оттуда в Израиль. В конечном счёте оказался в Штатах. Хвастался мне в письме, из-за которого довелось хлебнуть неприятностей, что живёт на природе, в небольшом городке, а раз в месяц летает в Гарвард, чтобы прочесть двухчасовую лекцию по семиотике. Как потом оказалось, врал: преподавал он в этом своём маленьком городке, в глубинке, и студенты его же колледжа, обкурившись и напившись, задавили пьяненького Павла Афанасьевича

полугрузовичком, когда плёлся из бара домой. А если бы даже и не врал – разница невелика.

– И никаких тебе пухленьких Лолит, – подытожил Селифан. – А вы, значит, киевский патриот.

– Ну-ну, можно и так сказать. Да, это определение мне кажется вполне естественным, – кивнул Русланов. – Однако предлагаю продолжить прогулку, дабы поскорее её завершить, то бишь достичь Павловского парка. Что же касается вашего остроумного замечания насчет аризонских нимфеток, то Павлик был по другому делу.

Они сделали уже по десятку шагов, когда Селифан решил нарушить молчание.

– У меня возникло два вопроса к вам, Владислав Николаевич. Сам уж не пойму теперь, приближают они нас к основной теме интервью, или отодвигают её ещё дальше. Первый: чем вас так привлекает этот крошечный и пыльный Павловский парк?

– Павловский парк? – повторил Русланов. – Просто это сейчас самое безопасное место в околотке. Ведь напротив американское посольство, а во время прошлой революции именно американскому послу жаловались киевские чиновники, когда оранжевые полевые командиры захватили бывший музей Ленина. Ясно, кто и сейчас становится главным человеком в столице. Американцы сами позаботились установить противотанковые заграждения, но и наши постараются не подпустить к посольству всякие там революционные бемэмпешки.

– Ладно, приму к сведению. Хотя американцы, как слышал, выстроили себе и другой корпус, побольше. Теперь второй вопрос. Владислав Николаевич, а ваша дружба с Павликом не была ли связана с этим его равнодушием к прелестям всяких там Лолит?

– Увы, и ещё как всё это между собою связано, Аркадий! Однако я воспользуюсь своей плохой привычкой, уже замеченной, конечно же, вами, и снова начну издалека. Но сначала нам придётся пройти ещё немного вперед, чтобы оказаться прямо напротив «Дома с кошками».

И вот он, знаменитый «Дом с кошками»! Какой уважающий себя киевлянин не знает о нём, не приходил хотя бы раз посмотреть на прославленных его кошек и сов? На сей раз дом предстал перед Селифаном в виде отремонтированного, с роскошными новыми дверями. Он показал на них старожилу. Русланов скривился:

– А мне казалось всегда, что именно на старых деревянных дверях, теперь навсегда утраченных, кошачьи хари получились наиболее выразительными. Впрочем, я привел сюда вас не для того. Извольте присмотреться к скульптуре на самом верху, под высшей точкою крыши.

Голый каменный уродец сидел на каменном облаке, похожем на харю с раскрытым круглым ртом, держась при этом за два высоких дерева.

– Хорош красавец! Это же дьявол?

– Он, родимый. Модернистское переосмысление средневековых изображений дьявола. Там он сидит на корточках, испражняется, создавая мир. Здесь уже сделал своё дело, опираясь сразу на два мировых древа, и присел отдохнуть на своих, прошу прощенья, испражнениях.

– Однако ж и морда! Нет, не польстил чёрту скульптор...

– Откуда вы знаете, Аркадий? Важно иное. Если помните, в Евангелии Иисус Христос называет его миродержителем, таким образом, даже с точки зрения христианства сей наш реальный мир отдан ему на откуп. Вот дьявол и вертит нами, как хочет, потому что его

соблазны донельзя привлекательны. А что мог предложить нам его добродетельный антагонист? Лишь пресные обещания будущего блаженства, а ещё и заведомо неисполнимые.

– И от кого слышу такие еретические речи – от гражданина страны, где чудь было не устроили государственного православия!

– Но не устроили же, не вышло. Чуть не считается, Аркадий. Да и свободу слова разве кто-нибудь отменял? Сначала провозгласили её начальствующие, в горячке лягнули, не подумав, потом хотели постепенно забрать – а она уже у нас в сердцах. Хи-хи. Я же не еретик, отнюдь. Еретик должен быть верующим христианином, а я просто раздумывал о происхождении некоторых своих... Ну, скажем так, странностей. Дьяволовы козни – объяснение наиболее простое и наименее обидное.

– Не знаю, что вам на это сказать...

– А что вы можете сказать? Вы тоже, как прежде говорили, явно двусмысленны. У меня глаз намётанный, и я готов присягнуть, что обладаете нетрадиционным чувственным опытом.

– Ну, знаете! – подхватился Селифан.

– Не знаю, однако догадываюсь. И вообще, о вас я заговорил только затем, чтобы не сопровождали мой дальнейший рассказ своими убийственными взглядами. С вашей стороны это было бы, право же, смешно.

Глава 27. **РУСЛАНОВ: его «голубые» истории, рассуждения и мечты, а вот о Маргарет так и не вспомнил**

Селифан и в самом деле сверлил старого нахала глазами, не зная, что сказать – вот ведь странное положение для профессионального болтуна! Потом заставил себя улыбнуться.

– Получается, я должен вам, гордому собою «голубому», доказывать, что я не гомик? Не дождётесь, Владислав Николаевич!

– Нет, так нет, Аркадий, – кротко согласился Русланов. – Хоть и трудно мне понять, почему бы вам не поделиться со мной своим опытом в этой сфере. Вы ведь столь красочно поведали нашей Маргарет о своём подростковом падении с женщиной.

– Вот ведь балаболка какая, язык без костей!

– А вы и сердитесь на Маргарет как-то ласково... Хорошо, уж исповедуюсь я первым, некуда деваться.

– Валяйте.

– У меня складывается впечатление, что относительно людей нетрадиционной ориентации, как и насчет евреев, у вас сложилось некое брезгливое неприятие, и это тем более странно и несправедливо, что здесь и сами не без греха. То бишь не без «голубизны».

– Пошли бы вы подальше с вашей... с моей, то есть, «голубизной»! А вот насчёт еврейства могу я вас утешить, – горько заметил Селифан, нашедший, наконец, возможность хоть чем-то уязвить вредного старичка. –

Вполне возможно, что во мне течёт именно еврейская кровь. Мать ничего об отце мне не рассказывала.

– А я порой жалел, что не еврей, потому что в таком случае вот здесь могло бы оказаться больше извилин, – он снял шляпу и постучал себя по лысине. – Однако насколько искренне я хотел этого, установить невозможно. Ведь евреем, как в сказке серым волком, нельзя перекинуться: уж если ты родился грубым и диким славянином, таким и живи.

– В жизни не встречал столь оригинального киевского патриота! – расхохотался Селифан.

– У вас обычное для простолюдина плоское восприятие Киева и его этнической истории. Однако просвещать вас в этой области просто нет времени. Окончится эта заварушка, почитайте сами, что писал об основании Киева историк из украинской диаспоры Омельян Прицак, большой патриот.

Селифан поднял руки вверх.

– Сдаюсь, Владислав Николаевич! Ведь и я кое-что слышал о хазарах...

– Всё, больше никаких отступлений, в том числе лирических. Итак, я заинтересовался геями чисто умственно и даже, можно сказать, эстетически, уже в довольно зрелом возрасте, женатым и на руках имея старшего сына. Околачивался я тогда по первому году в аспирантуре, которая для меня из-за лени научного руководителя и долгой болезни завкафедрой обернулась длительным и приятным (после армейской суеты в особенности) ничегониделанием. О, как пожалел я впоследствии о напрасно потраченном времени! Однако тогда я только осматривался вокруг и почитывал книжные новинки, пропущенные во время службы. Казалось бы, я должен был накинуться на молодую свою жену-однокурсницу, ведь мы поженились только годом раньше, в мой армей-

ский отпуск. Однако жена встретила меня после армии довольно равнодушно, вскоре снова забеременела и на меня вовсе перестала внимание обращать...

– А вы не пытались выяснить причину такого странного равнодушия? – встрял Селифан, нахально ухмыляясь.

– Нет, не пытался. У меняхватило ума... или душевной лени, не знаю... Не стал я в этом копать. И вам, как человеку женатому, не советую раздувать такие вещи, буде, не дай того Бог... Вот вы, Аркадий, своей жене изменяете, как мне известно. А ваша жена, она разве не те же права имеет, что и вы?

– Не обо мне речь, Владислав Николаевич, – снова ухмыльнулся Селифан. – И на этом роде аморалки вам меня не зацепить. У нас с женою сейчас не брак, а товарищество на вере по обслуживанию кредитов за квартиру и машину.

– Я не перестаю удивляться современным формам брака. Чего только не придумают! По мне, так эта ваша шведская семья в разы грязнее, чем семейный союз двух лесбиянок. Так вот, решил я перечитать кое-что из античной литературы. Когда ещё готовился к экзамену, брал в руки некоторые книжки, однако тогда приходилось откладывать в сторону. Вспомнился мне диалог обстоятельного Лукиана «Две любви», и я перечитал его медленно, не спеша, всё более изумляясь не то чтобы свободомыслию древнего грека из Сирии, а больше естественности тогдашних однополых отношений. И тогда у меня, постепенно и в весьма ослабленной форме произошло то, что теперь называют coming-out, то бишь осознание нетрадиционного характера своей сексуальности.

– Ну-ну...

– Господи! Да вы так вызверились на меня, что я теперь максимально сокращу свой рассказ. Итак, я не только в себе кое-что увидел, но и в окружающих. Вот наш тогдашний декан, например, был весьма себе на уме, а главное, катастрофически необразованным недоучкой из студентов первых послевоенных лет. Мало того, что учился на медные деньги, он и в аспирантуру поступил на пределе разрешённого возраста, лет тридцати пяти, будучи директором сельской школы, а докторская была так слаба, что даже и в те годы ему удалось защитить её только в провинции. Так вот, время от времени наш Семён Кузьмич начинал выделять какого-нибудь кандидата наук помоложе, сначала хвалил его на всех совещаниях и собраниях, потом делал доцентом, потом секретарём факультетского учёного совета – и вдруг совершенно охладевал к бывшему любимцу, а через некоторое время начинал всё сначала уже с другим молодчиком. Представляю, как отвисла бы челюсть у почтеннейшего Семёна Кузьмича (на плагиате он позднее попался), если бы я осмелился ему растолковать, что сие есть проявление скрытой склонности к гомосексуализму! Но вот Павлик...

– Здорово!

– О Павлике вы, надеюсь, ещё не забыли? Так вот, Павлика я расшифровал, и мне стали понятны некоторые дотоле тёмные его намеки и прикосновения. В конечном счёте мы с ним объяснились напрямую, и он, понимая мой тогдашний интерес к геям как скорее созерцательный, предложил навеститься вместе с ним в некий клуб киевских «голубых», куда он меня сможет рекомендовать. Меня, мол, это ни к чему не будет обязывать... А почему бы и нет?

– Извините, а вы не боялись? Ведь была статья за мужеложство.

– Знаменитая 121-я? Я тогда об этом не думал. Тогдашняя моя жизнь казалось мне слишком пресной после армейской службы. Не знаю... К тому же, применялась та статья весьма избирательно. Но вы же не выслушали этой истории до конца! Итак, тайный клуб геев располагался в той самой ужасной стеклянной многоэтажке, построенной для сотрудников Академии наук только несколькими годами ранее прямо напротив фасада Оперного. Не помню, почему я настоял на том, чтобы Павлик не просто привел меня с собой, а открыл мне адрес и пароль, почему мне хотелось проникнуть самостоятельно в гнездо порока. А-а-а, вспомнил... Мне это казалось чрезвычайно забавным. Ну, типа: «У вас продается славянский шкаф?»

– А как же! «Шкаф продан, могу предложить...» что-то там с тумбочкой.

– Вот-вот, безусловный идиотизм с моей стороны. Да и пароль у геев был уморительный, хоть и не вспомню сейчас: недаром гнездились в академическом доме. И ещё я намеревался как можно полнее использовать «шерлокхолмсовские» возможности ситуации. Дело было весной. За час до назначенного срока, с поднятым воротником тёмного плаща, и в шляпе, надвинутой на лоб, я занял позицию в дальнем от нужного мне подъезда углу двора. Плащ тот забыл у нас на вешалке подвыпивший тесть, шляпа была моя, но я её не носил после возвращения из армии. Стемнело рано, но вход в подъезд освещала тусклая лампочка. Народ действительно заходил в него чаще, чем в другие подъезды, и, знаете, почти сплошь одни мужчины. Я хотел дожидаться Павлика, подняться и позвонить в дверь после него, чтобы он мог представить меня хозяину. А вместо Павлика во двор заехали две «волги», проехали подъезд и остановились в противоположном от меня углу двора. Из них высыпали

крепкие мужики в штатском, из них один в милицейской шинели – участковый, наверное. Вошли толпой в подъезд, на входе никого не оставили. И тут сразу же заявляется во дворе Павлик и, даже не оглядевшись, ныряет туда же. Сейчас, наверное, я бы попробовал остеречь его по мобильнику, но тогда только поднялся со скамейки на детской площадке, отряхнул плащ и спокойно вышел со двора. Не успел оказаться на улице, как услышал сдавленный крик и почти сразу же – глухой звук удара об асфальт, будто с верхнего этажа сбросили большой мешок со строительным мусором. В отличие от двора, тротуар перед фасадом был хорошо освещён, и я сразу узнал погибшего столь нелепо. Это был...

– Неужели Павлик? – изумился Селифан.

– Почему Павлик? – рассказчик так даже обиделся. – Я же вам рассказывал, что Павлик сгинул в штатовской глубинке, угодил под пикап, измазанный навозом... Нет, это был другой факультетский аспирант, Фесенко. Тот ещё тип, надо сказать. Помочь ему было нельзя. Был как раз антракт в оперном, и курящий народ сбежался к телу. Слышно было уже, как топают сапоги ментов. Я снял шляпу, смешался с толпой зрителей, вместе с нею отступил к театру, а там, взяв влево и мимо служебного входа, подался восвояси. Наутро факультет гудел, происшествие обрастало мифами и легендами. О ком вам прежде рассказать – о Павлике или о погибшем жлобе Фесенко?

– Давайте о Павлике, – попросил, будто о чём серьёзном, Селифан. – Этим типом вы меня успели заинтриговать.

– Да, Павлик... Он потом рассказывал, что открыл ему хозяин «нехорошей квартиры». Выглядел тот мужик как-то странно, поэтому Павлик извинился и спросил, не тут ли живет... назвал, в общем, имя, отчество и фа-

милию. Тотчас же сзади него на лестнице раздаётся топот, Павлику заламывают назад руки и затаскивают в квартиру. Он стоит на своём, его обыскивают. Действительно, находят в кармане корешок Госсправки, где ему написали адрес этого самого, чьи имя, отчество и фамилия. И эти же имя, отчество и фамилия стоят на титульном листе библиотечного автореферата кандидатской диссертации, найденного в портфеле Павлика. Тогда все ходили с портфелями. И в самом деле, младший научный сотрудник Института языкознания с этими самыми..., простите, надоело уже... жил в этом подъезде, вот только этажом выше. Ещё нашли у Павлика в секретном карманчике спереди под ремнём пакетик советских презервативов – однако это же не преступление...

– Выходит, ваш Павлик хорошо обезопасился.

– Да, он умнее меня оказался. Ведь я, если не нашёлся бы прямо на месте, не сумел бы объяснить, чего ищу в том притоне, где и наркотиками подторговывали. А я в экспромтах не силен. Со временем мне стало ясно, что хозяин «нехорошей квартиры» вынужден был работать на ментов, недаром они и дверь не выламывали. И, конечно же, он мог бы сдать нашего Павлика с потрохами, однако пожалел. Симпатизировал, видимо, пройдохе. В результате Павлик отделался запретом на два месяца работать в университетской библиотеке – за то, что вынес автореферат из читального зала. Досье же его оказалось запачканным, и тут уже ничего нельзя было поделаться.

– Почему же его ловкость не помогла в Штатах?

– А почему никто из советских подпольных предпринимателей, «цеховиков», не выбился в миллиардеры при капитализме? Человек учится приспособливаться к одним условиям, а кульбиты истории вынуждают его

действовать совсем в других. История же того прыгуна, Фесенко, куда более поучительна. Тогда никто на факультете не мог поверить, что разбился, в панике сиганув с балкона, именно он. Никто не ожидал, что эта подлая сволочь окажется ко всему прочему ещё и презренным педерастом. Ведь до этого случая Фесенко был с точки зрения советской общественности архиправильный человек.

– Какой парадокс! – не сдержал изумления Селифан.

– Тут есть о чём поговорить... Тогда уже не делили крестьян на своих и чужих, на бедняков и кулаков, все уже были свои – колхозное крестьянство. И тот же Фесенко был принят в партию легко и просто, хоть нрав имел самый настоящий кулацкий. На начальство смотрел влюблёнными глазами, доносил на товарищей в деканат и секретарю партбюро... Я как-то случайно проходил мимо него и секретаря партбюро, когда они беседовали конфиденциально. Так заметно было, что секретарь, уж на что трепач и демагог, чувствовал себя очень неловко: всё-таки преподаватель университета, доцент, книжки какие-то его выходили... А Фесенко женился на киевлянке, на пятом курсе имел уже киевскую прописку и ребёнка, в аспирантуру путь ему был открыт как партийному. Мало кто удивился, когда и в аспирантуре он не изменил своей выбранной ещё на третьем курсе «научной» теме – «В. И. Ленин в советской литературе».

– Ну и ну!

– Вот-вот! «Актуальность» так называемая актуальностью, диссертабельность диссертабельностью, однако надо ведь было и совесть иметь! Приличия и тогда люди старались соблюдать! Уж на что у нас здесь было тогда стоячее болото в сравнении с Питером и Москвой, но такого лизоблюдства порядочные люди себе не позволяли. Научный руководитель осмелился только вякнуть

на учёном совете, что тема, мол, широковата – скорее смотрит на докторскую. На что декан, тот самый Семён Кузьмич, заметил ласково, что бывает, когда и за кандидатскую диссертацию присуждают докторскую степень. И вот такой с их любимчиком афронт...

– А что вы имели в виду под его кулацкой натурой?

– Злой он был, хоть и толстый, шипел на всех, кто ему не нравился... Я-то в общежитии не жил, так мне коллеги о нём рассказывали. Общежитие во всех воспитывает товарищество, взаимовыручку, щедрость друг к другу, способность к быстрому завязыванию коротких отношений. И даже к семейной жизни оно готовило, общежитие: ведь тот же одёжный шкаф надо было научиться делить с тремя оглоедями! Жлоба Фесенко и общежитие не исправило. Он, пока не женился, жил в старом нашем общежитии на Выставке, выстроенном по спартанским ещё требованиям. Четыре койки в комнате вдоль стен, посредине стол. В конце каждого коридора умывальник, за ним сортир. На этажах, где жили девушки, стоял почему-то жуткий смрад. Тому же Павлику довелось прожить целый год в одной комнате с Фесенко, много чего интересного рассказывал. Например, под койкой у Фесенко были высыпаны овощи: картошка, морковь, лук. И всё сложено в аккуратнейшие пирамидки, чтобы легче было пересчитывать. И он не ленился, каждый вечер тщательнейшим образом пересчитывал: а не украл ли кто пары картофелин?

– Коль подумать, так герой скорее нашего времени! – чёрт его знает кому подражая, поднял Селифан наставительно указательный палец.

– Кто знает... Или вот история с тумбочкой. Этакое «Действо о тумбочке», достойное пера тогдашнего советского Аристофана. Кроме мебели общего пользования, каждому общежитскому полагалась и индивидуальная:

безальтернативная – койка, и факультативная – тумбочка, потому факультативная, что тумбочек на всех не хватало. Вот и при каком-то заселении в начале учебного года той комнате, где жили Фесенко и Павлик, досталось на четверых только три тумбочки. Поскольку Павлик перешёл в эту комнату, притащив и тумбочку с собой, та приبلудная тумбочка за ним и осталась. Был там здоровяк, после армии, десантник – тот просто забрал ещё одну тумбочку себе. И остались на одну тумбочку два претендента – Фесенко и ещё один такой же жлоб, тот впоследствии выучил новогреческий язык, как переводчик пристроился в ЦК комсомола и сделал там карьеру. Как надо было им поступить, по-вашему?

– Да проще простого! Потянуть спички, разыграть тумбочку на пальцах или даже в карты: остался «дураком» – остаёшься и без тумбочки, да мало ли как ещё... Просто поделить её на двоих: тебе эта полочка, а мне – что под ней.

– Вот видите! Вместо этого они по очереди забирали тумбочку себе, выкидывая вещи конкурента, а по вечерам залазили на койки, укрывались одеялами и шипели друг на друга – а тумбочка между ними, и на полу с двух сторон валяются их вещички.

– Шипели – вы сказали?

– И это, быть может, самое интересное, что именно они там шипели. Материли друг друга, при этом один обещал пожаловаться в профком, а второй, Фесенко, председателю партбюро. А когда бывший десантник, наскучив тягомотиной, предложил им выйти на честный бой, а себя – в качестве рефери, то пригрозили настучать и на него. Тогда он, не долго думая...

И тут у Селифана задёргался в кармане мобильник.

Глава 28. РУСЛАНОВ: двусмысленное теоретизирование; Бертоллучи в дебрях психоанализа; неуместное воспоминание Селифана

Увы, звонила всего лишь Лада. Селифан легонько стукнул ногтем по маленькой надписи «Ответить» и успел ещё удивиться неизвестно откуда взявшейся на ногте непристойной тёмной кайме.

– Ты где?!

– Не очень-то оригинальный вопрос... Здравствуй, Лодочка.

– Ты где точно?! Не до твоих подковырок сейчас.

– Зачем тебе? А я на Гоголевской, напротив «Дома с кошками».

– Какие ещё кошки? Где точно?

Селифан пожал плечами и присмотрелся:

– Номер «23». Если ещё точнее, «23 А».

– Не двигайся с места. Подъеду через четверть часа.

Он объяснил Русланову, что жена просит подождать её на этом месте. Скоро, мол, подъедет.

– Искренне сочувствую, Аркадий. Но в таком случае предлагаю присесть, пока суд да дело, а я постараюсь закончить свой рассказ.

– О Фесенко, что ли? – буркнул Селифан. Настроение у него окончательно испортилось, потому что прежде Ладе и в голову бы не пришло разыскивать его на работе.

Русланов только кивнул в ответ, вытащил из кармана большой белый платок сомнительной свежести, аккуратно расстелил его на поребрике и уселся, ноги про-

тянув на проезжую часть. Селифан критически оглядел поребрик и бестрепетно последовал примеру бывшего своего препода: если и придётся сегодня ещё раз постоять перед камерой, то зад ей подставлять он в любом случае не станет.

– Разумеется, всех на факультете чрезвычайно интересовало, почему это вдруг Фесенко затесался в «голубые». Любопытно, что никто не задавался вопросом, отчего он прыгнул. А вот почему «поголубел»... Конечно же, и мы с Павликом обсуждали этот вопрос, и Павлик склонялся к выводу, что хитрый толстяк Фесенко, успевший весьма упрочить свое положение на факультете, пытался таким нетрадиционным способом обрести покровителей и в академических кругах. В конце концов, и я начал склоняться к этому предположению, потому что моя первая догадка об удовлетворении природной склонности к пассивному гомосексуализму противоречила проявленной им раньше хитрости и расчётливости. Ведь ничего подлецу не мешало дождаться распределения на кафедру, получения сразу же, как молодым специалистом, квартиры от профкома (а там всё было на мази), а уже тогда пойти навстречу своим любовным причудам.

– Вы словно смакуете эту грязь, Владислав Николаевич...

– Что? Да, есть немного, Аркадий, – усмехнулся препода. – А тогда в наших с Павликом мозгах маленько прояснилось, как только мы побывали на сеансе великого фильма Бертолуччи «Конформист». Поскольку Бертолуччи был тогда коммунистом, его фильм у нас прокрутили, но до того изрезанным, что понять, отчего главный герой сделался такой тряпкой и добровольно подался на службу к фашистам, было просто невозможно. Однако помогли статьи о фильме в коммунистических запад-

ных газетах, в частности, в «Morning Star», а я её тогда выписывал.

– Помню я, помню... Всё там замешано на гомосексуализме, это так. Получается, что ваш Фесенко жаждал отдаться государственной машине советского тоталитаризма и, расслабившись, получить удовольствие. Ну-ну...

– На самом же деле, Аркадий, многое в фильме зависело от детской ненависти-любви к педофилу-шоферу... Как его там? Герою Трентиньяна мерещилось, что он застрелил этого типа в отрочестве. Вообще же, там чёрт ногу сломит в мотивациях. Попытка насилия...

– Одно для меня несомненно, Владислав Николаевич, и это глубокое отвращение, которое вызывает у зрителя герой «Конформиста».

– Да уж... Вскоре после того, как фильм Бертолуччи показали в Киеве, я, кокетничая с одной молодой нашей преподавательницей, заявил, что чувствую себя ну просто отвратительным, махровым конформистом. Видели бы вы, как она покраснела! Так густо, прямо свекольно. Уверен, что бедняжка вкладывала в это слово другое значение...

Селифан хохотнул. Сам он не любитель заглядывать в тёмные глубины подсознания, хотя его безотцовщина и предоставила бы фрейдисту обширный материал. По мере того, как молодящийся старичок разворачивал перед ним свою исповедь, Селифан, вообще-то человек скорее терпимый и толерантный, ощущал всё более глубокое отчуждение от него. И даже нарастающую враждебность. Только умом, но уж никак не сердцем, мог он понять эпатажное любование гомосексуализмом, заигрывание с этой тёмной, злой силой. Только умом, и к тому же не только отстранённо, но и с некоторым затаённым ужасом, в котором он едва ли признался бы

кому-нибудь. Да, угадал Русланов, у него и в самом деле имеется тут некоторый опыт, да только совсем иной. Опыт отчаянной защиты от реальной опасности, угрожающей его личности, свободе и самоутверждению, а там, кто знает, душевному здоровью и самой жизни. Вот только рассказывать об этих эпизодах он не станет красивенькому старпёру. Не при какой погоде не станет.

Любовные невзгоды вытолкнули Аркашу из его маленькой семьи да из привычной школьной атмосферы в Н-ское училище культуры, общага которого оказалась ему с перепугу преддверием ада на земле. Училище располагалось в бывшем помещичьем доме, а сказать точнее, в замке или дворце, сохранившем ещё остатки представительности и даже декора на фасаде. Это была сценическая площадка для разыгрываемой днём комедии: здесь обучали основам народной культуры и библиотечного дела – именно на это отделение всунула мать Аркашу. Ночью же, в мужском общежитии, перестроенном из барской конюшни, начиналась своя, тёмная жизнь, по собственным правилам и с внутренней иерархией.

Сильно не повезло Аркаше, крепко не повезло всем мальчикам, оказавшимся в том училище после восьмого класса школы. Где-то в предшествующих поколениях верх над вчерашними школьниками взяли студенты (официально все назывались учащимися), поступившие после армейской службы. Мало того, что старшие годами, они принесли с собою традицию дедовщины, отвратительно окрашенную отголосками уголовного «закона». Ночного дежурства преподавателей не предусматривалось, вахтёр храпел на своем посту в вестибюле и ночью углублялся в общежитие не дальше туалета, поэтому

бедные малолетки-«салаги» до самого утра оказывались по власти «дедов». А те, после дневного ритуала посвящения первокурсников и первокурсниц в учащиеся, «Праздника первокурсника», не замедлили и со своим ночным – «присягой». Точнее, сначала напугали рассказами об ужасах её, а потом и устроили. Через несколько лет, уже студентом университета, догадался Селифан, что пережитый им обряд – прямой наследник первобытной инициации, но это учёное объяснение никоим образом не облагородило его тягостных воспоминаний.

Ночью новичков разбудили и привели на поляну. Как потом узнал Аркаша, это было излюбленное место для праздничных пикников горожан Н-ска, но тогда он, степняк, впервые оказавшийся в ночном лесу, крепко испугался. Для начала «деды» заставили новичков выкопать руками ямку и закопали в ней, матерно похваляясь своей удалью, двух украденных ещё днём кур. Предполагалось, что перья, обмазанные глиной, легко снимутся после того, как над ними прогорит костёр. Огонь несколько успокоил Аркашу, и он не заметил, как Бычара, самый сильный и самый тупой из «дедов», сунул в горящий хворост алюминиевую ложку черенком вперед. Потом «деды» приказали новичкам повторять за ними слова «присяги», отдающей, как понял перепуганный Аркаша, «салаг» в полную власть мучителям. И не понять было, реальны ли матерные угрозы и обещания, или выговариваются только «для связки слова».

Увы, действенная часть «присяги» оказалась вполне реальной. Каждый «салага» был поставлен перед выбором: съесть горсть земли – или получить раскаленный черенок ложки в задний проход.

В том году на первый курс было принято в училище пятеро мальчиков. Все они, и Аркаша с ними, предпочли есть землю. Каждого «салагу» теперь крепко держа-

ли, чтобы не удрал. После двух землеедов настала очередь Аркаши, но его вывернуло, как только увидел у себя под носом ком мокрой земли на чьей-то грязной ладони. «Деды» недолго посоветовались, а потом скопом накинулись на Аркашу, бросили ничком на землю, спустили штаны и трусы, а какой-то гад сел ему на голову. Внезапная боль оказалась очень резкой, Аркаша завопил было, но тут же грязная лапа Бычары зажала ему рот. Он чуть не помешался от боли, и очнулся уже под мирное чавканье и похвальбу «дедов». Потом всё стихло, он решился пошевелиться, встал, поправил одежду. Ни в коем случае нельзя было жаловаться училищному начальству, нечего было и думать обращаться за медпомощью.

Месяц унижительной боли, насмешек, голода, сокрушительных «неудов» по народному танцу пришлось пережить Аркаше, пока ожог поджил. И всё это время он придумывал планы мести Бычаре, взявшему на себя, как его не преминули известить другие «салаги», роль палача. Трудность была в том, что Бычару надлежало оскотить или перерезать ему глотку столь хитроумно, чтобы на Аркашу не пало подозрение. Однако дела в училище повернулись таким образом, что пустые мечты пришлось оставить и, напротив, самому без конца прятаться и уворачиваться от тупого силача.

Очередная любовная история случилась у Аркаши, и следует признать, что на сей раз не было в том особой его вины. Ибо его пожалела, вознамерилась приласкать и утешить местная Мессалина – необычайно тощая и вёрткая тридцатилетняя стерва. Звали её Азой Игнатьевной, и работала она в училище культуры кладовщицей. И сейчас не смог бы сказать Селифан, была ли кра-

сива Аза Игнатъевна: выражения на её худом, будто обожженном личике сменялись так часто, что не успевал рассмотреть, да и не давала она времени себя особенно рассматривать. А вот что все парни училища вожделили её, пуская слюни, а на последнем курсе все как один, в очередь, весной и незадолго до выпускного, получали желаемое, вот это точно. Аркаша же провинился как тем, что попал в её торопливые объятия слишком рано, в конце первого семестра, так и нарушив невзначай права её признанного фаворита – завуча Ивана Ивановича, пожилого толстяка в очках.

Все знали, что завуч женат, а кладовщица замужем, однако это совершенно не мешало их извращённому союзу. Извращённому потому, что Ивана Ивановича только подзадоривали мимолетные романы его пылкой подруги с сопляками-студентами. А вот жалость-страсть Азы Игнатъевны к хорошенькому Аркаше крепко разозлила влюблённого завуча, тем более что на сей раз никто и не подумал щадить его чувства. Бывало ведь не раз, что завуч напрасно скрёбся в запертую кладовку в законное своё время, на большой перемене, и слышал через тонкую дверь непристойную возню – или мнилось ревнивцу, что слышит.

Нельзя никак сказать, что в этой истории Аркаша был только пассивной, страдающей стороной. Какое там! Училищная Мессалина, сперва испугав, раздражила и разбаловала его. Селифана и сейчас передергивало, когда он вспоминал запахи и прикосновения к его нагому телу их ложа любви. Были то старые, списанные шинели, сложенные в каморке, в которую вела дверь из просторной, хорошо оборудованной училищной кладовой. Когда-то студенты училища носили форму, а после

её отмены эти шинели почему-то нельзя было выбросить. А может быть, Аза Игнатьевна просто не желала с ними расставаться, держа за свой эротический талисман. Она уверяла Аркашу, что время от времени шинели перекладывает, однако дух в каморке стоял ещё тот! И как нельзя было предугадать, что именно вопьётся сейчас тебе в голый бок – пуговица, край хлястика или острый угол суконного воротника, так бессмысленно было и пытаться смекнуть, что в следующее мгновение сотворит Аза Игнатьевна со своими жарким гибким телом и жадным ртом, какое найдет им применение. В сравнении с этой дьяволицей, мамыны подружки-проводницы, милая тётя Зина и даже толстая бесстыжая Пашка, казались теперь Аркаше кроткими ангелами.

Тем временем обиженный завуч стакнулся с Бычарой. Как ни ценили парней в почти полностью девчачьем училище культуры, преподавателям осточертело вытягивать на «тройки» этого тупицу и ленивца, и ему грозило отчисление. Иван Иванович пообещал дело поправить, если Бычара опустит Селифанова. Тут и здоровья проняло, он вытаращился на завуча и вполне обоснованно заметил, что «здесь, блин, не зона». Иван Иванович пожал плечами, поправил очки на носу и скрылся в учительской, а Бычара сообразил, что получил последний и единственный шанс. Странно, но ему и в голову не пришло засесть в библиотеке и подготовиться по всем предметам.

Бычара тайно собрал «дедов», чтобы посоветоваться, но не нашёл у них поддержки. Они соглашались, что «салага» Селифанов много на себя берёт, однако вовсе не считали, что он заслужил столь жестокое наказание. Бычара понял, что общественное мнение не на его стороне. Поразмыслив, он решился рискнуть. Тем временем слух о его намерении, уснащённый устрашающи-

ми подробностями, дошёл до Аркаши. Тот не спал всю ночь, а утром пропасовал урок режиссуры и на толкучке купил старую опасную бритву, без неё теперь не выходил, а ложась спать, клал под подушку...

– Да вы совсем не слушаете меня, Аркадий! – весело возмутился Русланов. – А я уже почти дошёл до знакомства с Маргарет. И надеялся вас тем несусветно обрадовать.

A stylized, handwritten signature or mark, possibly the author's name, written in black ink. It consists of several overlapping, fluid lines that form a unique, abstract shape.

Глава 29. **РУСЛАНОВ: наконец-то несколько слов и о Маргарет; эскапада Лады; для чего Симону ширма**

– Простите, припомнилось кое-что... – и тут смысла сказанного собеседником дошёл до Селифана, и он огрызнулся. – А при чём тут Маргарита Львовна, если вы уже успели пережить свой каминг-аут?

– Видно, крепко вы отключились, Аркадий. Я ведь как раз рассказывал о том разочаровании относительно этого своего каминг-аута, которое пережил параллельно с так называемой «перестройкой». Я потерял семью, моя завидная должность в университете превратилась в копеечную, из всех щелей поползли нувориши... Слава Богу, что хоть сам не пустился в спекуляции, а то и квартиру, последнее свое достояние, потерял бы. А тут ещё и это разочарование в заветной моей, можно сказать, игрушке... Вот тогда и увлекся я балетом, Аркадий. Убеждал себя, что бегаю на каждый балетный спектакль (вот-вот, пешком ходил, из экономии), торопясь насладиться высокой культурой на всю последующую нищую жизнь. Казалось мне тогда, что цены на билеты в Оперный так взлетят, что станут мне окончательно не по карману.

– Времечко, когда в нашем Оперном на всех углах торчали рекламы чужого «Ладзарелла», – буркнул Селифан.

– Можно подумать, что весь культурный комплекс Оперного такой уж и наш, отечественный, – премило улыбнулся препод. – Нашими, возможно, были бы хороводы на лужайке в священной роще.

– Однако!

– Оперный, как я потом узнал об этом от Маргарет, тогда лихорадило изнутри. Министерство культуры, возглавляемое совершенно случайным человеком, не справлялось с ситуацией. И без того ничтожные, зарплаты артистов обесценивала инфляция... Вот тогда и превратились наши «примы» в перелётных пташек. Но это вовсе не касалось нашей общей знакомой: Маргарет никуда не приглашали, иначе она не преминула бы впоследствии мне похвастаться. Она ведь в те времена только выбилась в четвёрку маленьких лебедей... Нет, память подвела, в четвёрку девиц в «Спящей красавице» и уже на моих, можно сказать, глазах завоевала участие в дуэте дивертисмента «Тщетной предосторожности». Знакомство же наше состоялось по схеме, о которой я так красочно распространялся на той нашей передаче – помните?

– Господи, как давно это было! Будто в предшествующей моей жизни...

– А ведь и полной недели не прошло. Видно, ярко вы прожили эти дни, Аркадий... Нашему знакомству, а затем и более близким отношениям с Маргарет ничто не мешало: оба в разводе, и она, и я в Киеве одни. Тогда я, честно говоря, не представлял себе, как сумел бы поддержать своих родителей-пенсионеров, если бы они дожили до тех злых времен... А в ту свою предпоследнюю сильную влюбленность, в ту, что в Маргарет, я нырнул очертя голову. И понимая ситуацию так, будто судьба даёт мне последний шанс построить свою жизнь по гетеросексуальной модели. Судьба, казалось мне, недаром поставила на моём пути лучшую в мире женщину, и недаром мне повезло в том, что она ещё не так высоко вознеслась, чтобы стать для меня вовсе недоступной. О, как я любовался ею со своей галёрки! Уподобляясь в этом

прыщавому подростку, я видел в ней не артистку, а прекрасную полуобнаженную женщину. Самому стыдно – и даже теперь. Однако вы, именно вы, Аркадий, должны понять меня. Ведь вы хорошо представляете себе, что это значит – всю жизнь прожить в маленьком городишке, где вам в округе знакома каждая тропка, каждый камень! Вот так же и я в конце концов, с помощью ветхого театрального бинокля, изучил всё тело Маргарет. Почти в каждый балетный мой вечер я, для неё самой незаметно, совершал смелое эротическое путешествие от её острой и чуть более выдающейся, чем левая, правой лопатки до совершенно изумительной родинки, которую гримеры даже не пытались запудривать...

– Родинки? Ну-ну!

– У меня прямо пунктик появился, связанный с этой родинкой... А её ноги, с замечательно высоким подъёмом, как у Анны Павловой, но тогда ещё несколько тяжеловатые... О, их красота удерживала меня на этом свете! Конечно же, бинокль не давал мне возможности познать её внутренний мир, и в этой сфере я неизбежно идеализировал Маргарет. Однако вблизи она оказалась прекраснее любого придуманного влюбленным поклонником фантома...

– Давно хотел вас спросить, Владислав Николаевич, не знаете ли вы случайно, как сложилась судьба за границей второй жены Истомина, тогдашней подруги Маргариты Львовны? – спросил Селифан только затем, чтобы остановить вдруг ставший ему неприятным поток признаний Русланова.

– Странно, что вы спросили сейчас о ней, Аркадий... Когда мы познакомились, Маргарет как раз наводила о Томочке (или Женечке?) справки. Исчезли, растаяли в большом мире эта миленькая дурочка и её симпатичный муж, эффектный блондин Валерик. Маргарет в просто-

те душевной надеялась, что они зацепились в Венской опере – где уж там! Они не оставили следов ни в одном балетном коллективе Старого и Нового света, вот ведь какое дело... Маргарет ещё здорово переживала. Она ведь верная подруга, не оставит в беде. Потому, может быть, что своей семьи так и не создала.

– Тогда у меня ещё один вопрос созрел для вас, Владислав Николаевич. Вопрос для вас, как я понимаю, неприятный...

– Ладно, чего уж там... Валяйте.

– Почему вы были так уверены, что сумеете привлечь к себе... ну, ответное внимание Маргариты Львовны?

– Так вот вы о чем... – и у Русланова непонятно отчего поднялось настроение. – Свежо предание, но я ведь был тогда красивым мужчиной. Лысина уже прорезывалась, но я с нею активно боролся, тратился на чудодейственные средства, пытался спрятать. Вы сейчас молоды, и далеко не урод, так что должны понимать, что мужская красота для её обладателя, будто палка о двух концах. Один японский писатель замечательно это выразил: «Что сказать мне о красивом юноше? Что сказать о бабочке, порхающей над полем битвы? О бабочке, готовой сесть и на меч, и на рану, прочерченную этим мечом?» Красавец вызывает в женщине или сильное чувство, или недоверие, причем именно из-за своей внешности.

– Мне приходилось слышать в народе, – согласно кивнул Селифан, – что красивая девушка неизбежно станет... ну, переведем так: женщиной легкомысленного поведения. Тут, небось, что-то похожее.

– Я же был вдвойне ущербен – и из-за красивой внешности своей, и из-за несомненного красноречия. Я ведь даже и по специальности своей паразит, этакая блоха, перескакивающая с загровка неграмотного трудоголика-языка на платье изысканной красавицы-литерату-

ры, дамы весьма пожилой, но вынужденной подрабатывать, чтобы не умереть с голоду.

Селифан только крикнул. Довольный Русланов откашлялся и уже готов был продолжить свой монолог, когда до ушей Селифана донеслись родные звуки: это движок его собственной малолитражки тянул на подъём. Как только красный уродец показался, Русланов, сидевший на поребрике, подтянул ноги, а рассмотрев, что за рулём девушка, отскочил на тротуар. За ним и Селифан. Лада, одетая слишком тепло для начала июня, и даже в шляпке, лихо затормозила и поставила тачку на ручной тормоз.

– Это что ещё за рубаха на тебе? – спросила, забыв ответить на приветствие. – И почему вы оба такие спокойные? Не знаете, что в городе делается?

– Это моя жена Лада. А это Владислав Николаевич Русланов, – пробормотал Селифан. И тут же вскинулся. – Эй, а куда ты перевозишь наши вещи?

– Я вас видела в ящике, – кивнула Лада. – Извините, но у нас очень важный разговор с Аркадием.

Русланов пожал плечами и отошёл на десяток шагов в сторону парка, а Селифан отвлёкся от изумлённого созерцания своего собственного имущества. Ну, и частично нажитого совместно имущества, заполнившего сейчас едва ли не доверху заднее сиденье. Не возблагодарить ли Бога, что их малолитражка такая маленькая? «Мерсом» Лада сумела бы и мебель вывезти! Он хотел было открыть дверь и втиснуться рядом с нею, но дверь оказалась заблокированной. Да и места для него не нашлось бы: рядом с Ладой взгромоздился телевизор, а на нем целая россыпь бумаг. И окошко с той стороны закрыто.

– Лада, да что ж это происходит?

– А то происходит, что я спасаю всё, что ещё мож-

но спасти. Знаешь ли ты, что делается на Харьковском массиве? У нас во дворе эти юные отморозки за одну ночь сожгли все более или менее стоящие иномарки, а на нашей нацарапали нехорошее слово. Думаю, что до завтра наша «дэушка» не простояла бы. Я сейчас отгоню её к дяде в Житомир, да и сама там останусь.

– Ладно ещё, я понимаю, что ты забрала ящик... Чёрт с ним! Но ведь и комп наш торчит на заднем сиденье! Тебе не кажется, Лодочка, что это уже... Что это чересчур?

– Хорошо, что напомнил. Там в кухне, на подоконнике, увидишь флешку. Я последнюю свою не пожалела, перекинула всю твою муру с жёсткого диска. Только порноролики твои не перекидывала – обойдешься как-нибудь, извращенец!

Хотел было он напомнить, что те ролики скачал, готовясь к интервью с порноактрисой, приехавшей к маме и мужу в Киев передохнуть, но вдруг пробило ему, что теперь оправдываться нет смысла. Теперь хоть на голову встань и ногами подрыгай – а что это изменит?

– Новый себе теперь можешь не покупать. Говорят, все компьютерные магазины и где торговали мобилками, разграблены, так что если не утащить себе новый ноутбук, то купить у мародера по дешёвке ещё успеешь.

– Господи, что ты несёшь?

– А мне комп нужен для связи с человеком. Скажи, ты не согласишься ли подписать дарственные на твои части квартиры и машины? Я боюсь, что иначе не удастся уговорить дядю погасить кредиты. Я работу потеряла, но поскольку пенсионеры не получили пенсии, и тебе у себя на работе теперь мало что светит... Извини, но каждый за себя.

– Я не буду подписывать, – прохрипел он. Преодолев первый порыв, не порвал бумаги, а ткнул ей в окошко

назад. Внезапно похолодел и сунул руку за лацкан прощупать внутренний, зашпиленный английской булавкой карман: там на себе, после одного неприятного приключения с милицией, вот уже более десятка лет держал Селифан паспорт. А когда обзавёлся журналистским удостоверением, то и удостоверение. Есть паспорт! На месте! Теперь остаётся только надеяться, что и самый лихой житомирский частный нотариус не решится сострять дарственную без оригинала паспорта...

– Не очень-то я и надеялась, – и Лада вернула внутрь руку с бумагами. – Знала ведь тебя: всегда только о себе и думаешь.

– Ну, да... А давно ли у тебя этот человек?

– Некоторое время, Аркадий, уже некоторое время... Боже, как прикольно! Я должна была, наверное, расплакаться от счастья – ты мною заинтересовался. Успокойся, по-настоящему я тебе ещё не изменила. Я же не такая, как ты: сохраняю хоть остатки порядочности.

Удержал в себе Селифан всё, что собирался сказать, и только предложил вернуться на перекресток и выехать в сторону Брест-Литовского проспекта лучше по Тургеневской: здесь проехала бээмпэшка и что-то подозрительно скоро заглохла. Как бы не устроила засаду где-нибудь во дворе.

– Эта твоя противная манера! Щеголять забытыми названиями улиц! Корчить из себя коренного киевлянина! Нет никакого Брест-Литовского, а только проспект Победы. Но ты ведь мог меня и не предупреждать... Спасибо, Аркадий.

– Так ведь не развелись ещё, ты только имущество разделила. Надо же! А я, может быть, не тебя, а тачку пожалел.

На самом деле сказал такое, только чтобы её позлить. Сам удивлялся, но плевать ему было на тачку, будто и не

игрался с нею, совсем по-детски, и не гордился никогда ею втихаря. Тут ему пробилло, что если Лада не поменяла замок на входной двери, то хоть в квартиру он сумеет проникнуть, и на душе немного полегчало. А тут ещё и Лада развернулась, и на корме красной машинки явило себя, процарапанное, нехорошее граффито: «СУКОВОЗ-КА». Усмехнулся тут Селифан, точнее, дернулся у него вверх уголок рта. А там и рокот крошечного движка почти умолк.

– Вот теперь вы поймете, Аркадий, отчего я больше не женился, – прозвучало у него за спиной.

Селифан машинально кивнул. И вдруг заговорил о том, о чём совершенно не собирался сообщать старому хлыщу.

– Где-то по дороге в Житомир она собирается подобрать своего человека. Правда, трудно мне понять, куда его усадит. Разве что придется мужику взять дуроскоп на колени. Однако есть во всем этом и утешительный для меня момент. Похоже, она общалась со своим избранником только в Сети. Так что от всей души желаю ей, чтобы он оказался беззубой старой бабой или смрадным стариком в инвалидной коляске...

– А через вебку?

– У нас нет... мы не пользовались вебкамерой, Владислав Николаевич, – пояснил Селифан. – Мне ещё только дома, на моем собственном компе, камеры не доставало, а Ладе я не говорил, что она предусмотрена в ноутбуке.

– И всё равно не обольщайтесь, Аркадий. Если уж они обнаружили друг в друге родственную душу, значит, и возраст у них не шибко различается. Сейчас между поколениями такая пропасть пролегла – о-го-го!

– Да уж, – согласился Селифан, совсем про другую разницу в возрасте вспомнив... Это же надо, его ведь

теперь могут и за «антиквара» принять. Те пареньки, говорят, знакомятся с дамами себя постарше не вполне бескорыстно. А он? Крякнул и заговорил совсем о другом. – Вы лучше вот что мне скажите, Владислав Николаевич. Ваши коллеги, я Истомина и нашего банкира имею в виду, вовсе не жаждали давать мне интервью по такой деликатной теме. Вы же, в некотором роде, сами напрашивались. Не можете объяснить, почему?

– Вот это как раз могу пояснить, – улыбнулся Русланов несколько растерянно. – Я последние годы ощущаю, что мне фатально не с кем поделиться своими переживаниями, дорогими для меня мыслями, воспоминаниями, наконец... Симону об этом и не заикнись, сразу высмеет. Будто вокруг меня глухие стены... А вы мне показались, уж извините, замечательным слушателем – чужим, бесчувственным, нейтральным и даже механичным, как диктофон.

– Идеальным ночным горшком для результатов словесного поноса? – горько осведомился замечательный слушатель.

– Скажете тоже, Аркадий... И ещё я знал, что не буду фигурировать в ваших записях под собственным именем. Хотите, я расскажу вам, зачем мне понадобилась ширма?

– Валяйте...

– Это Симон потребовал поставить ширму. Будто бы для того, чтобы я не наблюдал за ним, когда играет в свои дебилные игры, а на самом деле, как выяснилось, – тут Русланов горько вздохнул, – чтобы со своим дружкой связываться без помехи. Компьютер у нас настольный, и ему не удалось утащить его в свою комнату, потому что я на нём работаю. Ведь хотя Симон и не от мира сего, даже он понимает, откуда в доме берутся деньги.

– Не от мира сего... Позвольте мне задать один вопрос, Владислав Николаевич.

– Да хоть и десяток.

– Всем нам благодетель наш тороватый Максим Лукич раздал переговорники, обеспечив нас прямой связью на случай именно такой заварушки, которая сейчас начинается. Почему же вы сегодня не воспользовались своим переговорником, а продолжали долбить в мой отключенный мобильник?

Русланов только руками развёл.

– Неужели ухитрились потерять? – изумился Селифан.

– Да нет... Симон забрал себе. Говорит, что вопросы эвакуации берёт на себя, избавляет, дескать, меня от малоприятных хлопот. А знаете ли, под каким забором мы сейчас с вами стоим?

– А и в самом деле, – хохотнул Селифан, которому по душе пришлась перемена темы. – Белый каменный забор, за ним сонное царство какое-то, а там, на сторожке, надпись «Детский санаторий». Санаторий в центре Киева? Мне показалось, что и детей внутри никаких нет.

– Там кто-то живёт на самом деле. Мне довелось наблюдать, как в ворота заезжала хлебовозка, а сторож, тот почти всегда на месте. Раньше здания, укрытые за дубами двора-парка, можно было худо-бедно рассмотреть с лестницы «Дома с кошками», а теперь там крутые живут, в парадное не попадёшь. Однако я навёл справки. Оказалось, что это единственная сохранившаяся в центре Киева городская усадьба начала XIX века, и принадлежала она киевскому художнику Орловскому.

– О! Тому самому? Что польских повстанцев рисовал?

– Я тоже подумал, что здесь жил романтический поляк Александр Орловский, которого и Пушкин похвалил

за острый карандаш! Но оказалось, что речь идет о более скучном пейзажисте Владимире Орловском, который в своё время, правда, соперничал с Айвазовским. На его дочери был женат известный Пимоненко, который поставил себе флигель в той же усадьбе. Любопытно, что как здесь они, два художника, жили и работали рядом, так и на Лукьяновском кладбище рядом лежат – прямо через дорожку.

– Спасибо, вы удовлетворили мое любопытство... И что же теперь делать?

– Устраивать свою жизнь и умолять судьбу, чтобы ваша жена не вернулась к вам. Я, правду сказать, к ней присмотрелся...

– Нет, – неловко поправился Селифан. – Я имел в виду, будем ли мы спускаться к Павловскому парку. Ведь два шага осталось...

A handwritten signature or mark, possibly the author's name, written in a stylized, cursive script.

Глава 30. МАРГАРИТА: Откровения омоновца; белые чулочки госпожи Икс; фасоловая каша; ночное пробуждение

– А почему бы и нет? – усмехнулся Русланов. – Посидели бы хоть, как люди, на скамейке. Да и по дороге есть что показать.

Селифан, неплохо знающий этот район, высказал убеждение в том, что больше там уже нечего показывать. На что Русланов, снова вошедший в роль экскурсовода, показал подбородком на типичную школу послевоенной постройки:

– А вы знаете ли, что в фасад её вмурована капсула с посланием людям коммунистического общества? И что рядом долго висела доска с наказом вынуть капсулу и прочесть послание в 2017 году, то бишь в сотую годовщину Октябрьской революции?

– И ведь недолго дожидаться...

– А вот меня лично, Аркадий, восхищает исторический оптимизм тех, послевоенных строителей. Ведь тогда никто не мог гарантировать, что на месте Восточной Европы не раскинется радиоактивная пустыня.

– Стоп! Проход закрыт! – это из-за угла четырёхэтажки, выселенной лет не меньше уж как двадцать, но не снесенной до сих пор, выдвинулась тёмная фигура омоновца в полном снаряжении.

– Вы по стойте здесь, Владислав Николаевич, – предложил Селифан, достал удостоверение и прокричал. – Я журналист. Вот видите! Подхожу к вам!

Омоновец, мужчина грузный, не пошевелился, пока Селифан не приблизился.

– Уберите удостоверение! – прогудел, чёрной шерстяной маски не снимая. – Я вас знаю. Супружница моя балдеет от вашей передачи, а вас лично видел на Крещатике, когда снимали возле палаточного лагеря. Вы, я вижу, без оператора?

– Я не на съёмке. Работаю с ньюсмейкером. Мы думали переговорить в парке на скамейке...

– Вам и мой начальник не разрешит, – покачал головой омоновец. – Тут серьёзные дела. Обещайте, что не используете в своей работе, и я расскажу лично вам, откуда ветер дует.

– Вы же знаете, что политикой я не занимаюсь. Тогда, у палаток, это была всеобщая мобилизация на канале...

– Вот-вот, я так и понял. Канайте на дачу, если есть дача, мотайте из центра в любом случае. Мы здесь потому, что америкосы без огласки вывозят свое посольство. На аэропорт «Борисполь» ушло уже несколько автобусов. Я не совсем рассекаю, какой нам смысл обеспечивать безопасность ихней эвакуации, но с начальством не поспоришь. А что начнётся, когда они вывезут посольство, вы знаете.

– Я – знаю?

– Неужели забыли, что делалось в Ливии? Это чтобы далеко не ходить. Ей-богу, сам бы смылся подальше, была бы возможность.

– Невероятно! Скажите, мимо вас не проезжала БМП-1?

– Никакой бээмпешки не проезжало, это уж точно.

Селифан поблагодарил и попрощался. То ли ему показалось, то ли этот любезный омоновец и в самом деле встревожился, когда услышал про бээмпешку. Русланову он сказал только, что в парк не пускают.

– Да Бог с ним, с парком! Пора уже и возвращаться, – захопотал тот. – Да и о Симоне я беспокоюсь... Такие дела, что лучше бы ему из квартиры и носа не высовывать. Он такой неприспособленный, словно из своего этого Иномирия... Да и рассказал я вам почти всё, Аркадий.

– Да, да, возвращаемся... Нам по пути до перекрестка, Владислав Николаевич.

– Извините, я помолчу... Воздуха не хватает....

Подъём совсем пологий, Селифан, далеко не атлет, его и не заметил. А вот они и на ровном месте. Постояли, и приободрившийся златоуст снова завёл свою шарманку:

– Почти, это не всё, Аркадий. После нескольких незабываемых совместных вечеров, когда я пережил... Нет, это надо обладать такой же тонкостью чувств, как у вашего покорного слуги, чтобы познавать глубины наслаждений в безмолвном обожании, в созерцании любимого существа, испытывать восторг от случайных прикосновений – и мучительную надежду, что с его стороны они были не случайны, а знаменуют...

Мобильник задёргался в кармане у Селифана, а когда он выхватил его, на экранчике нарисовалось «Жора рабочий». Госпожа Икс!

– Да! Да!

– Жив! Тогда куда же ты подевался? Как посмел покинуть меня? Одним духом сюда!

– Так я же, почитай, рядом! Бегу!

Кто это старичок в нейлоновой шляпе? Чего хочет? Селифан пробормотал «До свидания» и, не вслушиваясь в ответный поток слов, помчался. Подъём к следующему перекрестку, вот он по-настоящему крут, и он задыхался не хуже препода, когда вбежал во двор её многоэтажки. Здесь остро воняло горелым пластиком, дымились осто-

вы нескольких тачек. И с разбитой панелью, домофон продолжал работать. Селифан набрал номер квартиры, и пока набирал, в ушах его прозвучали последние, уже вслед ему брошенные слова Русланова:

– Я и сейчас считаю это только совпадением, что Маргарет отвергла моё предложение руки и сердца вечером того же дня, когда узнала, что заменит на следующем спектакле в партии Жизели тогдашнюю приму Задаянную.

Сияя как медная копеечка, госпожа Икс встретила его в дверях квартиры. Он ахнул: были на ней только белые чулочки, а на плечах что-то вроде кружевного жилетика, ничего не скрывавшего, а потому надетого, наверное, для тепла. После первых поцелуев и обоюдных косноязычных заверений в переживаемом в данный момент полнейшем счастье, Маргарита сочла нужным пояснить:

– Я, как дозвонилась до тебя, милый, расслышала в трубе вяканье этого недотёпы Владика. Чего бы он там не наболтал обо мне, не слушай. Тем более, Владик всем говорит, что у меня слишком тяжёлые, мускулистые ноги. Вот, белое полнит, несомненно! И разве даже в белом, даже опухшие после спектакля? Разве не враньё это – называть мои ноги тяжеловатыми?

– Враньё – и преподлое! – отвечал Селифан. – Пожалуй, я тебя теперь никуда от себя не отпущу, а пойду куда – без тебя ни шагу.

– Ты жмуришься сейчас, будто кот возле полного блюда сметаны. Тотчас же отправляйся в ванную, пока горячая вода не кончилась, а я тут посмотрю, чем можно будет перекусить.

В ванной Селифан сперва закрылся, однако тут же откинул бронзовую задвижку и приоткрыл дверь. Успокоился, только заслышав возню на кухне. Да, это луч-

шее решение теперь – больше не разлучаться. Хватит с него расставаний, достаточно и того, что одинокая, без него рядом, смерть матери до сих пор лежит камнем на сердце... Он успел смыть мыльную пену прежде, чем горячая вода закончилась. Уже холодной вымыл ванну и принялся её наполнять.

На кухне царил аромат фасолевого супа. Длинной ложкой помешивая в кастрюле, в другой, далеко отставленной руке Маргарита держала пустую жестяную банку, к чему-то на ней присматриваясь. Ноги поставила... ага, в четвёртую позицию, а к наряду прибавился крохотный фартушек.

– Там сказано, что с добавлением бекона... Не возражаешь? – спросила озабоченно.

– Обожаю фасолевый суп! И тебе не нужно больше меня соблазнять – ты меня соблазнила на всю мою жизнь вперёд.

Она оставила ложку в кастрюле, банку бросила на стол и повисла на шее у Селифана.

– Какой ты молодец, что не напялил своих грязных тряпок! Дай мне опомниться, и я придумаю что-нибудь с ними... Я бы разрыдалась в ответ на твои слова, милый, но не хочу, чтобы ты увидел меня с потёкшим макияжем.

Долго пришлось объяснять Селифану, что теперь они будут всегда вместе, что он ещё много раз увидит её умытой, и живописать прочие упоительные сейчас для него перспективы их обыденной жизни вдвоём. Суп тем временем выкипел, но и фасолевая каша оказалась хороша, хоть и солоновата. За столом они дурачились, как дети, забыли разбавить консервированный компот и опьянели, выпив по стакану.

Селифан всё собирался спросить, как прошёл спектакль, но забывал. Очнулся уже в темноте, странной

темноте, которой в городе, тем более в центре, никогда не бывает. Ведь рекламы, фонари, фары проезжающих под окнами машин... Рядом дышала Маргарита, но он уверен был, что она тоже уже не спит. Спросил тихонько:

– А как там спектакль?

Она продолжала посапывать. Горько стало ему, что не угадал, а стало быть, не так близки они, как ему казалось. И почему это она спит, если он уже проснулся? Вздохнул Селифан и отправился в ванную. На ощупь отправился, внутри уже вспомнил, где видел выключатель. Свет зажётся, слава Богу. Ванна, понятно, давно наполнилась, однако вода дисциплинированно уходила в слив. Разобравшись с кранами, принялся отстирывать туалетным мылом трусы и носки над раковиной. Рубашку следовало бы замочить предварительно в тазике, однако он боялся рыться в шкафчиках, чтобы не нашуметь.

Но вскоре раздались в коридоре шлепки босых ног, двери приоткрылись, и произошло в них явление госпожи Икс. На сей раз она закуталась в халат, а когда Селифан кинулся к ней, чтобы уже привычно заключить в объятия, его остановили собственные же мокрые и мыльные руки.

– Уж если ты решил прибиться ко мне надолго...

– Навсегда! – вскричал он.

– ... то, наверное, именно я должна была бы простирнуть твоё бельишко, – продолжила она элегически. – Однако я всего два раза была замужем и так уже давно, и так по-дурачки, понарошку как бы и на короткое время... Знаешь, я совершенно забыла, какие именно обязанности возлагаются на спутницу, которую мужик вознамерился подержать при себе некоторое время.

– Навсегда!

– Пока ещё есть холодная вода и свет, стиралка будет работать. Так что вытри руки и пойдём в гостиную. Вот именно, в гостиную! Сядем в разных углах дивана и поговорим наконец по-человечески.

И если бы даже и не в разных углах, то и тогда едва ли был бы способен Селифан на какую-либо серьёзную интервенцию. Похоже, что и она испытывала подобное опустошение.

– Ты спрашивал, как там спектакль – я ведь не ошиблась? – спросила тихонько. – Ты извини, но я не могла пошевелиться, и даже пошевелить языком. Спектакль был отвратителен, никогда мне не доводилось танцевать перед таким пустым залом. Капельдинеры буквально сгоняли народ с галёрки в партер. Зато наслушалась я ужасов, уж наслушалась под завязку...

– А который час?

– Половина третьего, оказывается... Ты снова проголодался, нет? Самое время поболтать, наконец, милый. Ты был такой немногословный вчера...

– Зато этот твой Владик оказался первостатейным болтуном, – не удержался Селифан.

Госпожа Икс ослепительно улыбнулась, и прежде, чем собралась она ответить, успел подумать счастливый любовник, что отныне и до конца жизни придётся ему угадывать, когда его женщина говорила искренне, а когда предпочла сыграть.

– ...не ревновать меня к нему, а пожалеть несчастного. У меня ведь и первый муж был мужчина такого же типа. Не того, что ты сейчас подумал, а чтобы потрепаться. А болтуны могут оказаться очень полезными. Есть у нас в труппе одна чудачка из миманса, Никитична. В обычное время её стараются обходить десятой дорогой, чтобы не заговорила до обморока, а вот вчера баба пользовалась колоссальной популярностью.

– Артистка миманса – это когда по команде руку перед собой вытягивает?

– Ага... Так вот, эта толстуха, Никитична которая, вытрясла из своей престарелой матушки воспоминания о немецкой оккупации, а в антрактах одаривала ими за кулисами всех желающих.

– Не слишком ли... лихая параллель? – осмелился заикнуться Селифан.

– Брось! Неужели ты сам не видишь, что у нас городские власти похуже к народу относятся, чем какие-нибудь оккупанты? Так вот, после того, как Красная армия оставила Киев, киевляне несколько дней грабили государственные магазины. Тогда мало кто понимал, что перед смертью не надышишься, а вновь продукты появились только на хилых городских базарах. И по ужасающим ценам, заставившим горожан с риском для жизни мешочничать в окрестных сёлах.

– Об этом я слышал, – кивнул Селифан. – Или читал в газетке. То есть в Инете читал, что было в газетке. Кому теперь они, эти газеты, нужны?

– Немцы лишили киевлян электричества, а воды и к их приходу уже не было – холодной, конечно, а про горячую тогда и в Берлине не вспоминали. Перед отступлением коммунисты разрушили водопровод и канализацию, а зимой, понятно, не было никакого централизованного отопления, только в домах, выбранных немцами для себя. Большую часть трамвая отгораживали для немцев, а временами и совсем запрещали киевлянам этот транспорт. Почти все кинотеатры тоже, она говорила, обслуживали исключительно немцев. Но что далеко ходить? Помнишь, был ресторан «Театральный» как раз напротив Оперного?

– Конечно.

– Так там устроили ресторан-кондитерскую – и с надписью «Только для немцев».

– Весело... Однако не думаю, чтобы натовцы решились нас оккупировать. Что там, кстати, о них слышно?

– Вроде Россия наложило вето, а НАТО... Я не поняла, вроде как сами решили. Они, будто, не позволят правительству расправляться с собственным народом. И что-то насчёт нелегитимности президента. Зачем такие сложные слова? Помню, у римлян были легаты...

– Я, любовь моя, в латыни тоже не силен.

– Знаешь, как только я поняла в общем и целом, что дело плохо, сразу о тебе забеспокоилась. Надо было не выпускать тебя на улицу, а запереть в квартире. И ещё... Я даже, грешным делом, прикинула, а не врубить ли мне звук в ящике? Правда, совершенно не помню, не навсегда ли я его того...

– А ведь это очень легко проверить! – воодушевился Селифан.

Госпожа Икс взяла со столика и перебросила ему «бездельницу». Кнопки отключения-включения и регулировки звука оказались аккуратно вынутыми. Он нахмурился: кто же это для неё делал, спрашивается? Спросить не захотел. Пошарил на передней панели ящика, нашёл кнопки управления, нажал нужную – и к мельканию серых пятен на экране добавился слабый треск.

– Здесь кабель?

– Наверное, милый. Во всяком случае, счета такие приходят. Именно со всякими кабельными рекламами. Обещают по сто программ – а зачем столько одному человеку? Или даже двум?

– А провода какого-нибудь у тебя не найдётся?

– Зачем мне?

Выпросил Селифан на время спицу и воткнул её в гнездо вместо кабельного штекера – результат тот же,

только треск погромче. Попросил тогда телепрограмму, а в ответ только смех. Тогда уж и сам понял, что сморозил глупость и пояснил, будто оправдывался:

– Я совершенно не ориентируюсь, какие наши каналы работают по ночам. Сам за завтраком заглядываю иногда на Би-би-си, Си-эн-эн и очень редко – на российское НТВ, – а поскольку она смотрела вопросительно, продолжил. – Смотрю, не появляется ли чего нового в подаче материала. Увы, похоже, искусство ТВ только деградирует.

– Да Бог с ним, с твоим телевидением... Извини, конечно, но если ты сам... Но что с тех пор у киевлян ещё появилось такое, что можно у нас отобрать?

– У меня – ты!

– Милый! Я имела в виду мобильную связь, ещё Интернет...

– Кстати, я давно не подзаряжал мобильник. Господи, да деньги же у меня на нём казённые, и я никогда сам не пополнял счёт! А насчёт подзарядки... Слушай, а какой у тебя мобильник?

– Маленький, он в спальне остался...

– Нет, фирмы какой?

– Не знаю, милый. Но я тут кое-что вспомнила, что должно тебя успокоить, по крайней мере, насчёт мобильной связи. Мне рассказывали, что во время войны в Южной Осетии российский генерал просил у журналистов мобильник, чтобы связаться с начальством. Неужели у здешних генералов связь лучше? Не бойся, не вырубят.

Хотел было Селифан заверить её, что ничего не боится, а насчёт фирмы спрашивал в надежде, что зарядка подойдёт к его смартфону, однако вместо этого вдруг зевнул. Зевнул чудовищно: едва не вывернув челюсти, и слёзы выступили на глазах.

– Давай ляжем, поспим, – промычал.

– Очень хорошая мысль, – согласилась она и добавила поспешно. – Просто поспим.

Это подчеркнутое «просто» показалось Селифану обидным, и он предложил госпоже Икс отнести её в спальню на руках. Она уже согласилась, а он успел поднять её с дивана, когда за окном раздался громкий свист и змеиное какое-то шипение, звуки эти стихали постепенно, а когда прекратились, прокатился глухой удар, а ещё через несколько секунд стёкла окон зазвенели от взрывной волны. Тут же заголосили охранные сигнализации легковушек – не так и мало их осталось в городе! Потом удар повторился у них за спиной, и вой сигнализации как бы удвоился, однако на сей раз стёкла не зазвенели, только высотка явственно качнулась. Снизу, с первых этажей, донёсся и сразу перекрыл завывания электроники истерический женский крик.

Маргарита ещё тесней прижалась к нему и прошептала в ухо:

– Не будь тебя рядом, милый, я бы визжала сейчас похлеще этой несчастной.

– Это хорошо, что мы не спали, спросонья ты бы испугалась сильнее. Ничего не бойся, сейчас мы посмотрим, что там делается.

Глава 31. МАРГАРИТА: опасное путешествие центром Киева; Лина отличилась; попробуй тут разберись, кого следует называть «девушкой»

По-прежнему с Маргаритой на руках, Селифан босой ногой отворил пошире дверь балкона, оставленную на ночь приоткрытой, и оказался высоко над разбуженным посреди ночи городом. Квартира выходила окнами не на соседнюю высотку, а в сторону Евбаза, Татарки, Лукьяновки. Окна в многоэтажках вспыхивали одно за другим, мигали красные фонарики стоп-сигналов. А вот сразу за Воздухофлотским мостом разгорался пожар. К шуму и гаму на улицах прибавились басовитые завывания пожарных машин и карет «скорой помощи».

– Это что же там горит? – пискнула Маргарита. – Никак стадион КВО?

– Боюсь, что сам КВО. Теперь, впрочем, там не штаб Киевского военного округа, а Министерство обороны. Жаль, мне его здания всегда напоминали Эрмитаж. Видишь в небе дымный след? Присмотрись – и увидишь.

– Ну, вижу. И что оно значит, милый?

– Что по КВО грохнули крылатой ракетой с обычным боезарядом. Натовские самолеты обогнули Киев и запустили «Томагавки» с восточного направления.

– Чёрт! А зачем так сложно?

– Откажутся, не они, мол, или чтобы запутать. Мало ли...

– Почему ты говоришь, что ракеты, а не одна?

– Позади нас тоже громынуло, на Липках. Это либо по администрации президента, либо по парламенту.

– Ладно, отнеси меня в спальню. Только закрой, пожалуйста, балкон.

По дороге он подумал, что напрасно показал Маргарите тот след от ракеты. Слишком уж близко от этой высоты он повис, и хорошо, если Маргарита не поняла, как недалеко пронеслась крылатая смерть. Да что они там, дьявол их задери, себе позволяют?

– Закрой и здесь окна, – попросила она. – Достаёт меня эта какофония. У меня прямо глаза слипаются. И чем мы сейчас и кому поможем, если не ляжем снова спать?

– Логика железная, – отозвался он. – Подожди только, не гаси свет, пока я не найду свой мобильник.

Почему его пиджак и сумка валяются на полу? Мобильник оказался на месте, целый, кажется. Едва ли бы его раздавила Маргарита, если бы даже наступила своею лёгкою ногой. Вот – экранчик осветился, когда Селифан нажал верхнюю кнопку. Справа чернела одна чёрточка, значит работает хотя бы на приём. Ого! Пять пропущенных звонков. Он раскрыл – все от Жоры! Хлопнул себя ладонью по лбу: он ведь обещал вечером созвониться с Жорой, и спрашивается, кому из них двоих это было необходимо? А Жора, добрый товарищ, честный человек, не сумел дозвониться и с чистой совестью теперь решает свои собственные проблемы... И тут облился холодным потом Селифан, потому что перед его внутренним взором предстал Жора, сторбившийся на велосипеде. Велик катит по шоссе на Вышгород, тёмный сосновый лес с двух сторон нависает над асфальтом. Старая сумка, с виду ненужными газетами набитая, грязным белым шнуром привязана к багажнику, за спитой у путешественника потрёпанный рюкзак... Ведь не доедет же таким макаром до своего Мукачева – ограбят, евро банкирские отберут!

– Ладно, милый, я и так засну, при свете. Я и сама повязала бы ещё немножко перед сном, да не хочу тебя смешить.

– Туши свет, мне он сейчас не нужен. Спи! Мне надо подумать...

– И ты такой дёрганый стал. Не переели ли мы с тобой этой самой... как её... этой сладкой...?

На этом замолчала она – и тут же задышала ритмично. Быть может, что и похрапывала немножко... Нет, он расслышал бы, ведь звуки её дыхания не заглушались, пусть и ослабленными пластиковыми окнами, однако по-прежнему надоедливый хоровым воем автомобильной сигнализации. И халат она позабыла снять, когда легла на бочок и сложила ладони под щеку. Поэтому мягкой тёплой ткани коснулся он, а не прохладной бархатистой кожи, когда перегнулся через спящую, чтобы осторожно нажать на выключатель прикроватного торшера. Оказавшись в относительной темноте, остро почувствовал он нелепость своего положения. Что он делает здесь – голый, на чужой скомканной постели, опустошённый до последнего предела, с зубами, уже вторые сутки не чищенными по-человечески? На чужой широкой постели... А зачем она такая широкая? К чему бы это одинокой женщине заводить широченную двуспальную кровать?

Хмыкнул, обласкал силуэт госпожи Икс нежным взглядом, будто прощенья попросил. Когда она успела натянуть на голову простыню? Однако дышит ровно. Повернулся к ней спиной и снова активировал экранчик. Что-то было там не так с вызовами Жоры... Смутно припомнилось, будто один звонок из пяти показался вроде не Жорин. Так, так... Вот он, «0956895262 Еленин». Какой ещё Еленин? И тут его будто жаром обдало – Леночка, ослепительная Леночка, оказывается, набира-

ла его номер... Сосредоточился Селифан, набил СМСку Жоре о встрече у него дома между десятью и одиннадцатью, отправил. Потом поставил будильник на девять, и не успел экранчик погаснуть, как и сам незаметно отключился.

Весь остаток ночи он спасал Леночку, вырывая её из рук отвратительных бандитов, без конца повторявших единственное известное ему американское ругательство, а в перерывах между драками решал проблему, имеет ли право отозваться на Леночкино желание отблагодарить его самым непосредственным и самым восхитительным образом... Очнулся под тетеньканье мобилки и первым делом, на ощупь вырубил её будильник. На ощупь, потому что, разинув рот, наблюдал, как склонившаяся над ним Леночка неуклонно преображается в госпожу Икс – покрашенную, с ухоженными волосами, в соблазнительном пеньюаре. И слава Богу – с нею хоть не придется решать нравственных проблем!

Как оказалось, поторопился с этим утверждением. Потому что Маргарита заявила, и весьма задорно:

– И как мне прикажешь расценивать это твоё необычное и крайне непристойное приветствие? Предназначено ли оно мне лично, или же всей женской половине человечества? А может быть, это твой обычный салют наступающему дню, и дам просят не беспокоиться?

Немедленно разрешил он возникшую было нравственную проблему, нежно опрокинув ораторшу на себя. И уже потом, отдышавшись, хотел было обосновать происшедшее между ними. Ничего лучшего не измыслил сказать, а только, что они могут и не дойти до коммуналки на Владимирской, да передумал. Ведь премило раскрасневшуюся Маргариту интересовало уже совсем иное. Бессильно распростёршись поперек кро-

вати, а душистую головку положив Селифану на живот, она обсуждала вопрос, стоит ли им теперь завтракать.

– Лично я не стану, лучше уж полежу здесь и наберусь сил. Тебя же, и потому, в частности, что ты у нас такой герой, необходимо накормить. Более того, тебе необходимо усиленное питание.

– Я никакой не герой, а в этих делах тем более... Это ты... такая у нас... такая... прелестная. Да.

– Вот видишь, у тебя и язык, в отличие от моего, еле шевелится. Поэтому усиленное питание на повестке дня. Однако, увы, я настолько плохая хозяйка, что не смогла бы накормить тебя и полноценным завтраком. Знаешь, я не очень-то привыкла есть дома. Утром, конечно же, чашка кофе, печенье какое-нибудь...

– Наша ты Маргарет Тэтчер: у той на завтрак были кофе и витамины.

– Попробовала бы она на моём месте на одних витаминах! Поэтому я всегда съедала полноценный второй завтрак напротив Оперного, в «Театральном» – вначале в кафе, а потом обнаружила, что в одиннадцать утра могу позволить себе перекусить и в ресторане. Но не успела я насладиться безупречным обслуживанием, как крыша обвалилась в гостинице, и здание поставили на бесконечный ремонт. А теперь там одни офисы... Правда, появилась и ведомственная столовка.

– А я застал там уже одни развалины.

– Идиоты вонючие! Прервали такую старинную традицию! Ведь на этом месте стояли ресторан и кафе «Франсуа» уже в первой половине XIX века, когда нашего Оперного и в проекте не было! Тут видели Шевченко, как он сидел во «Франсуа» и уписывал бифштекс, а было это в Петровский пост, вот!

– А ты откуда знаешь?

– Кто-то рассказывал. Ну да, кто ж ещё, как не Владик? И так, «Франсуа», киевляне называли этот ресторан ещё в двадцатые годы.

– Понятно.

– Что тебе понятно?! В общем, дома я почти не ем, поэтому и запасы еды такие скудные. На завтрак могу предложить крекеры, а к ним горчицу, если не засохла, конечно. Или кетчуп, но вот не выбросила ли я его? Знаешь ли, не уверена я... Нет, кажется, я его видела вчера.

– Итак, крекеры с виртуальным кетчупом. Кофе бы мне...

– Кофеём хоть залейся, милый! Вот с сахаром напряжёнка...

– А как же! Белая смерть...

– Как только смогу руку поднять, получишь по шее. Не смей дразниться! Я тебе не Гурченко в «Любовь и голуби»!

– У меня и в мыслях не было. Так наш водитель любит говорить, хиппарь Славик, когда кладёт себе в кофе третью ложечку сахара.

– А твоя Гурченко всегда мне казалась вульгарной, и я была убеждена, что в том фильме, «Любовь и голуби», она сыграла саму себя!

– А почему моя? Никогда она мне...

– Ты прав, лучше не злословить о шустрой старушке. Ведь уже умерла... Ты заметил ли, милый, что я и не подумала спрашивать у тебя, зачем нам в такое опасное время тащиться куда-то на Владимирскую? А потому не спрашиваю, что у господина и повелителя не спрашивают. Вот.

– Да ты и спросила бы, я бы постарался не ответить... Чтобы ты меня за идиота не приняла. Ну, ладно уже расскажу по дороге, а ещё лучше, если сумею уладить про-

блему. Знаешь что – тащи свой кофе с кетчупом прямо сюда!

Они решили выйти на Владимирскую напротив Оперного, так было дальше, но показалось им безопасней короткого маршрута по бульвару: одностороннее движение превращало тротуары бульвара в западню. Он убедил её обуть что-нибудь на низком каблуке, и она уже по собственной инициативе натянула потёртые джинсы, футболку и прихватила с собою кофту, которая, похоже, лет двадцать дожидалась этой чести в одежном шкафу.

Все витрины, не закрытые стальными шторами, были разбиты. «Гастроном» на углу оказался буквально выпотрошенным, возле него сновали менты в коротких чёрных бронежилетах и с укороченными автоматами. Один такой принялся весьма подозрительно присматриваться к сладкой парочке, однако не остановил. Селифан с ужасом понял, что шляться по городу пешком с битком набитой большой сумкой будет небезопасно.

Под рекламами казино на доме-красавце, прославленном Булгаковым в «Белой гвардии», поблёскивали россыпи гильз, а на тротуаре напротив Селифан чуть не вступил в подсохшую лужицу крови.

– Похоже, милый, мы мирно проспали самое веселье, – совсем не весело констатировала Маргарита.

– Когда ж ещё и пограбить, если не на рассвете, – бодро откликнулся Селифан.

На каменных плитках между университетским красным корпусом и памятником Шевченко как раз разворачивалась батарея «Шилок», однако солдатик в оцеплении только махнул Селифану и Маргарите, чтобы быстрее проходили. Они и прошли, прижимаясь то к колоннам и стенам красного корпуса, то к высокому крыльцу библиотеки.

– А я-то думал, что эти старушки сняты с вооружения... – начал было Селифан. И осёкся. Потому что она отрезала:

– Не желаю я слушать никаких ваших мужских армейских басен! – и тут же спросила примирительно, правильно ли ей запомнилось, что он здесь учился.

– Я в другом корпусе, в роскошной новостройке Высшей партийной школы, а здесь приходилось бывать только в актовом зале и в ректорате. Всегда завидовал тем, кто занимался в этом старинном здании, а не в бывшем партийном питомнике на улице Пугачёвой.

– Пугачёвой? – прыснула она.

– Для смеха переименовали, да и привыкли. А правильно – улица Пугачёва, вот только не знаю, того ли самого самозванца, – пояснил Селифан, довольный, что она уже не рычит.

О чудо! Гастрономический отдел на первом этаже дома Морозова не разграблен. А если закрыт, то есть надежда, что под прикрытием зенитчиков откроется. Неужели они дойдут без приключений? Ведь совсем ничего осталось...

Дошли. И домофон сработал, и Жора им открыл. Как был, худющими плечами выпирая из майки-алкоголички. Сделал большие глаза, узнав Маргариту Львовну, и церемонно с ней поздоровался. Селифану же начал выговаривать уже в коридоре:

– Из-за тебя мы тут чуть ли не последними остались! Ведь почти вся коммуналка уже разбежалась, представляешь? Чуть рассвело – и начался великий исход к родичам и знакомым!

– А с чего бы это, Жора?

– Да маньяка мои соседи испугались! Тут на днях кто-то впустил ханыгу, он стучался во все комнаты. Где-то угостили водочкой, где-то послали по матушке, а уже за-

полночь попал на решительных и недопивших, видать, ребят, те ему накостиляли и протолкали на улицу. Так он грозился, что достанет пушку, вернётся и всех перестреляет. Тогда посмеялись, а теперь не до смеха. Дела такие весёлые пошли, что можно ждать чего угодно. А маньякам так уж точно раздолье. Да ещё тут один историк живет, Амвросий Николаевич, он ещё больше страху нагнал. Рассказывал всем, как в Смутное время, когда первый самозванец был уже под Москвой, москвичи опустошили оружейные лавки, и каждый принялся искать своего врага.

– А зачем? – рассеянно осведомилась госпожа Икс.

– Чтобы с врагом под шумок разобраться, вот зачем! – заявил Жора торжествующе.

Тут весьма важная мыслишка мелькнула у Селифана, однако тотчас же была вытеснена более актуальным наблюдением: они уже некоторое время топтались возле дверей Жориной комнаты. С чего бы это?

– Извините, но там у меня девушка Лина. Вон Селифан её знает, Маргарита... э-э-э, Львовна. Бедняжке некуда было деться. Она себя в порядок приводит, – ответил Жора на невысказанный вопрос.

Но вот, наконец, проскрежетал замок, и девушка Лина показалась в дверях. Может быть, она и привела себя в порядок, но тем самым только оттенила скромную элегантность и безупречный вкус госпожи Икс. И Селифан чуть было не лопнул от гордости, а Лина тем временем бросилась ему на шею:

– Как мы с Жориком беспокоились за вас, Аркадий! И какой вы молоток, что в такое... звездоватое время не оставляете свою маму одну!

Жора булькнул ртом, госпожа Икс нервно хихикнула, а Селифан принялся отдирать от себя мягкие и горячие, как свежие булочки, руки Лины.

– Ну, дружбан, никогда ещё не наблюдал у тебя на лице такого философского выражения, – встрял Жора.

– А-а-а, я поняла, вы та самая Маргарина, у вас были шуры-муры с тем злым старпёром, ему ещё Аркадий звонил из моего салона...

Опомнился наконец Селифан, втокнул девушку в комнату, захлопнул перед её носом дверь и обратился к Жоре:

– Давай тащи сумку, гостепреимный ты наш. Вот уж...

Жора простецки почесал в затылке.

– А что мне было делать? Лина, оказывается, мыкалась в бытовке на стройке, вместе с крановщицей и двумя землячками-штукатурами. Те вчера смотались домой, а Лина не могла просто так бросить свой салон. Хрен бы ей удалось снова устроиться на работу в Киеве, если бы подвела хозяина. А оставаться одной в бытовке было слишком опасно. Одно дело, когда участковый...

– Знаете что? – ослепительно улыбнулась им госпожа Икс. – Я, пожалуй, осмотрюсь тут. Ведь это коммуналка, правда ведь? «Система кор-р-ридорная...». Где ещё теперь такое увидишь? До свидания, Евгений. А тебя буду ждать возле входа, милый.

– Про какую это она систему? И зачем рычит? – пробурчал Жора, уставившись в прямую спину удалявшейся госпожи Икс.

– Высоцкий это, – пояснил Селифан, только сейчас начавший приходить в себя.

– Значит, поколение, писающее от Высоцкого...

– А ты, поколение пепси, давай тащи сумку. Боюсь, как бы не сбежала от меня теперь.

– Я бы на твоём месте... Ладно, молчу. Ты давай скидывай мою рубаху, девушка там освежила твою, висит на плечиках.

– Не тяни, прошу...

К чести Жоры, он вынырнул тотчас же, с сумкой и рубашку имея на плече.

– Ты вынул свою долю? – небрежно и на Жору не глядя, осведомился Селифан, меняя рубашку.

– За кого ты меня держишь? Я твою клятую сумку и не раскрывал.

– Открой тогда сейчас и отслюни себе три бумажки. Ещё одну за хранение. Не думаю, что банкир будет возражать.

На их счастье, Жора заслонял внутренности сумки спиной, когда Лина высунула в коридор нос и пропела:

– А что у вас там в сумке, мальчики?

Жора вжикнул на сумке молнией, показал Лине кулак, а у Селифана спросил горько:

– Ты, что же, совсем не хочешь узнать, каковы наши с тобой дела? Передача про лжедвоюродную сестру Влады Черняк пошла в эфир. Я хотел было ещё доснять материал с душкой Владой, да только она улетела в Вену. Нам поручено искать новый сюжет. Таковую же развлекуху. Если сразу не найду, делать «По следам наших передач».

– Они там что...? – и Селифан покрутил пальцем у виска. – А ты тоже собираешься линять отсюда?

– Мне некуда деваться, останусь пока... Напрасно ты девушку обидел, дружище.

Селифан кивнул согласно, про себя отметив только, что госпожа Икс, конечно же, выглядит чудесно, на «ять», но называть её «девушкой» – явный перебор. Тут же ему пробило, что Жора говорил о Лине, и чуть было не вспыхнул: это кто кого ещё обидел? Предложил примирительно:

– Дать тебе ключи от квартиры на Харьковском массиве? Если теперь Маргарита меня выставит, проживём там вдвоём.

– Спасибо на добром слове, но и сам не поеду, и тебе не советую туда возвращаться. Вспомни, что в Белграде натовцы первым делом разбомбили? То-то же, мосты. Не хотел бы я очутиться на мосту через Днепр, когда в него попадает «Томагавк».

– А что там наши большие начальники говорят о ночном налёте?

– Вон она, твоя фря надутая, уже под дверью. Ждёт тебя, а ко мне спиной повернулась... Что говорят – а ты будто и сам не догадываешься, чего они говорят? Наш президент – далеко не Черчилль, этот мужик не умнее тебя или меня. Подумай, что ты сказал бы на его месте – и не сильно ошибёшься. Связь – по мобильнику, меня можно будет искать здесь, а где тебя теперь – не знаю даже.

– И я не знаю, Жора. Лада отчалила в Житомир, забрала тачку, даже ноутбук, представляешь? Хотела, чтобы я подписал дарственные и на полхаты, и на полтачки.

– О! Не знаю, стоит ли завидовать тебе, но ты уж точно живёшь полной жизнью. Пока, дружище.

– Пока... Эй, а откуда ты вытаскиваешь информацию?

– Пока ещё работает Инет, да и по ТВ почти по всем каналам прошли «Новости»... А на крайний случай достал старый транзистор. Батареек не случилось, так я проводками подключил к зарядке. Ну, бывай. До свидания, Маргарита Львовна. На меня-то вы напрасно сердитесь.

Глава 32. СЕЛИФАН: объяснение с Маргаритой; звонок Максима Лукича; неприятная новость от Жоры

Сердце у Селифана ну просто разрывалось, когда созерцал он в полутьме парадного склонённую головку госпожи Икс с немудрёным узлом волос на затылке и её такую длинную и девичью с виду шейку, жалостно сейчас белевшую. Вот только ещё больше себя жалел он тогда. Ведь как-то не случилось у него времени сесть спокойно и разобраться, отчего это он так безоглядно, напроочь позабыв о мужском самоуважении, привязался, поистине прилип, словно репей, к этой женщине, способной в одно мгновение так безжалостно отшвырнуть человека от себя. Кое-что Селифан сообразил, когда осознал, что нынешние его горькие чувства очень похожи на пережитые им уже однажды в раннем детстве. Тот случай оставил после себя самое тяжёлое, наиболее гнетущее воспоминание его детсадовской поры. Недаром же пытался забыть о нём – и забыл бы, если бы время от времени не напоминала мама. Как-то в воскресенье она, рассердившись на Аркашу за непослушание и капризы, отвела его за два квартала от дома и оставила под чужим забором, будто навсегда, а сама, как он впоследствии догадался, спряталась за углом. Но тогда он хоть в том провинился, что предпочёл родной маме миленькую Валентину Иванову, а сейчас... Ну, в самом деле, за что его теперь наказывать?

Селифан вздохнул. Что ж, чувства чувствами, однако дело, а точнее совместная, на двоих безопасность

прежде всего. А ведь это мысль – прикрыть евро сверху чем-нибудь безобидным...

– Дала бы ты мне сейчас свою кофту. Не замёрзнешь?

Она сорвала с бедер кофту и сунула её за спину, не глядя.

– Неужели ты теперь и видеть меня не хочешь? – осведомился он, расстегивая сумку и укладывая кофту на евро, под молнию. Видно, увлёкся чересчур своей задумкой, а оттого уж очень безразлично спросил – потому что она мгновенно обернулась и всмотрелась в него заинтересованно.

– Почему же? И поговорить с тобой даже очень не прочь, милый. Вот только решила прежде подумать, чтобы не нагромоздить лишних глупостей.

– Я бы предпочёл, – ответил он теперь уже даже и проникновенно, – чтобы мы принялись выяснять отношения не раньше, чем окажемся в безопасном месте. Да и есть ли что выяснять нам? Глупые слова глупой девицы...

– Она проститутка? Ты посещал её салон?

У Селифана челюсть отвисла, и она первая рассмеялась.

Он повесил баул на плечо и хмыкнул недовольно: с двумя наплечными сумками, большой и маленькой, наверняка похож теперь на мешочника. Попросил:

– Не возьмешь ли теперь мою бизнес-сумку? Там теперь только блокнот, ручки, невесомый диктофон и переговорник от Максима Лукича. А кстати – надо бы ему теперь позвонить...

– От Максима, говоришь? – всплеснула она руками. – И эти деньги в сумке, о которых ты так беспокоился, они что, тоже Максимовы?

В глубине души даже порадовавшись возможности не выходить прямо сейчас на улицу, рассказал он всю

историю о «бункере» на Сырце. А в заключение спросил, куда подевала она свой переговорник, ведь не мог Максим Лукич ей не всучить.

– Да никуда я его не подевала, лежит в моём... Как это называется, большой сундук на ножках, с множеством ящичков?

– Шкаф, этот... комод?

– Вот-вот, в комодё... Есть там у меня такой ящик, для ненужных электроприборов. Меня ещё мой первый муж, Герман, убедил, что их, равно как и электронику, нельзя выбрасывать, потому что в них остаётся душа. Я тогда внимала, разинув рот, всему, чего бы не изрёк мой домашний гуру, и, дело ясное, послушалась. Уже на этой квартире, когда ковырял тут у меня стенку электрик из ЖЭК, показала ему свои сокровища, а он и говорит: дело хорошее, всегда можно будет отрезать шнур со штепселем.

– Да уж... Если жить постоянно на одном месте, накапливается всякий хлам, а выбросить жалко. Это совсем не то, что кочевать по городу с чемоданами и рюкзаком, – согласился он – и вдруг вскинулся. – А не заваялся ли у тебя там какой транзистор? Ну, помнишь, было время, когда их носили с собою, маленькие такие радиоприёмнички?

– Чтобы на пляже музыку слушать? Был у меня, конечно, но не помню, куда делся. Тогда я уже разбогателя немного и вполне была способна, включив и услышав только треск, выбросить в ближайшую урну. А вот дешёвый и, как выяснилось, китайский приёмник, а разом проигрыватель для кассет, тот точно в том ящичке валяется. Как только плеер сдох, я его и засунула с глаз долой. Купила, помню, в переходе, за копейки, думала, что сэкономила кучу денег...

– Теперь эта твоя прихоть может нас выручить... При условии, конечно, что ты и всяческие выпрямители не выбрасывала.

– Эти черные квадратики со шнуром? Да что ты, милый, это же святое. Герман говорил, что в них конденсируется небесная энергия. Господи, какой же я была тогда дурой! Да что ж я такое несу? Какой дурой я уродилась!

– Ты должна мне когда-нибудь рассказать о своём первом замужестве. Это раз. И знаешь что? Нам обязательно нужно будет ещё раз зайти на твою квартиру, чтобы забрать приёмник – не этот китайский, так другой. Это два.

Она сверкнула на него глазами, но промолчала, потупив очи долу. Жестом потребовала большую сумку и, поставив её под обшарпанной стеной, уселась. С чувством унылой безысходности догадался Селифан, что всё это время после несчастного трёпа Лины его несравненная подруга, которой сейчас больше двадцати восьми никак не дашь, только и ожидала повода, чтобы устроить ему головомойку. Вот она только что назвала себя дурочкой, однако настоящий дурак из них двоих именно он. Как смел он потешаться над Руслановым, идеализировавшим госпожу Икс, с трепетом душевным разглядывая её на сцене в бинокль, если сам пошёл по той же дорожке, напротив, узнавая её только вблизи? Они ведь так были близки, что ближе не придумаешь... И неужели...

Она подняла голову, гордо откинула её назад. И вдруг усмешка тронула её красиво изогнутые губы:

– Насчет твоего «Это раз». Я бы не хотела рассказывать тебе о своём первом замужестве. Ты оказался очень уж ревнивым, притом реагируешь на сущие пустяки. А впрочем... Почему бы и не рассказать о Германе? Глядишь, и мне самой оказалось бы полезно. Только не сей-

час, когда мы застряли здесь, в этом каменном шкафу, и оба боимся выйти на улицу.

– Ну, конечно же, я боюсь, – ухмыльнулся Селифан радостно, во весь свой рот. – Только за тебя больше.

– А я за тебя. Ты сейчас перестанешь улыбаться, потому что я начну тебя ругать. Ты только что предложил заехать ко мне домой за каким-то паршивым транзистором. Неужели ты рассчитывал, что я вот так, выйдя с тобой на прогулку, отправлюсь неизвестно куда в таком пролетарском виде – и даже без денег и документов? Я уж не говорю о косметике и обо всём необходимом для станка.

Вдохнул Селифан полной грудью, потом выдохнул. А тогда пояснил терпеливо:

– Да, мы шли сюда за деньгами твоего приятеля Максима Лукича. Я не сказал тебе, куда и зачем идём, потому что крепко опасался, что деньги потерялись. А я не собирался навешивать на тебя ещё и свои проблемы – и не надейся, что когда-нибудь стану этим заниматься!

Она зааплодировала. Он склонил голову и, поощрённый, продолжил:

– А сейчас, когда деньги у нас, я могу, наконец, связаться с твоим приятелем по переговорнику. Попрошу его подъехать сюда, чтобы их забрать. Но если Максим Лукич, который в обстановке сечёт куда лучше Жоры, предложит нам немедленно укрыться в «бункере» на Малой Окружной, я стану умолять тебя послушаться его. Да чёрт с нею, с твоей косметикой! Жизнь, знаешь ли, дороже.

– А теперь ты меня послушай. Вот именно сейчас, перед тем, как позвонишь Максиму. Мне, милый, эта его затея с «бункером» сразу же не понравилась. Тебе моё нежелание может показаться мелочным, бабским, но всё равно послушай. Для кого, по-твоему, устроил

это убежище наш банкир? Правильно, для себя самого. Тогда поразмысли, для чего там нужны ему мы трое, а теперь и ты?

– Речь шла ещё о жёнах, моя бесценная, а детей ни у кого в Киеве нет.

– Ну ладно, о жёнах... С жёнами, говоришь? Тоже ведь смех. Ладно, об этом после. Ты ещё не успел об этом задуматься, а я вот размышляла. И пришла к выводу, что мы нужны его финансовой светлости для евойного развлечения. Тебе не приходилось слышать, как Сталин развлекался? У него на вечеринках Хрущёв обязан был танцевать гопак, Будённый, тот играл на гармонике «Барыню», а Жданов бывал уморительно смешон, когда напьётся. Вот и мы для этого понадобились. Уверена, что Максим припрятал там запись «Карнавала зверей» Сен-Санса, чтобы я на грязном полу изобразила ему «Умиряющего лебедя». Владик, тот должен будет развлекать хозяина своей учёной болтовнёй, а Алексей – дурацкой философией. Хотя с Алексеем у него может выйти промашка...

– А вот мне кажется, родная, что ты преувеличиваешь... И зачем тогда ему нужен в «бункере» я?

– Молодой и сильный мужик всегда пригодится в стариковской компании. И напрасно ты думаешь, что не попал в его развлекательную команду. Ну, хотя бы как профессиональный шоумен. И, ты только не обижайся... Максим в полном восторге от твоих рассказов о провинциальном детстве и явно надеется, что в «бункере» ты продолжишь сериал... И вообще, от богатых следует держаться подальше, и мне даже странно, что ты, в общем и целом очень даже умный мальчик, до сих пор этого не понял!

– А что там насчёт Истомина? – подкинул вопросик подвальный шоумен и сказочник – заинтересовавшийся, однако постепенно начинавший уже обижаться.

– Алекса? Да ведь Максиму известно, что Алекс напивается каждый день, за исключением наших четвергов. В «бункере», насколько я его знаю, он и не подумает отказаться от своей привычки. Отсюда проистекают две возможности. Либо Максим позволит ему бухать, и мы будем прятаться от Алекса по углам, либо спрячет от него спиртное, а тогда он уж точно поставит всех нас на голову. Бедная Аня! Как я ей всегда сочувствую!

– Да уж...

– А теперь о бабском, о чепухе с твоей, мужской точки зрения. Была у меня одна богатая знакомая, всё навязывалась в приятельницы, так вот она жаловалась, что когда муж построил большой дом под Киевом, там вместе с ними поселился шофер, он же телохранитель, типа как вот Лёня у Максима. Дело было летом, и она особенно остро ощутила неудобства, когда в доме завёлся чужой мужик. Удобно и по минимуму – ну, в купальник там, или в топ и шортики – уже не одеться, не то, что при одном муже. С самого утра изволь краситься, готовить на троих и словно для гостей, за столом следить за своей речью – да и мало ли ещё чего!

– Ты будто никогда не жила в гостинице! – удивился Селифан.

– В гостинице прислуга без твоего разрешения в номер не войдет, милый.

– Там достаточно комнат, а наши правила поведения вы, дамы, сумеете нам продиктовать.

– Ладно. Ты в том подвале, насколько мне известно, побывал. И как, понравилось тебе там?

– Это ведь для того только, чтобы отсидеться. И, помнится, Максим Лукич обещал, если успеет, перевезти картины. Чтобы стало повеселее.

– Картины! – хохотнула она. – Прикупленные Максимом картины! Да ты на них и смотреть не сможешь без отвращения. Это же чёрный юмор, вот только не смешной, изуверский! Твой благодетель и кино смотрит исключительно в этом ключе – только фильмы ужасов!

– Вот ещё... Максим Лукич говорил о своей грандиозной коллекции видеокассет, а вовсе не фильмов ужасов.

– Ага! От «Носферату» до «Молодого Франкенштейна» Мэла Брукса.

– Это который идиотов играет?

– Да кого бы не играл Мэл Брукс, твой Максим Лукич ловит кайф только тогда, когда наблюдает страдания других. Ну хоть сам припомни: когда он приходил в доброе настроение и даже начинал петь – разве не после того, как ты рассказывал ему о своих детских, то есть вовсе не детских, злоключениях?

Крякнул тут Селифан. Решив, однако, что ещё подумает об этом позже, потянулся к своей бизнес-сумке, а из неё рванулись ему навстречу короткие, мощные, силоватые будто гудки. Видно, Максим Лукич специально подбирал сигнал, который не спутаешь со звонком мобильного.

– Алло!

– Селифан, рад, что вы отозвались! Марго упорно молчит, вот беда...

– Она со мной, Максим Лукич. Оставила трубу дома.

– Марго в своем репертуаре... Общий сбор, Селифан! В известном вам месте.

– Максим Лукич! Я выполнил ваше поручение, получил половину...

– Уже не актуально. Сегодня с утра оба гражданских аэропорта закрыты. Принуждение к патриотизму, ха-ха. Дела наши хуже некуда, пора заползть в нору. Вы где?

– На Владимирской, ниже дома Морозова, рядом с бывшей студенческой столовкой – помните?

– Оставайтесь на линии, я должен посоветоваться с Лёней.

Щёлкнуло, в переговорнике тихонько завывла вьюга, а Селифан поманил к себе госпожу Икс, чтобы прижалась ухом с другой стороны. Она ещё и его самого обняла и к нему прижалась, да так, что на мгновение забыл, на каком он свете. Громко щёлкнуло.

– Селифан, где вы там?!

– Слушаю вас.

– Лёня отказался возвращаться за вами. Говорит, что на месте сам объяснит вам, почему. Господи, мне ещё только ваших с Лёней объяснений не доставало! Значит, вызывайте такси. Фирма должна быть проверенная, и поторгуйтесь, чтобы не попасть на бандитскую подставу. Мы сейчас проскакиваем мимо Лукьяновского кладбища... Да что за чёрт! Тормози! Уходи, кому...

Щелчок погромче прежних. И тишина. Селифан и Маргарита переглянулись. Она закусила губу, а он метнулся наружу, к домофону.

На этот раз Жора явился при полном параде и первым делом спросил:

– Одного не пойму, как вы ухитрились так быстро вернуться?

– Долго объяснять! – прикрикнул Селифан. – Мы сейчас вызываем такси и едем на эту, как её... Дорогожицкую. В район морга, примерно. Ты должен это место знать, Жора... Банкир Вячеслов в беде. Конечно же, хочется надеяться на лучшее, но в лучшем случае там ДТП.

– Не нужно такси, – глядя в сторону, проговорил Жора. – Сейчас Славик привезет Вована с камерой. Мы как раз собрались ехать по адресу двоюродной псевдосестры выжимать признание, равно как и слезливую исповедь про её молодую жутьническую жизнь.

– А меня, значит, уже списали?!

– Да ты совсем задурил мне голову своей сумкой! – возмутился Жора неискренне, да ещё повёл глазами в сторону госпожи Икс. – Я обо всём на свете позабыл.

Им так и не удалось завязать общий разговор, пока за дверь парадного, на тротуаре явно, не взвизгнули тормоза.

**Глава 33. СЕЛИФАН: что ещё, кроме зелёного
Змея, летает в небе над Киевом; спор о патриотизме;
печальная весть, и ещё о том, какие прохожие
появились на киевских улицах**

Студийный пикапчик украсился корявой надписью «Пресса», намазюканной на борту белым аэрозолем, а выбравшийся наружу Славик – замызганной телогрейкой, ватными же штанами и кирзовыми сапогами. На голове заслуженный артист имел солдатскую шапку-ушанку с советской ещё звёздочкой, а на поясе подвешенной – сапёрную лопатку.

– А-а-а! Выходит, мой дебют срывается. Или, как сказал бы наш великий киевский писатель Александр Иванович Куприн, мой последний дебют, – протянул не без сожаления. – Однако всё равно рад видеть тебя живым и здоровым, Селифан... Мадам, моё почтение!

– Меня вообще-то Маргаритой зовут, – легонько склонила головку мадам, в то время как Селифан сверлил злобным взглядом режиссёра. – Почему вы так приоделись, и не могли бы мы поехать быстрее?

– А где Вован? – спросил Жора и кивнул удовлетворённо, когда услышал, что Вован кемарит в салоне, тогда как Славику в дороге асфальт буквально поджаривал пятки. – Ты, Селифан, небрит, но это простительно, когда волосы в порядке и при чистой рубахе. Походному эдак.

– А моё одеяние, – добавил хиппарь, любовно расчёсывая пятернёй седую бороду, – лучшая защита от

мелких осколков. Лопаткой же в таких случаях принято прикрывать лицо.

– Да вы посмотрите же! – простонал тут Жора и в своей простонародной манере простёр перст к небу.

Селифан задрал голову: мирную синеву неспешно пересекала белая узенькая, постепенно расширяющаяся и мелко кудрявящаяся полоска. Как всегда, если прищуриться, можно было увидеть, что впереди её ползёт самолётник, а какой именно, как всегда, нельзя было разглядеть.

– Истребитель ПВО, – счёл он нужным блеснуть эрудицией. – Защитник наш.

– Не-е-а, натовский, – поправил Жора скучно. – Президент вчера сказал, что не считает законным закрытие неба над страной, но запретил вылеты авиации ПВО, чтобы предотвратить новые смерти лётчиков и не давать повода для провокаций.

– А ведь перед парком две «Шилки», – припомнил Селифан. – Почему же они не стреляют?

Жора опять оказался самым информированным:

– Им не добить так высоко. Тут нужен «Куб». Уписаться можно – снаряд «Шилки» на максимальное расстояние летит целых шесть секунд!

Растолкали Вована, чтобы снял натовский след на всякий случай. Потом уселись, наконец, в машину. Внутри резко запахло потом. Любопытно, кто это из мужчин настолько испугался? Славик всех успокаивал, раз за разом напоминая, что и на крыше намалевал «The Pressa», на что Жора попросил его лучше включить радио. Пошарил Жора по эфиру, и раздался радостный голос диктора:

– ...будет снята, как только силовики закончат на месте палаточного лагеря свою работу. В настоящее время милиция обыскивает палатки и учитывает ущерб, на-

несенный покрытию Крещатика и площади Независимости, а СБУ проводит селекцию находившихся в палаточном лагере оппозиционеров. Все, не совершившие уголовных или административных преступлений, будут отпущены. Повторяем правительственное сообщение. Блокада Крещатика будет снята...

– Наш ответ Чемберлену! – хохотнул хиппарь.

– Чего-чего?

Вместо того, чтобы объяснить Вовану, Славик предпочёл ответить вопросом на вопрос:

– Ты у нас самый молодой, похоже. Скажи, а чувствуешь ли ты, что в тебе «ярость благородная вздыхает, как волна»?

– «Вздыхает», нет, «вскипает» – вот как! – поправил Жора. – Ну, ты, Славик, и комик!

Вован зачем-то сначала осмотрел свою камеру, а потом ответил с едва ли уместной серьёзностью:

– Что оно там в песне делается с волной, это однофуй... Ой, извините, Маргарита Львовна. Но вопрос я понял. Мой военкомат в Харцизске, и пусть они сначала меня поймают. А добровольцем не пойду, хлопцы. Чего она для меня такого хорошего сделала, эта власть, чтобы мне за неё...? Пусть я не такой умный, каким хотела меня видеть моя мама, но и не полный же дурак.

– Да нас и не станет никто призывать, – ухмыльнулся Жора. – Ведь давно ликвидированы кадрированные дивизии, те, где одни офицеры и оружейные склады, да ещё рота солдат-срочников, чтобы было кому в карауле у складов стоять. Откуда, как вы думаете, бралось вооружение, которым двадцать лет торговали из-под полы по всему миру?

– А ведь точно, – согласился Славик.

– Ведь и ситуация не та, – продолжил Жора. – Если страна уже оккупирована духовно и экономически, не поздно ли оборонять ее войсками?

– Вы знаете, ребята, – выговорил Славик, и тоже чересчур уж серьёзно. – А я последние дни чувствую себя легче и спокойней. Вот именно потому, что больше никому ничего не должен.

Селифан не принял участия в этом разговоре. Он полагал, что ему есть кого защищать в этой стране, но попытаться защитить Маргариту он мог, только не отходя от неё ни на шаг. Держал ручку госпожи Х и молча гладил. Жизнь научила его принимать во внимание самый худший из возможных вариантов, и он вовсе не надеялся увидеть Максима Лукича и Лёню живыми. Поэтому, зажав злополучную сумку между ног, принялся сочинять текст, чтобы сказать перед камерой экспромтом.

Увы, чуда не случилось. На Дорогожицкой догорал, выпуская, среди сплошь чёрных, и клубы белого дыма, тот самый «мерседес», уже почти неузнаваемый. Был он будто переломан или выгнут посередине. На тротуаре под кладбищенской стеной стояла милицейская иномарка. Славик лихо притормозил у обочины, а Жора выскочил из салона, безошибочно определил главного мента и бросился к нему, размахивая удостоверением.

Вован уже снимал прямо через переднее стекло – а вдруг Жора не получит разрешения? Селифан прошептал Маргарите на ухо, чтобы постаралась не попадать в кадр, и выбрался наружу. Наскоро заглянул в зеркало заднего вида – и встретился взглядом с небритым мужиком, не только повзрослевшим, но и – вот ведь штука! – он выглядит теперь значительнее, что ли...

От милицейской машины уже бежал Жора, показывая, что можно снимать. Селифан показал оператору на пожилого коренастого мента, пшикавшего на «мерс»

остатками пены из огнетушителя, в свою очередь достал удостоверение, подошёл и произнес погромче:

– Канал «Европа»! Представьтесь, пожалуйста! Если не секрет...

– Старший сержант Омельченко. Какой уж там секрет...

– Не удалось вытащить кого-нибудь живым? Я не вижу тут «Скорой»...

– Какое там! А «Скорая» ещё и не бывала... Эй, парень! Выруби камеру, и я скажу вам, что тут стряслось.

Вован перевел объектив на останки «мерса», а Селифан придвинулся к менту поближе, чтобы микрофоном на лацкане пиджака записалось чётче.

– Мы, патруль, проезжали мимо... Следователь прокуратуры тоже ещё не бывал. Да и не нужен тут следователь, мужики... Видите верёвку? И такая же полуобгорелая с той стороны. Блин, да им же подтянули с двух сторон под днище противотанковую мину, вот что тут было, мужики... Живых не могло остаться, у них...

– Там их двое было – хозяин, банкир Вячеслов, и водитель, по фамилии не знаю.

– Тогда совет мой вам, ребята. Бесплатный. Если не случайно, как вижу, здесь оказались. Снимайте, что замыслили, быстрее – и линяйте, пока бригада из следовательского отдела не появилась. Оно вам надо – в таком деле завязнуть? А у жмуриков, внутри там, все кости выбило наружу, когда под днищем рвануло.

– Спасибо, отец, за совет, – это уже Жора. – А ты давай, дружище, расположись на фоне и скажи пару слов. А не бабахнет, отец?

– Вроде нечему уже там, бензин весь выгорел.

Он понадеялся, что не выглядит слишком испуганным. Впрочем, Жора такое заметил бы и не преминул бы прореагировать. А скорбь и растерянность, они к месту.

Набрал в лёгкие воздуху, а тут и Вован щёлкнул пальцами в третий раз. Заговорил, спиною ощущая жар, а на смрад стараясь не обращать внимания. Особенно концовка его беспокоила, но вот и она звучит:

– Рассказывали мне, что в Смутное время москвичи раскупали оружие и разыскивали своих врагов. Здесь, у нечаянного железного гроба героя нашей передачи, известного математика и банкира Максима Лукича Вячеслова, я хотел бы посоветовать нашим зрителям: «Дорогие киевляне! Ищите и вы своих врагов, потому что настало для этого время. Найдите своих врагов, чтобы помириться с ними, чтобы вместе померяться силами с нависшей над всеми нами общей бедой».

– Снято!

Мент Омельченко, стоявший за плечами Жоры, показал большой палец.

– Никаких шансов, да? Максим погиб, да? – это Маргарита, открывая перед ним дверцу. – Я видела, как ты говорил на камеру. Небось, очень красиво говорил? Да?

– У меня такая работа, – пожал Селифан плечами. – Я свою работу исполняю, а ты свою. Максиму Лукичу и Лёне нечем теперь не поможешь, а нам лучше отсюда исчезнуть. До «бункера» уже недалеко, дойдём и пешком.

– Ты даже и не подумал у меня отпроситься! – Жора произнёс это, будто подзуживая себя. – Ну, ладно уже, доснимаем и без тебя. Теперь разве что дом, где жил банкир, снаружи. В офис едва ли пустят. Везде такой бардак!

– Подкинуть вас? – любезно осведомился Славик, расчёсывая бороду.

Селифан сторяча отказался, однако тут же побоялся вести Маргариту через подземный переход станции метро, и Славик, нарушая все правила движения, пе-

ревёз их на противоположную сторону Малой Окружной. Госпожа Икс ловко перебралась через ограждение и подала руку помощи своему кавалеру, а он смотрел вслед неказистому пикапу, пока не исчез тот за поворотом: такие пошли дела, что неизвестно, увидит ли ребят опять.

Он взял с места, так широко и быстро шагая, что ей пришлось поспевать за ним вприпрыжку, на что не преминула пожаловаться. Добавила:

– Я по дороге заметила, что на улицах появились машины. Знаешь, старые – «лады», «жигули». Видела даже «запорожец».

– Вот только не знаю, хорошо ли это.

– А вон свежие объявления на стене... Максима жаль безумно, и я ещё не совсем врубилась. Но жизнь, она продолжается, милый!

– Ладно, давай остановимся и прочитаем. А ты заодно отдышишься...

– Я?! Мне вовсе не требуется... как это? Просто ты слишком широко шагаешь... Эти вот старые, только бумага слишком хороша, не пожелтела. «Концептуализм и классика!». Были же такие безмятежные времена... Или вот: «Детский отдых. Консультация педофила».

– Что?!

– А? Прости, «...педагога». А вот действительно новое объявление: «Бронированные ставни на заказ с вытравленным по стали рисунком. Большой выбор сюжетов и орнаментов!» Смотри, а вот и люди на улицы повыходили. А ты говорил...

Он хотел было оспорить свежесть последнего объявления, но отвлекся, присматриваясь к прохожим на противоположной стороне улицы. Все они, мужчины и женщины, двигались в одном направлении, навстречу. Кто с узлом, кто с набитым полиэтиленовым пакетом,

большинство с пустыми руками, эти иногда размахивали ими, другие горбились, сложив руки за спиной. Некоторые в одинаковых голубых плащах. Господи, да это же больничные халаты!

– Родная моя, не бойся! Всё путем. Вот только из Павловки выпустили больных. Идут на станцию метро, чтобы разъехаться по домам, – пробормотал.

– Павловская больница – это же психушка? Бр-р-р...

– Нам уже недалеко. Меньше квартала осталось... А ведь перед входом машина стоит! Если это менты, проходим мимо – договорились?

При ближайшем рассмотрении машина оказалась бледно-голубой «ладой» с вручную намалёванными на бортах шашечками, и стояла она не прямо перед входом в «бункер», а на выезде к проезжей части. Как только Селифан достал ключ и склонился над замком, дверца лязгнула, и наружу выбралась растрёпанная пожилая дама с баулом. «Лада» тотчас же рыкнула движком и умчалась.

– Боже мой, Анечка! – воскликнула Маргарита Львовна.

Селифан не обернулся. Он уже справился с замком и тянул дверь на себя, когда пришлось отпрыгнуть – из темноты подвала выступила валькирия в камуфляже и занесла над головой облитый кровью топор.

– Что за чёрт? Да ведь... Леночка, неужели это вы?

Она прищурилась, присмотрелась, опустила красный пожарный топор и медленно, бледно улыбнулась. По-прежнему Селифан смотрел на неё сверху вниз, но теперь сумел разглядеть лучше. Камуфляжной оказалась только куртка, ещё на ней были, кажется, джинсы и тёмные кроссовки.

– Извините, Аркадий Олегович, не узнала вас. Небри-того и с короткой причёской. А тут нервы уже на преде-

ле. Мы приехали первыми, никого нет... И, вы представляете, Максим Лукич не отзывается ни по мобильной, ни по спецсвязи...

– Почему же не впустили Анну Владимировну, супругу профессора Истомина?

– Откуда мне было известно, кто она, эта истеричная баба? Кричит, плачет, а за её спиной идиот-таксист про своё бубнит... Я в личную жизнь Максима Лукича не посвящена. А если бы нос свой сунула, получила бы по носу. Об Истомине слыхала, конечно... Ах, что же это я, заходите.

Но Селифан прежде позвал женщин, и только когда они, обнявшись и обе зарёванные, вступили на порог, сам спустился в подвал. Глаза почти сразу привыкли к полутьме – и тотчас же напоролась на орущего в нестерпимой муке старика, подвешенного на патриархальной дыбе. Понял, что Максим Лукич успел-таки перевезти сюда свои картины, и вздохнул.

– Я не позволял Ленке брать топор! Слышите, я не виноват!

Присмотрелся Селифан – а это на железной скамейке сидит, ноги подбрав, мужичок с ноготок, зато с длинными волосами и в бородёнке. Приснился ему, что ли?

– Так вы, Леночка, привели старшего брата? – удивился.

– Если бы! Это мой жених Эдик, фактически гражданский муж. Теперь вы понимаете, Аркадий, какой неприятный разговор предстоит мне с Максимом Лукичем?

– Угу... Вы лучше присядьте, Леночка. И вы, Анна Владимировна, тоже. Мы с Маргаритой Львовной принесли скорбную весть...

– Кто вам успел сообщить, что Алексея Петровича уже нет с нами? – перебила его Анна Владимировна. –

Случилось нечто невообразимое. Я и подумать не могла, что мне доведется пережить такое...

– Аня! Постарайся сначала успокоиться. Нет ли у кого с собою валерьянки?

Когда Анна Владимировна пришла в себя, она рассказала, что беда случилась возле самой их квартиры, когда она уже вышла со своим баулом, таксист вынес чемодан Алексея Петровича, а сам он, налегке, только с борсеткой на плече, запирает двери. Трое выпивших парней спускались по лестнице, остановились на площадке и принялись высмеивать бронзовую табличку со званием Алексея Петровича на дверях. Тот рассвирепел и принялся брызгать слюной, в ответ один из парней его толкнул. Алексей Петрович упал и скончался от сердечного приступа на грязном плиточном полу под дверями собственной квартиры. Парни не растерялись, сорвали с Алексея Петровича борсетку, у таксиста вырвали чемодан и убежали, гогоча, лестницей. Слава Богу, таксист ещё попался не без совести: взяв деньги вперёд, он только огрызался на упрёки Анны Владимировны в трусости. Помог затащить тело Истомина внутрь и уложить на диван, довез до места и здесь согласился подождать, пока Анне Владимировне удастся попасть в подвал. Тут прибежали Риточка с Аркадием, они так выручили, так выручили!

– Так уж и прибежали... – протянул Селифан. – Я правильно понял, что хулиганы забрали и переговорник, и ключ от подвала, ещё деньги, мобилку там? Этому горю можно помочь. А вот Алексея Петровича не вернешь. И хозяина нашего убежища, Максима Лукича, тоже. Враги подорвали его сегодня в машине вместе с водителем Лёней по пути сюда. Увы, ошибки быть не может.

Леночка уронила топор и не то уселась, не то свалилась на пол. Селифан ткнулся было успокаивать её, од-

нако наткнулся на такой яростный взгляд госпожи Икс, по-прежнему обнимающей за плечи Анну Владимировну, что остался на месте.

И тут невдалеке, а с испугу показалось ему, что и во все близко, раздались уже знакомые свист и шипение, взрыв, новое шипение и новый взрыв. Почти тотчас же глухой удар заставил подвал несколько раз вздрогнуть. Та самая, со сценой пытки на дыбе, картина рухнула с грохотом, с потолка посыпалась пыль.

– Нас засыпало, засыпало! – завизжала Леночка, а Маргарита оставила старую подругу и спрятала лицо на груди у Селифана.

Глава 34. МАРГАРИТА: погрузка на ковчег в отсутствие Ноя продолжается; новые печальные вести, и о потере Селифаном работы тоже; мелкие дразги и крупные неприятности

– Рвануло не здесь! – крикнул Селифан. – До нас докатилась взрывная волна. Все ли целы?

Хотел ещё что-нибудь произнести успокоительное, однако замолчал – потому что входные двери принялись медленно, со скрипом открываться. Селифан был совершенно уверен, что запирал их изнутри, равно как и в том, что не могли они быть распахнуты взрывом. Следовательно...

Да, в пыльном световом прямоугольнике возникла фигура мужчины. Юноши, собственно, и совершенно незнакомого Селифану. Неужели один из парней, ограбивших мёртвого Истомина? Однако тут же из-за плеча молодого человека выглянул препод Русланов, и в мозгах у Селифана прояснилось.

– Да вы ещё не знаете, что там произошло! – вскричал препод, оттесняя плечом молодого человека и стряхивая с себя пыль. – Две ракеты подсекли телебашню, будто тяпкой бабка на прополке орудовала, словно куст бурьяна на грядках. И она рухнула со страшным грохотом, да ещё и подпрыгнула пару раз. К сожалению, я стоял, рот разинув, и совершенно забыл, что для камеры в моей мобилке не нужно никакого покрытия. Нас едва с ног не сбило... А Симон, так он просто перепугался – правда, Симон? Да что же вы тут, право, в темноте сидите?

Щёлкнул выключатель, в подвале зажглось освещение, с непривычки показавшееся очень ярким, и Селифан смог рассмотреть таинственного Симона. Да, в сравнении с этим томным юнцом едва ли он сможет считать себя привлекательным и хорошо одетым. Это надо же! Тем временем на верхней ступеньке показался новый персонаж, молодой качок в мотоциклетном шлеме и кожаной куртке. Селифан встрепенулся – и, с нотками праведного гнева:

– Владислав Николаевич, а это ещё кто? Ладно, ваш Симон – член вашей семьи, можно сказать, а он кто?

– А вы, Аркадий, об этом его спросите, – вымолвил Русланов горько, на Симона подбородком указывая, – вот этого, как вы изящно выразились, члена моей семьи.

– Это, быть может, мой лучший друг, – заявил Симон, глядя в сторону. – Родя нас с Владиком, то есть с Владиславом Николаевичем, привез сюда на своём «Харлее-Дэвидсоне».

– И колонки эти проклятые у него... Ну, прямо уши опухли, – пожаловался Русланов.

– Ну, вот что, Владислав Николаевич, – Селифан еле сдерживал уже раздражение. – Когда я получил от покойного Максима Лукича поручение касательно вас, его друзей, ни о каких приятелях вашего Симона речь не шла.

– Покойного?! Ай-я-яй...

– Дела серьёзные, Владислав Николаевич... Отправьте восвояси молодого человека, нам надо всё тщательно обсудить.

– Да я и сам тут не останусь! – рявкнул молодой человек. – Нечего нам с Симой киснуть в компании педиков и старых баб! Пошли, Сима!

Славянский (быть может, и православный) Антиной закрыл лицо руками и остался на месте. Байкер Родя

смачно харкнул себе под ноги, носком солдатского берца спихнул со ступенек чемодан на колёсиках и выскок, не захлопнув за собою дверь. Снаружи пыль оседала тихонько, пронизанная полуденными лучами солнца. Вдруг страшный рёв ударил по ушам, не позволяя установить, что за музыку прокручивает решительный Родя. Селифан мягко отстранил от себя Маргариту и снова тщательно запер двери. Спустился на две ступеньки, но и одна оставшаяся возвышала его над прочим народом, словно вождя племени, вступившего перед речью на камень. Эх куда занесло! Откашлялся, собираясь с мыслями.

– Так случилось, что из тех друзей, для которых подготовил Максим Лукич это укрытие, сюда добрались только Владислав Николаевич, Маргарита Львовна и Леночка... То есть Елена Ефимовна.

– Эй, други, признавайтесь, вы куда Алексиса подевали? – спросил Русланов, безуспешно пытаясь стереть с лица радостную улыбку.

– Так умер ведь, умер наш Алексей Петрович, – с понятной обидой отозвалась Анна Владимировна. – А я жена его... вдова теперь, Анна Владимировна Истомина.

– Ну и ну... Очень приятно. Русланов Владислав Николаевич. Ох, извините...

– Я очень рад, что вы, Владислав Николаевич, сумели добраться сюда, – улыбнулся Селифан, которому Русланов действительно был сейчас приятен. Уже тем, что живой и в относительной безопасности. – Елена Ефимовна, личный секретарь покойного, более информирована, но по некоторым причинам я должен взять инициативу на себя. Думаю, надо нам усесться за стол, помянуть ушедших от нас и разобраться в том, что происходит. Вы не

возражаете, Владислав Николаевич? А вы что об этом думаете, Елена Ефимовна?

Русланов только головой покачал, а Леночка выпрямилась на железной скамье, будто аршин проглотила, и разразилась целой речью:

– Более информирована, говорите... Уж лучше бы вовсе ничего не знать. Информация бывает смертельно опасной. Вот вы о каком-то поручении Максима Лукича заикнулись – и совершенно напрасно. Всем остальным вовсе не нужно об этом говорить: ведь чем меньше знаешь, тем меньше из тебя могут выпытать. Вот именно – выпытать, а не выспросить, Аркадий. Мы с вами и без того уже замешаны, поэтому нам как раз даже и необходимо обсудить положение между четырёх глаз. А наших друзей пока попросим распределить комнаты, занести вещи и накрыть стол для поминок. Эдик, ты слышал, что я сказала? Ключи не потерял? Шевелись, дорогой!

Взяла Селифана под руку и повела по коридору, однако вынуждена была остановиться, потому что их догнала Маргарита и ухватила Селифана за свободную руку. Леночка повернула к ней не накрашенное сегодня личико, и в печали показавшееся Селифану ослепительно прекрасным. Или уже просто не способен воспринимать его иным?

– ...совершенно напрасно. В жизни не встречала такого порядочного мужчину, как ваш Аркадий Олегович. И такого, заметьте, неприставучего. И вам, Маргарита Львовна, и в самом деле лучше бы не знать кое-чего, о чём расскажу Аркадию Олеговичу.

– Тоже мне нашла неприставучего, – промолвила Маргарита, даже не улыбнувшись.

– Леночка, так уж сложилось, что Маргарите Львовне известно всё, что стало известно мне. Пусть уж она сама решает...

Вздохнув, Леночка, решительно, по-хозяйски, увлекла их в ближайшую комнату.

– Подходит вам, Маргарита Львовна? Тогда втаскивайте вещи, Аркадий. А мы пока с Маргаритой Львовной...

– Какие ещё вещи, девушка? Я выскочила из дому без зубной щетки... – возмутилась та, и не успела договорить, как воротился Селифан, опустил Жорину сумку на пол и мощным ударом ноги отправил под ближайшую железную кровать. Повернулся к Маргарите и сделал страшные глаза, надеясь, что она поймёт и не станет сразу же рассказывать о евро. Поскольку Леночка уже заняла один из двух металлических стульев, он потянул подругу за собою, садиться на одну из двух кроватей.

Однако удивление на лице Маргариты не осталось незамеченным девушкой. Она потупила глазки и выставила перед собою розовые ладони:

– Обождите, потом уже решите, стоит ли открывать мне свои секреты! А я пока поделюсь с вами тем, что мне стало известно. Случилось так, что я была не только личным секретарём, но и доверенным человеком бедного Максима Лукича...

Селифан поймал себя на том, что держит Маргариту за руку. То-то Леночка в душе посмеивается над ними...

– Финансист не может быть белым, пушистым и невинным, как месячный крольчонок. Сама природа его деятельности такова, что он неизбежно нарушает законы – и государства, часто нелепые и противоречивые, и нравственные, следовать которым тоже не просто...

– Красиво излагаете, – ухмыльнулся Селифан, а Маргарита хлопнула его по руке: не обижай, мол, девушку. Однако девушка и не подумала обижаться.

– Конечно, красиво! Это ведь слова Максима Лукича, которые я постаралась запомнить. Я хоть и блондинка, к тому же натуральная, но вовсе не желаю приписывать себе чужие заслуги. Но ведь он сказал по-настоящему мудро. Представим себе, что банкир соглашается выдать кредит заведомо неплатежеспособному человеку. А ну, скажите мне, хорошо или плохо он поступает?

– О кредитах лучше помолчим! Для меня большая тема...

– И моя квартира ипотечная, – вздохнула госпожа Икс.

– О ваших кредитах, если позволите, я после... А, впрочем, зачем откладывать, если для вас это куда важнее, чем...? В общем, ваша ипотека погашена, госпожа Кочергина.

– Да быть того не может...

– А насчёт Максима Лукича... Никак язык у меня не поворачивается произнести «покойного»... Если коротко, то с полгода тому назад Максим Лукич... В общем, он перешел дорогу могущественной группировке. Больше я о его врагах ничего не скажу. С тех пор банк пытались захватить рейдеры – не сумели, пытались обанкротить – наш гениальный Максим Лукич и тут нашёл выход, хотя Нацбанк играл против него. Однако он прекрасно понимал, что в конечном счёте либо слопают весь банк гамузом, вместе с брендом, либо только активы у него отберут, и решил обезопасить собственные сбережения, да и личной своей безопасностью озаботиться. С последним делом он чуть было не опоздал...

– Собственные сбережения? – поднял брови Селифан.

– Ну, да... Неужели и вы, словно жлобиха-продавщица, думаете, что банкир берёт себе на жизнь прямо из кассы? И я получала, благодаря щедрости Максима Лукича, большую зарплату, тоже ведь откладывала на чёрный день. Впрочем, едва ли вас интересует моё личное финансовое положение. А в прошлом месяце Максим Лукич чуть не погиб. Помните, Аркадий, как я в панике вкатила в его кабинет, когда Максим Лукич нечаянно разбил стакан?

Оказалось, что на банкира было совершено покушение. Пуля пробила стёкла европакета, пролетела в десятке сантиметров от виска Вячеслова и искорежила на стене ксерокопию университетского диплома в рамочке. Ментам так и не удалось установить, откуда стрелял снайпер и почему не попал в цель. Вот тогда-то Максим Лукич и принял меры: купил на средства банка бронированный «мерс», нанял бывшего спецназовца Лёню, устроил этот «бункер» с помощью Леночки, и ей же пришлось взять на себя самую сложную операцию – выводить из-под удара личный капитал банкира. Для этого напялить маску дурочки-блондинки, счастливой снисходительной благосклонностью хозяина.

– А на самом деле, говорите, у вас не было интима с Максимом? – осведомилась госпожа Икс безмятежно.

– Было, не было... Это моё дело, госпожа Кочергина, а ещё, возможно, Эдика. Меня же не кольшет, что некоторые заводят бойфрендов на двадцать лет моложе себя и держатся за ручки, словно тинейджеры.

– А вам не кажется, девушка, что это лучший из возможных... лучшая из возможных реакция на то дерьмо, в котором мы оказались? – как ни в чём не бывало, улыбнулась Маргарита и легонько дёрнула Селифана за палец.

– Нет. Вы будете обжиматься и вздыхать при луне, а кто-то за вас тем временем надрывается? К вашему сведению, Аркадий, счёт на ваше имя, которым вы можете управлять с карточки, открывала я, в конце многоходовой утомительной комбинации, а этот подвал покупал Эдик, при этом, изображая лоха, вынужден был переплатить.

– Очень хорошо. Просто замечательно! Я прямо сейчас отдам вам и карточку, и евро... Те, что удалось снять позапрошлой ночью. Деньги здесь, в сумке, под кроватью, – и он наклонился и ткнул пальцем у себя между ног. – Я из-за них чуть не поседел, право слово.

– Потом решим, что с ними делать. Вы сначала расскажите подробно, по порядку, всё, что вам известно о гибели Максима Лукича.

Отметил Селифан, что Леночка испытала явное облегчение, узнав, что деньги целы, и рассказал о событиях дня. Леночка не перебивала его, но вот личико её мрачнело всё больше. А когда смолк, заявила:

– Ваш Жора не человек, ангел небесный, но вот ехать к Лукьяновскому кладбищу было коллективной ошибкой.

– А если бы Максим был ещё жив, если бы им можно было ещё помочь? – взвилась Маргарита, и Селифан кивнул, её поддерживая.

– Не те это мужики, чтобы во второй раз облажаться... Меня несколько успокаивает, что, когда вы смывались оттуда, на месте был только ментовский патруль. Аркадий, вам надо как-то связаться со своей командой, узнать, как у них дела. Я вам дам свою запасную мобилку.

И она принялась рыться в своей довольно объёмистой, как на фото пятидесятых годов, сумочке, однако так и не достала мобилку. Потому что из недр ридикюля

раздались басовитые сигналы переговорника, и точно такие – из бизнес-сумки Аркадия, по-прежнему висящей на плече его подруги. А тут и двери распахнулись, и возник в них Симон. Он протянул Селифану переговорник Русланова и пролепетал:

– Он ожил, здешний хозяин, ведь так?

Из-за спины его выглядывали Русланов и Эдик, Анна Владимировна с пластмассовым стаканчиком в руке протолкалась вперед. Селифан потянул носом: в комнатушку проник аромат замечательного колумбийского кофе, ну, может быть, чуточку пережаренного...

– Всем молчать! Я сама! – прозвенела Леночка и, закусив губку, надавила на своём переговорнике одна за другой три кнопки.

Стало слышно, как кто-то сопит возле микрофона, потом хихиканье и неожиданно громкий голос: «Аллё! Да будет известно всем, кто нас услышит, что мы оприходовали два боттла финского «Абсолюта». Злому жмурику уже без надобности... – Ну, Эмиль, ты даёшь... – Однако трубы горят, потому как финский продукт... Короче, если кто знает, где можно раздобыть по дешёвке бухла, милости просим, то есть нижайше просим указать! За нами, татарами, не заржавеет. Аллё!».

Набившиеся в комнату молча переглянулись, Русланов уже раскрыл было рот, но Леночка приложила к губам свой тонкий пальчик, указала им на рацию и продолжила вслушиваться. И дождалась. Легко загудело, грубый голос выговорил: «Ребятки, до вашего жмурика мне дела нет, но вот в универсаме у станции «Героев Днепра» разбита витрина, а за ней бутылок с водярой – хоть жопой ешь!» – «Спасибо, друг!» – «Пейте, ребята, на здоровье!». Треск. Всё.

Глава 35. ЛЕНОЧКА: пир во время облавы; мудрость юного Симона; появление за столом живого мертвеца

– Вот ещё заковыка с этими двумя бутылками «Абсолюта»? Что-то знакомое, впрочем... – удивился Селифан.

– Я не уверена... – начала Анна Владимировна и всхлипнула. – Вроде бы голос одного из тех хулиганов. А с «Абсолютом» понятно как раз... Они ведь утащили и борсетку, и чемодан... В сумочке была радиостанция, а где-то в чемодане мой Алексей Петрович припрятал пару бутылок любимого своего «Абсолюта». Не надеялся, стало быть, что Максим Лукич, сам любитель, насколько мне известно, хорошего коньяка, запасётся и водкой на его долю... Как неловко об этом сейчас вспоминать! Сейчас, когда Алексея Петровича и похоронить ещё не удалось...

– Да чёрт с ним, с вашим «Абсолютом», – выдохнула Леночка. – Кто им отозвался и с чьего переговорника – вот это серьёзно! Давайте, господа, посчитаем розданные Максимом Лукичем рации. Вижу вашу, Аркадий, вижу... Так, здесь три. Ещё одна была во взорванном «мерсе».

– Максим Лукич пользовался ею до последней секунды, – покачал головой Селифан. – Никак не мог сохраниться тот переговорник. Исключено.

– Я одного только теперь не досчитываюсь. Вашего, Маргарита Львовна!

– Он остался дома у меня, в комодке. Я же говорила уже, что мы вышли из дому налегке, совершенно не ожидая, что окажемся здесь.

– Выходит, они уже побывали у вас, Маргарита Львовна.

– А кто эти «они», милая? – жалобно спросил Русланов. Услышав ответ, что враги банкира, его убившие, Симон отшатнулся, а Русланов переменялся в лице. – Только этого нам не хватало...

– Давайте разберёмся, – предложил Селифан. – Что-то мне показалось, будто ответ на ёрничанье хулиганов отличался по тональности. Я не сразу, правда, но сообразил нажать на «Рес». Если записалось, предлагаю внимательно прослушать.

Записалось, начиная с «трубы горят, потому как финский продукт», и прослушали. Подумала-подумала секретарша и признала:

– Действительно, совсем другое звучание. И я вспомнила сейчас, что эти рации Максим Лукич покупал сам. Они могли выйти на нашу частоту через фирму – знаете, ещё у неё магазин на спуске к Центральному универмагу.

– Верно, Ленок! Сто пудов! – поддержал её Эдик. – Когда я мыкался совсем без трубы, обожал торчать у ихней витрины, пялиться на рации и прикидывать, как бы прикупить какую-нибудь, контактить с моими стариками. Цены кусались, блин... А тот фраер, он с бухариками базал, он на частоте, маленько сбитой...

– Вы уверены? Есть ещё одно соображение, – встрял Селифан. – Маргарита Львовна сунула свою игрушку в ящик комода, набитый старой электроникой, всяким хламом. А вы посмотрите на мой экземпляр – почти точная копия мобильника середины девяностых. Если тот,

кто заглянул в ящик, не знает, что это новейшая разработка, он и внимания не обратит.

– Тоже мне сказанул – новейшая...

– Эдик! Давай договоримся, что я спрошу тебя, когда мне понадобится. Согласен? Без обид? Вы о чём-то ещё хотели сказать, Аркадий?

– Предлагаю сесть за общий стол в коридоре. Всё равно ведь все собрались, а в комнатке душно. Было предложение выпить и закусить за упокой душ Максима Лукича и Алексея Петровича. Да и всем нам необходимо подкрепиться, а Анне Владимировне первой. Хорошая порция коньяка и добрая чашка горячего кофе, вот с чего надо начать. А там и продолжим обсуждение.

– Спасибо, Аркадий, но я уж и сама, – и Анна Владимировна подняла свой пластиковый стаканчик, – мне уже самой пришлось принять меры. Знаете что, давайте и в самом деле сядем: в ногах, как мой дед говаривал, правды нет.

Гурьбой вывалились они в коридор, дамы под предводительством Анны Владимировны отправились на кухню, и госпожа Икс среди них – но только тогда, когда убедилась, что и секретарша уходит. Мужчины уселись за стол, принялись молча и тоскливо переглядываться, при этом Эдик потирал руки. Напряжение несколько разрядила Леночка, позвавшая Эдика: там-де нужна его мужская помощь.

– Бедняга ещё и горбатенький, – заявил Русланов вполголоса, как только коротышка исчез.

– Везёт же некоторым, – невпопад отозвался Селифан.

– Не иначе, как электрик ЖЭКовский, – прошипел Симон.

– А насчет «мужской помощи», – безмятежно продолжил Русланов, – это напомнило мне, как пришлось од-

нажды возвращаться из Крыма в плацкартном. В купе была часть сдружившейся на курорте компании. Заглянула к нам, помнится, деваха лет тридцати, одетая будто на пляж, и говорит: «Дак ведь нет здесь ни одного мужского члена!» Потом выяснилось, что надо было бутылки с пивом открыть. Я так и не понял, сообразила ли она, что именно сморозила, или намеренно выдала на гора сальность.

– Дорогой Владислав Николаевич, не пейте пока, умоляю вас! – воззвал Селифан, и снова не в тему. – Мы ещё даже не знаем, безопасно ли это укрытие. Лично я не буду пить и Леночку попрошу не пить, пока не разберёмся с этим. И нам никак не обойтись без вашего аналитического дара.

– Не стоит особенно на сей счёт обольщаться, – пробормотал, в стол уставившись, Симон. – Лучше бы никому не пить, а устроить сначала брейнсторминг.

Тут появился Эдик, притащил целую охапку консервных банок, высыпал на стол. Над столом повис аромат хорошего армянского коньяка.

– Бабы там чирикнули в своей компании, ну, и я присоседился, – ответил на невысказанный вопрос и похвастал добытым из кармана универсальным складным ножом.

Остальные промолчали. А тут и дамы возвратились, на столе появилась бутылки, большой кофейник и одноразовая посуда. Кроме коньяка, там стояли и обе бутылки красного сухого, открытые некогда Селифаном. Подумать только, за этим самым столом болтал он с живым и весёлым Максимом Лукичём, и на днях ведь!

Эдик принялся разливать – кому коньяк, кому кофе. Дамы расселись, наконец. Русланов по праву старшего поднялся со стаканчиком кофе.

– Как сказал поэт: «Где стол был яств, там гроб стоит». Когда я только получил приглашение в этот приют для путешественников в прекрасном, не так я представлял нашу первую здесь трапезу. Я думал, что мы соберёмся сюда, сделав вид, что испугались какого-нибудь свиного гриппа или кишечной инфекции. Что мы первым делом выберем председателя – и, конечно же, председательское место предоставим нашему дорогому Максиму...

– А где тут председательское место? – оживился вдруг Симон.

– На нем сидит Аллочка... Ах, простите, Леночка. И вполне заслуженно заняла это место: ведь именно она – самый близкий к покойному нашему другу человек.

– «Самый близкий, самый близкий...» – передразнил Эдик. – Нехрен перегибать палку, отец.

– Не обращайтесь внимания, Владислав Николаевич, – без улыбки отозвалась Леночка. – Продолжайте, пожалуйста.

– Спасибо, – и Русланов с чувством поцеловал у грустной красавицы руку, заработав при этом косой взгляд Симона. – Итак, я представлял себе, как вы уже, несомненно, поняли, ситуацию, подобную описанной Боккаччо в начале «Декамерона». Под мудрым руководством ироничного и остроумного Максима мы поднимали бы бокалы и по очереди развлекали бы собеседников забавными и поучительными рассказами, извлечёнными либо из собственных воспоминаний, либо из редких книг. Вместо этого мы с горестью выполняем печальную обязанность...

Изложив в столь же изящном стиле короткие эпитафии Вячеслову и Истомину и заработав признательные взгляды сотрапезников, которым благодаря его красноречию не пришлось выдавливать из себя нечто подобное, Русланов повернулся к Леночке и заявил:

– Давайте же продолжим теперь то разбирательство, которое вы вместе с Аркадием начали в наше отсутствие. Осмелюсь заметить, что я тоже могу предложить своё содействие как давний любитель детективных романов. Тут Аркадий высказался в том разрезе, что остаётся неизвестным, безопасно ли это укрытие...

– Так оно и есть, – скривила губы красавица и устремила свой тоненький пальчик на вдову Истомина. – И эта вот слезливая вдовица – наше слабое место, блин!

– И я бы ещё выпила. Только теперь – текилы, – громко прошептала госпожа Икс – и, в ответ на удивленный взгляд Селифана. – Для храбрости, милый, для храбрости!

Анна Владимировна, глотая слёзы, поспешно допила свой напиток, а тогда уже, без помех, всласть расплакалась. Маргарита Львовна бросилась её утешать, перевернув при этом стаканчик, по счастью, пустой.

– Боюсь, что так оно и есть, Анна Владимировна, – мягко произнес Селифан. – Ведь если я не ошибаюсь (и дай Бог, чтобы я ошибся), те люди, эти самые «они», сейчас поджидают обидчиков вашего Алексея Петровича возле станции метро «Героев десанта», чтобы взять пьянчуг за шкурку и вытрясти всю известную им информацию. Потом в их руки попадет борсетка Алексея Петровича, а в ней бумажник с документами, ключи (от убежища в том числе), мобилка, переговорник. Заберут чемодан. Обыщут вашу квартиру, наконец. Надо вычислить, смогут ли они в результате узнать о местонахождении убежища.

– В самую точку, Аркадий, – подтвердила Леночка. Неизвестно зачем прищурилась, склонила головку к камуфляжному плечу, и Селифан ощутил, что у неё возникли трудности с формулированием. – И главный вопрос к этому... этому Божьему одуванчику, вот он:

как вы оказались тут, мадам? Уж на что бывал беспечен Максим Лукич, но здесь он не дал маху... Не оплошал, говорю. Никому не давал адрес нашего «бункера», а только привозил сюда... некоторых из нас.

– Да, да, – подхватился Селифан. – Меня привозил и по телефону никогда адреса не называл!

– Что ж, наша юная очаровательница права, – согласился и Русланов. – Мы с вот Маргаритой Львовной и покойным Алексеем Петровичем получили от Максима ключи и радиостанции в конце того самого вечера у Маргарет, когда была съёмка ТВ. И уехали в его «мерсе»: сперва Лёня забросил хозяина, а потом привез нас с Алексисом сюда, показал место и развёз по домам.

– А вы? – ткнула Леночка пальчиком в госпожу Икс, а та, к удивлению Селифана, не обратила на её невежливый жест никакого внимания.

– Что – я, девушка? Нас с Аркадием довели до угла, возле станции «Дорогожицкой», его товарищи-телевизионщики, а там мы дошли пешком...

– Так неужели Максим не показал вам, своей... то есть своей приятельнице, этого подвала? – прищурилась Леночка.

– Я же не говорю, что не показывал, – отвечала госпожа Икс, потупив глазки. – Но, если бы не Аркадий, я б ни в жизнь сюда не попала.

– Аркадий Олегович, да не берите вы дурного в голову! – стукнула Леночка по столу кулачком. – Можно подумать... Да ладно, вам надо выпить чего покрепче! Я бы тоже присоединилась. Наливай, Эдик!

Выпили все, кроме Симона. Селифан выпустил ручку госпожи Икс, пока справлялся с коньяком. Он старался думать только о деле, и даже обрадовался, вспомнив важную деталь.

– Вы ведь на такси приехали, Анна Владимировна... Кто называл таксисту адрес, когда его вызванивали – вы или Алексей Петрович?

– Да отстаньте вы все от меня! Вовсе я вам не слабое место! Всё жду, когда вы меня назовёте старой курицей. Тоже мне нашли старую курицу! – она порылась в сумочке, лежавшей, оказывается, у неё на коленях, достала толстый, разбухший от вложенных бумажек ежедневник на 2007 год, полистала-пошарила и торжествующе показала на какую-то рукописную строчку. – Вот! Адрес вашего ужасного подвала, записанный рукой Алексея Петровича. Он знал эту улицу, а когда водитель банкира проезжал здесь и показал издали ему и господину Русланову подвал, прикинул по соседним домам, какой может быть здесь номер. Он ведь технарь был, и память на числа у него была хорошая. Вот! Здесь же и телефон таксиста, и это я его вызванивала.

– Извините нас, Анна Владимировна, – наклонил голову Русланов. – Однако теперь слабым местом становится таксист. Он ведь был с вами на площадке возле вашей квартиры, а машину оставил внизу. Вот эти молодчики вываливаются из подъезда, и достаточно было одному из них запомнить номер такси, стоявшего тогда во дворе, как все мы тут горим, не хуже шведа под Полтавой.

– Логично, – встряхнула платиновой гривой Леночка, явно начинавшая уже отвлекаться от общего разговора. Селифан, всё ещё старающийся держать свои мысли подальше от коварной госпожи Икс, с горечью констатировал, что, даже вульгарно пьяноватая, девушка продолжает его притягивать. – Но ведь можно проверить, в порядке ли он, таксист. Да и предупредить мужика не хило бы...

Тут вдруг Симон начал толкать речугу – и чётко так выговаривал, будто диктовать собрался:

– Меня несколько удивляет степень тупости и даже дебилизма, проявленного всеми вами во время так называемого расследования, и я даже готов согласиться с мнением о вас моего друга Роди, совершенно несправедливо удалённого отсюда.

– Притормози, мой мальчик, притормози, – попросил Русланов. – И почему же несправедливо?

– Да потому что он имел такие же право на здешнюю жилплощадь, хавку и бухло, как и остальные. Всё здесь украдено у народа, разве не так? И я бы на вашем месте обязательно задумался бы, для чего банкир пригласил сюда каждого из вас... Эй, вы! Послушайте, а не могли бы вы есть с закрытым ртом?

Эдик отвлекся от банки с тушёнкой и внимательно осмотрел Симона. Ответил, продолжая чавкать, однако с полной серьёзностью:

– А зачем? Проще, проще надо быть, красавчик, в такое тяжёлое время.

– Ладно. Эдик, поди доешь в комнату. Но если ты, Симон... – и она снова стукнула кулачком по столу. – Если ты, пидор недоделанный, не выдашь сейчас чего-то действительно умного, тотчас же вылетишь отсюда! И не посмотрю на твоего Владислава Николаевича!

– Симон-лимон, выйди вон! – и Анна Владимировна по-девчоночьи хихикнула.

– Ой-ой, уже испугался! Сначала о таксисте. Те ребята убегали с чужими вещами, были уже пьяные или под кайфом. Смешно подумать, что кто-то из них запомнил номер стоявшего возле подъезда такси, – голову даю на отсечение, такой же старой тачки, как и другие, оставшиеся во дворе после погромов. Ведь там же стояли ещё машины, правда?

– Были нетронутые хулиганами, отечественных марок.

– Вот, и наша старушка-резвушка подтверждает. Следственно, звонок таксисту закрывает этот вопрос. А ему надо посоветовать по-доброму, чтобы пару дней не отзывался на звонки с мобилок. Где номера незнакомые и вот, если номер покойного супруга мадам.

– Я сама всегда вызывала этого таксиста, – и Анна Владимировна снова тихонько заплакала. – Бедный Алексей Петрович жил со мной, как у Бога за пазухой... Я ведь одна у него оставалась после того, как его сын сперва отправил за границу семью, а потом и сам уехал. Нас звал с собою, да только Алексей Петрович не пожелал с места срываться.

Симон одарил её неласковым взглядом:

– Я предложил, бабуля, чтобы таксист два дня пересидел тихо. А почему только два дня? Да вы просто забыли, в какой стране живём. Здесь же всё, что ни делается, делается через задницу. Как я понял, крутые конкуренты заказали хозяина этой хаты, банкира. Кому, спросим себя, заказали? Либо бандитам, либо детективному агентству, либо, частным образом, государственной силовой структуре. Вот исполнители убрали банкира, на всякий случай поинтересовались, не выйдет ли кто в эфир на частоте закупленных им нескольких радиостанций. Зачем убийцам корячиться дольше, зачем гоняться за приятелями заказанного? Тем более, что время тяжёлое, как это верно отметил чавкающий субъект, собственные делишки настало время улаживать. Вот если бы кто-нибудь из вас засветился на месте убийства, тогда ещё, возможно...

– Симончик, ты заработал свой ужин, – кивнула растрепанной головкой Леночка, порылась в своей старушечьей сумочке, пробурчала короткое ругатель-

ство – и вдруг опрокинула её над столом. Все мужчины сунулись вперед, а Селифан ещё и подивился: что же сенсационное рассчитывают они увидеть там, в кучке дамского барахла? Симон только что обронил очень важное замечание, но припомнить никак не удавалось...

– Вот! – Леночка торжественно подняла перед собою маленькую красную мобилку. – Кто не знает, вовсе не засвеченная... Куплена в киоске на станции электрички. Давайте номер, Анна Владимировна.

Через минуту она расхохоталась:

– Мужик уже дома, в селе под Киевом. Говорит, не сунет сюда и носа, пока здешнее дерьмо не закончится.

– А не пел ли, что подсказывали ему? – усомнился Русланов.

– Тогда один из эсбистов очень натурально мекал рядом козой... Ну, теперь ничто не помешает нам помянуть Максима Лукича по-человечески!

– Постойте, девушка, – пискнула вдруг госпожа Икс таким жалобным голоском, что Селифан враз похерил свои на неё обиды. – Ведь мальчик говорил, что мы в безопасности, если не были на месте убийства. А мы вот с Аркадием Олеговичем как раз и были.

Оказалось, что мобилки Жоры, Вована, Славика находятся «вне зоны досягаемости». Занятый диктовкой номеров из списков своего смартфона, Селифан сознательно гнал от себя любые догадки. Однако, когда Леночка набрала телефон дежурного по каналу, сердце у него сжалось.

– Могу ли я связаться по делу с режиссёром Евгением Демьянко? – подсказал.

Она повторила, неуловимо подтянувшись, будто в предбаннике у своего банкира снова сидела, вслушалась в ответ – и тотчас же хмель окончательно слетел с неё. Отключилась. Глаз так и не подняла.

– Что там говорят? – закричал Селифан.

– Вся редакция «В гостях у звезды» сгорела в своей машине. Будто бы и вы тоже, Аркадий. Прямое попадание ракеты. Хоронить, говорит, нечего. Да и не может этим заниматься канал, потому что все сотрудники с завтрашнего дня в неоплачиваемом отпуске.

A stylized, handwritten signature or mark, possibly the author's name, written in black ink. It consists of several overlapping, wavy lines that form a unique, abstract shape.

Глава 36, последняя. **МАРГАРИТА, СЕЛИФАН: стоны среди ночи; кто из них двоих серьезнее относится к деньгам; учение Кришнамурти и любовные планы Селифана**

Его разбудил далёкий шум дождя, судя по всему, настоящего ливня. Удивило, как чётко он слышен – через две двери, две стены. Потом рассмотрел, что дверь в коридор приотворена и ощутил, что Маргариты больше нет рядом с ним, точнее, на нём, под ним и рядом. Они заснули на этой узкой кровати, то ли друг с другом сплетённые, то ли друг в друга втиснутые. И надо сказать, что, проснувшись в прошлый раз, он почувствовал себя вполне уютно. Тут лёгкая тень зачернила еле различимый просвет двери, и Маргарита тихонько спросила:

– Ты тоже не спишь? Тебя тоже подняли эти стоны?

– Страстные, любовные? – усмехнулся, зная, что его усмешки она не увидит.

– У тебя одно на уме, милый. А я выходила слушать дождь. Не приснилось ли мне, что пошёл.

Ему и в самом деле только одно шло на ум, когда он оставался с госпожой Икс наедине, и она превращалась в Маргариту, самую желанную женщину на свете. Вчера вечером вся его нелепая ревность растаяла в те несколько секунд, когда она встала под душ, а он, не медля, присоединился.

– Теперь мы должны полюбить дождь, милый. В нелётную погоду самолёты не летают. И не бомбят.

– А я и раньше любил дождь. Мне легче дышится. Да он и отмывает всё вокруг. А кто, по-твоему, мог стонать? Леночка... Или Симон-умник?

– Владик, как он не молодится, достаточно уже стар, и ему мог присниться скверный сон. Об Анечке уж не говорю... А что касается страстных стонов, ты бы лучше на себя посмотрел.

Замечательна логика! Прелестная логика! Но ему хотелось, чтобы его умница быстрее возвратилась на кровать, а он принялся бы её отогреть, укрывать, убаюкивать... Маргарита, однако, не торопилась.

– Вот я смотрю, милый, на эти тёмные стены, и вспоминаю, какие они, когда включен свет. Тусклые, скучные, покрытые казённой зелёной масляной краской. И провода, трубы – всё наружу. И это притом, что комнаты, напротив, достаточно комфортабельны, и при каждой просторный санузел.

– Иди сюда, я знаю объяснение. Или могу предположить, в чём тут дело.

– Да? Насчёт комнат и я догадалась. Максим в последние годы останавливался только в хороших гостиницах и не представлял уже, чтобы один туалет на всех и одна ванная комната.

– Мы в номере для VIP? А я догадался, почему коридор такой. Это же типичная декорация для фильма ужасов. Отвратные картины на стенах в той же плоскости. И топор в ручках у ещё трезвой Леночки... И вот, имеется уже и живой мертвец.

– Эй! Ты почему вздыхаешь, милый? Иду, уже иду...

Неужели она уляжется на вторую, свою койку? Слава Богу, нет...

– Ну, знаешь! Мы так не договаривались, милый...

– Ладно, будь по-твоему... Это всё коньяк виноват. Слишком мало я его выпил. А такое возбуждает.

– Что-то новое. А я так лишнего выпила вчера. И оно уж точно возбуждает. А ведь у меня завтра репетиция, а послезавтра спектакль...

– Ты о чём? Какая там репетиция? Мы в другом мире, бесценная моя. И натрескались консервов. В них слишком много консервантов, а те...

– ... тоже возбуждают? Ну-ну...

– И ещё эти внезапные смерти. Не смягчённые для нас ритуалами похорон, не осмысленные нами, нелепые, наконец! Что может противопоставить им бесхитростная душа, если не успевает оплакать каждого, погоревать по-человечески? Простейший жизненный инстинкт, животное неприятие смерти.

– Я мало что поняла, милый. Очень надеюсь, что ты только что не сравнил нас с мышами, которые, предчувствуя наводнение, принимаются лихорадочно спариваться. Любопытно, что сказал бы тебе в ответ Максим.

– А меня раздражает, что мы слишком часто вспоминаем о твоём драгоценном Максиме! О чём бы не начали, обязательно сводишь к нему, вот чёрт...

– Сколько раз тебе повторять, милый, что у тебя во все нет оснований для ревности. Я, быть может, сама не сразу примирилась с этой новостью... С той, что Максим фактически подарил мне квартиру. Однако на его поступок можно посмотреть и с другой стороны. Когда ещё завлекали нас в капитализм, разве не прожужжали нам все уши байкой о меценатах? Приедут, мол, из Парижа, а наши перевоспитаются из бандитов и своей щедростью поднимут культуру до невероятных высот?

– Как только ограбят народ и сами нажрут до отвала? Сама же признаёшь, что байка.

– Если не желаешь усматривать в Максимовом подарке меценатство, давай будем считать это перераспределением богатств. Ну, эпизодом дерибана, случайно

оказавшимся справедливым. Или ты предпочитаешь, милый, чтобы я чувствовала себя продажной девкой, вроде твоей секретутки?

– Почему моей, спрашивается?

– Да, мы с Максимом приезжали сюда. И знаешь, чем мы здесь занимались? Сплетничали о тебе. Максима безумно интересовал наш роман. Он очень симпатизировал тебе, милый.

– Значит, всё-таки развлекался. И сюда собирал нас, чтобы продолжить развлечение. Назвал бы я его по заслугам, да нельзя.

– А что мы теперь можем с этим поделать? Хотя... Ты, что же, совсем уже не собираешься спать?

– Боюсь, не засну уже. Разве что, если...

– Ни за что на свете...

Когда Маргарите удалось утихомирить расшалившегося Селифана, она предложила:

– Давай уйдём прямо сейчас, милый. Я бы всё равно убежала завтра. У меня же репетиция. Но я не представляю, как решилась бы прийти прямо в театр в таком растерзанном виде.

– Прекрасно! На меня, признаться, эти стены просто давят. Мы побывали здесь, отдали, так сказать, долг памяти. Я оставляю сумку на столе, с запиской. Карточка, к сожалению, на мое имя... А ты не хочешь ли взять свою долю?

– Нет. Боюсь, что и без того квартира будет у меня лежать камнем на душе. Пусть твоя Леночка разделит мою долю между стариками. Включай свет, будем собираться. Господи, милый, как легкомысленно ты относишься к деньгам!

Собрались, оставили записку. Ко времени и дождь прошёл. Над Сырцом стоял предутренний туман. Селифан осторожно захлопнул за собою двери, поднялся по

ступенькам и обнял за тёплые плечи Маргариту. Сказал, успокаивая заодно и себя:

– Очень хорошая идея. Пешком тут, по сути, недалеко. Мы просто разбаловались: всё на колесах да на колесах... Выйдем на Дорогожицкую, она переходит в Мельникова, потом в Артёма – одна длинная улица! Я же учился фактически на Мельникова, за мотоциклетным заводом. По Гоголевской спустимся и поднимемся, а там уже и рукой подать.

– Это утешает.

– Если какая мразь и бродила по улицам, дождь их разогнал. Злые силы спят сейчас, дорогая. Вот только придётся пройти мимо Лукьяновского ...

– Живые нам страшнее, милый.

Останки сожжённого «мерса» уже исчезли, следы происшествия в темноте не видны. Так что, проходя по тротуару с другой стороны улицы, можно было бы и не вспоминать о погибших здесь. Они почти минули уже Лукьяновское кладбище, когда внезапно рассвело – и стали видны впереди, ближе к Печерску, уходящие в серое небо чёрные дымы. Значит, не страстные стоны их разбудили...

– Я ведь так и не рассказала тебе, милый, о своём первом муже. Ты не против, если вот теперь?

Может, в другое время и возражал бы Селифан, но сейчас он буквально засыпал на ходу, и ему, на секунду-другую, даже сны успевали присниться.

– Молчанье – знак согласия. Герман был инженером, киевлянином, имел комнату в коммуналке. Мне казалось, что он владеет сказочным царством, потому что раньше я ничего не видела, кроме интернатов и общежития. Я ведь не говорила тебе, что я детдомовская? Я и не говорю никому. Теперь любят повторять всякие гадости о девушках из детдома, будто оттуда выходят

чуть ли не готовые проститутки. Я не успела увидеть (или распознать) никакой такой грязи, потому что очень рано попала в Вагановское. Там нас держали строго.

– Бедненькая моя!

– Но покорила меня Герман своей духовностью, тем, что был совершенно не похож на окружавших тогда меня людей. На ту весёлую киевскую молодёжь. Вроде сегодняшних детей мажоров. А он был пламенный последователь Кришнамурти...

– Кришнамурти – воплощение бога Кришны, что ли? – решил блеснуть эрудицией Селифан и не смог сдержаться, зевнул. Вот только Кришны им сейчас и не хватало...

– Это просто такое индийское имя. Он тогда ещё жив был, этот Кришнамурти. На философа не тянет, а сам он протестовал, когда его называли гуру. Соглашался на что-нибудь поскромнее: духовный учитель там, проповедник... Мальчиком его завезла в Англию свихнувшаяся на богоискательстве англичанка и дала образование. Со временем Кришнамурти вышел из секты благодетельницы и основал собственное учение. Герман мне столько раз о нём рассказывал, что, видишь, до сих пор помню... Самопальное издание одной из его книжек мой муженёк всегда носил с собою, словно Евангелие... Со временем я поняла, что Германа просто загипнотизировала индийская экзотика, все эти йоги, заклинатели змей, съедобные и целебные травы, мифология, веды...

– Махараджи! Слоны! Камасутра!

– Не пошли, Аркадий! Ведь это часть моей жизни. Имей уважение... А тогда я ему просто в рот глядела. Знаешь ли, мы ведь постились. И я постилась честно и беспрекословно, хоть и тяжко мне было, с моей-то физической нагрузкой, у станка и на сцене. И не прика-

сались друг к другу целых полгода, общались только духовно. Ты такое можешь представить, милый?

– Нет, конечно.... Что?! – с него и сон слетел.

– Вот именно! И вся наша заоблачная и духовная донельзя жизнь провалилась в тартарары, когда на Германа положила глаз другая молоденькая дура. Как же он мог отказать ей – такой чувствительный, такой понимающий все движения сердца? Как же он мог нарушить свой идеальный образ, уже сложившийся в сознании юной сучки? И не удивительно для меня, что вскоре после развода я очертя голову выскочила замуж. За богатого по тем временам и тупого жлоба, вот...

Селифан понимал, что воспоминаниями она отвлекает себя от подянки, которая может поджидать в её квартире и которая и у него не выходила из головы. Может быть, специально растравляет себя... Однако хорошо и то, что увлѣкшись рассказом, Маргарита не успела разглядеть мокрую тѣмную массу впереди на тротуаре. Это мог быть и пьяный, и даже выброшенная прямо на улицу куча тряпья, однако Селифан предпочѣл потянуть её за руку:

– Давай перейдѣм на другую сторону. Я покажу тебе настоящую свою альма матер, как-никак пять лет здесь проучился...

– Да? Спасибо, милый... Я вспоминала обо всех этих весьма неприятных вещах, потому что хотела сказать тебе нечто безумно важное... Да, тебе, такому ревнивому, интересно, небось, где сейчас Герман?

– Если тебе не тяжело...

– Началась «перестройка», и он сумел укатить в Индию, а через несколько лет вернулся еле живой и совершенно разочарованный. Мне объясняли потом, что учение его обожаемого Кришнамурти для настоящего индустра – это или еретическая блажь, либо способ про-

паганды части идей учения среди западных обывателей. Так что дома, в Индии, поклонник Кришнамурти был для индийцев абсолютно неинтересен.

– Нуль без палочки...

– Зачем ты так? Кто-то же кормил его эти четыре года... Я тогда уже снова жила одна, у меня была своя комната с кухонькой на Красном хуторе, и мне, разумеется, сразу же донесли, что Герман появился в Киеве. Так вот, возвратившись, он развёлся со своей сучкой и какое-то время пробавлялся тем, что показывал в домах прежних товарищей по тусовке слайды из путешествия и рассказывал всякие гадости об индийцах. Потом передают мне, что пьёт по-чёрному – а пока мы были женаты, в рот не брал спиртного! Соседи по коммуналке подловили Германа во время запоя, сдали в психушку, и там он что-то быстро, за пару лет, сгорел.

– Знавал я таких ребят, – пробормотал он. – Им лишь бы чем-нибудь выделиться из тусовки. Один – буддист самопальный, другой клепает себе доспехи, чтобы изображать чего-то в кружке исторических реконструкций...

Она остановилась, решительно повернула к себе Селифана и заявила строго:

– Каким бы ни был Герман, это моя самая большая любовь. Если бы захотела, пошла бы к психоаналитику, и он растолковал бы мне, как так случилось, что он на несколько лет... Да ладно, я и сама догадываюсь. Теперь вот ты возник в моей жизни – и снова ненадолго, наверное. Да только я тебе хочу сказать, что мои чувства к тебе совсем не такие, какие я испытывала к Герману...

Тоскливо осмотрелся Селифан – и не увидел вокруг ничего. Вот, значит, как она к нему относится... Только нельзя ведь оставить её здесь сейчас и убежать куда глаза глядят. И за что она его так, за что?

Еле выдавил из себя:

– Может быть, не нужно?

– Вот именно нужно, чтобы ты понял! Это совсем другое, поверь. Я теперь не вытерпела бы и дня дурацкого воздержания по своей воле! И вот ещё, можешь смеяться, но я убеждена, что примесь материнских чувств совсем не портит тут дело!

Селифан и не подумал смеяться. А думал он, глядя в её полные слёз фиалковые глаза, о том, что у них, напротив, всё будет навсегда. Точнее, в любом случае очень надолго, если не навсегда. Насколько это от него самого зависит. Пусть говорит, что ей угодно, но... Вот она, слава Богу, на расстоянии вытянутой руки, и больше он никуда одну её не отпустит. И на эту хату тоже, из которой повадилась его выставлять.

Как странно! Хоть увлечённость подругой и заполонила, Селифан, в некоем закоулке своего сознания оставаясь сметливым и критичным, ясно понимал, что, согласившись вернуться вместе с Маргаритой к ней домой, совершил очередную в своей жизни глупость. Быть может, и последнюю. Да, «бункер» – очень опасное место сейчас, у него прямо на душе полегчало, когда ушли оттуда. И на свою квартиру нельзя сунуться – а вдруг там уже поджидают? Лучше всего было бы затеряться в одной из бесчисленных «мини-гостиниц», а для этого просто присматриваться к каждому столбу, пока не найдёшь самодельное объявление. Вот только Маргариту не переубедишь, не такая она женщина. Угораздило же прилипнуть к «железной леди»! Никуда не денешься, придется сыграть в «русскую рулетку»... Зато ведь и возможный выигрыш великолепен: они останутся вместе, и то немислимое их единение, та их изумительная телесная и духовная нерасторжимость обязательно возвратятся, не смогут не вернуться... Что?

– Вон уже... – пискнула Маргарита. Откашлялась и договорила нормальным тоном. – Вон и домина мой на горизонте.

Он присмотрелся. Нет, не показалось: на тёмной стене светятся тускло, жёлтым, два окна. Седьмой ли это этаж? Позаботилась ли в своё время Маргарита вычислить, где окна её квартиры? Тут дома на широкой Гоголевской вроде как сдвинулись к середине улицы, а большую часть мутного рассветного неба закрыла причудливо очерченная тень.

Мысли языческого бога Велеса, принявшего облик летающего змея, тяжко проворачивались в красной, похожей на собачью, голове. Нет ничего нового под крыльями: князь убежит в чужую землю, враги разграбят прекрасный город и уйдут восвояси, суетливый народ схлынет и снова наполнит вечные каменные стены. А эти двое внизу на пустынной улице, взявшиеся за руки, словно дети – неужели не ведали они, что за наслаждение расплачиваются смертью?

2012 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	3
<i>Глава 1. СЕЛИФАН: культурный феномен Жоры; стоило ли связываться с малолитражкой; летающий зелёный Змий</i>	21
<i>Глава 2. МАКСИМ ЛУКИЧ: выслушивает прожект Селифана; тут же ослепительное видение, а под конец неожиданный звонок</i>	31
<i>Глава 3. МАРГАРИТА: она кокетничает своими годами и делает нечаянные признания; самоуничтожение Селифана – оправданное ли?</i>	41
<i>Глава 4. МАКСИМ ЛУКИЧ: тоже мне нашла подружку-исповедницу; как шили костюмы киевские денди семидесятых; кое-что о моральном облике Истомина</i>	51
<i>Глава 5. ЛАДА: издержки брачного контракта; побег никуда; нечаянное предательство на закуску</i>	63
<i>Глава 6. МАКСИМ ЛУКИЧ: похвальба «бункером»; болтовня о группенсексе; эротическая математика, а заодно и о старом киевском способе знакомства с девушками</i>	73
<i>Глава 7. МАКСИМ ЛУКИЧ: скучная разгадка загадки Перельмана; о рюмке коньяка и теоретическом мышлении; слезливый мемуар Селифана</i>	85
<i>Глава 8. ЖОРА: тайны фен-шуя; непристойное воспоминание, безделушка и предложение, а также милый сюрприз от госпожи Икс</i>	95
<i>Глава 9. МАКСИМ ЛУКИЧ: банкир о параллели между православием и балетом, а Селифан о бабе Лиле, Жульке и Полкане</i>	105

<i>Глава 10.</i> МАКСИМ ЛУКИЧ: как он клеймит длинноногих блондинок; его откровения о Леночке, Морган Фэйрчайлд и о киевском балете	117
<i>Глава 11.</i> ИСТОМИН: проблемы с таксофоном; хаосософия и хаосология; научный способ стимуляции воспоминаний	127
<i>Глава 12.</i> ИСТОМИН: стилига под крылом у сталинской соколихи; кому было дозволено жить в прекрасном Киеве; заключения прелестной Софочки	137
<i>Глава 13.</i> ИСТОМИН: Селифан как диссидент; окончание истории нежной Софочки; Анна Владимировна перехватывает инициативу	149
<i>Глава 14.</i> АННА ВЛАДИМИРОВНА: парадоксальная самоотверженность Риточки; были ли Риточка и Алекс любовниками; отчего начал попивать красавец Алекс; Киев как рай земной	159
<i>Глава 15.</i> ИСТОМИН: взгляд Анны Владимировны на Софочку; первые запои; исповедь беспартийного большевика	169
<i>Глава 16.</i> ЛАДА: радости супружеского секса; маленькие, но ужасные открытия, и на чём сердце успокоилось	179
<i>Глава 17.</i> СЕЛИФАН: преимущество контрамарок; Радамес и прочие киевские египтяне; Лада как театралка; почему не стоит брать казённый бинокль в антракте	189
<i>Глава 18.</i> ВЛАДА ЧЕРНЯК: астраханская версия финала «Аиды»; три Т-72А ставят точку в конце интервью с дивой, а ещё странное предложение банкира	199
<i>Глава 19.</i> СЕЛИФАН: баба Лиля как злой Монтекки; оппозиция Жулька / Джульетта; весьма необычное празднование 9 мая у тёти Зины	209
<i>Глава 20.</i> МАРГАРИТА: Максим Лукич в роли психоаналитика; глупое, бессловесное счастье; возникает ключевое слово «навсегда»; неожиданный каприз Маргариты	219

- Глава 21. СЕЛИФАН: о Зиночке снова, теперь Маргарите – и не понять, зачем 231*
- Глава 22. МАРГАРИТА: дискуссия о вульгарности Зиночки; хорошая хозяйка, а пёс на улице; кое-что о Жориной коммуналке и сам он как ангел-спаситель 241*
- Глава 23. ИСТОМИН: толстушка Лина нарушает гармонию; телефонное признание старого стиляги; горе вам, в детстве не гулявшим в Ботсаду 253*
- Глава 24. РУСЛАНОВ: свидание на Евбазе; киевские Журденны, а также о торговле новейшим антиквариатом 265*
- Глава 25. РУСЛАНОВ: о двух доцентах – Бахтине и Русланове; тени славного киевского прошлого, витающие над Гоголевской; значение имени Селифана 275*
- Глава 26. РУСЛАНОВ: всё ещё не о Маргарет, зато о своих добром и злом ангелах; второе явление учебно-боевой БМП; лукавая доля двусмысленного Павлика 285*
- Глава 27. РУСЛАНОВ: его «голубые» истории, рассуждения и мечты, а вот о Маргарет так и не вспомнил 295*
- Глава 28. РУСЛАНОВ: двусмысленное теоретизирование; Бертолуччи; неуместное воспоминание Селифана 305*
- Глава 29. РУСЛАНОВ: наконец-то несколько слов и о Маргарет; эскапада Лады; для чего Симону ширма 315*
- Глава 30. МАРГАРИТА: Откровения омоновца; белые чулочки госпожи Икс; фасолевая каша; ночное пробуждение 327*
- Глава 31. МАРГАРИТА: опасное путешествие центром Киева; Лина отличилась; попробуй тут разберись, кого следует называть «девушкой» 339*
- Глава 32. СЕЛИФАН: ещё одно объяснение с Маргаритой; звонок Максима Лукича; неприятная новость от Жоры ... 351*

Глава 33. СЕЛИФАН: что ещё, кроме зелёного Змея, летает в небе над Киевом; спор о патриотизме; печальная весть и ещё о том, какие прохожие появились на киевских улицах 361

Глава 34. МАРГАРИТА: погрузка на ковчег в отсутствие Ноя; новые печальные вести, и о потере Селифаном работы тоже; мелкие дразги и крупные неприятности 373

Глава 35. ЛЕНОЧКА: пир во время облавы; мудрость юного Симона; появление за столом живого мертвеца 383

Глава 36, последняя. МАРГАРИТА, СЕЛИФАН: стоны среди ночи; кто из них двоих серьёзнее относится к деньгам; учение Кришнамурти и любовные планы Селифана 395

Литературно-художественное издание

Росовецкий Станислав Казимирович

ЖЕСТОКИЙ КИЕВСКИЙ РОМАНС

Роман

Редактор: *Ю. Б. Дядищева-Росовецкая*
Компьютерная вёрстка: *С. С. Росовецкий*
Корректор: *Ю. Б. Дядищева-Росовецкая*

Дизайн обложки: *С. С. Росовецкий*

Дизайн титульной страницы:
Ю. Б. Дядищева-Росовецкая

На авантитуле фотография С. К. Росовецкого
авторства С. Н. Саломатина